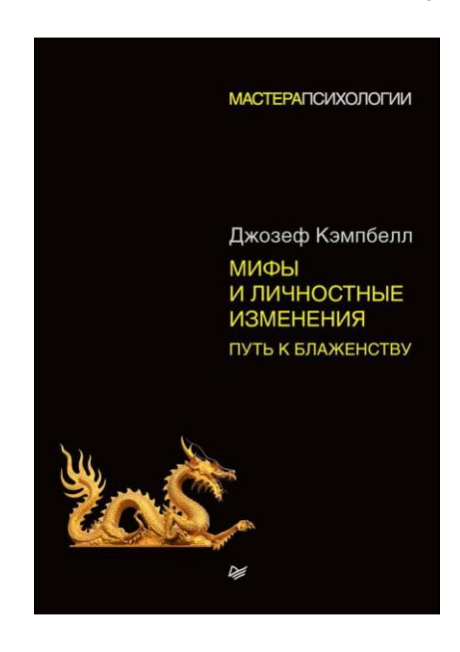
Джозеф Кэмпбелл
Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству

текст предоставлен доброжелателем http://www.ozon.ru/context/detail/id/138884586/
«Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству»: Питер; Санкт-Петербург; 2017
ISBN 978-5-496-02530-0

Аннотация

Книги Кэмпбелла по мифологии и психологии мифа давно стали бестселлерами во всем мире, разойдясь миллионными тиражами. Автор рассматривает миф как путеводитель по жизненному пути человека, от рождения к полной самореализации, которую он называет блаженством. Объединив историю с современной психологией, он показывает, как мифы формируют жизнь и ведут нас по пути счастья или беды. Произведения Кэмпбелла вдохновили многих творцов из мира искусства, в том числе Джорджа Лукаса — на создание «Звездных войн».

Джозеф Кэмпбелл
Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству

Joseph Campbell
Pathways to Bliss: Mythology and Personal Transformation

New World Library
Novato, California

Джозеф Кэмпбелл
Мифы и личностные изменения. Путь к блаженству
Серия «Мастера психологии»
Перевела с английского *О. Чекчурина*
Заведующая редакцией *Т. Шапошникова*
Ведущий редактор *Е. Власова*
Литературный редактор *Н. Щербакова*
Корректоры *В. Сайко, И. Мивриньш*
Верстка *Л. Соловьева*
16 + (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г № 436-ФЗ.)

* * *

Познать других — это мудрость;
Познать себя — это просветление;
Совладать с другими требует силы;
Совладать с собой требует подлинной силы.
Лао-цзы, Дао Дэ Цзин

О собрании сочинений Джозефа Кэмпбелла

После смерти Джозефа Кэмпбелла в 1987 году осталось много его опубликованных работ, в которых он исследовал то, чем всегда так страстно увлекался, — систему универсальных мифов и символов, названную им «Одна общая история человечества». И еще осталось много его неопубликованных работ: разрозненные статьи, заметки, письма и дневники, а также аудио- и видеозаписи его лекций.

Фонд Джозефа Кэмпбелла был основан в 1991 году для того, чтобы сохранять, оберегать и продолжать дело его жизни. Фонд сумел сохранить архив его трудов и записей в цифровом формате и опубликовать ранее недоступные материалы и давно не издававшиеся работы в «Полном собрании сочинений Джозефа Кэмпбелла».

Полное собрание сочинений Джозефа Кэмпбелла.
Роберт Уолтер, генеральный директор
Дэвид Кадлер, исполнительный директор

Предисловие редактора

Завершая в 1972 году работу над книгой «Мифы, которыми мы живем», созданной на материале лекций за двадцать лет, Джозеф Кэмпбелл заметил, что пережил откровение:

> Я почувствовал, что за это время вырос как личность, что мои представления изменились и что сам я стал лучше. Но когда я собрал эти труды воедино, оказалось, что в них говорилось об одном и том же — на протяжении многих десятилетий. Я обнаружил кое-что о том, что побуждало меня к действию. Я даже не очень ясно осознавал, что же это было такое, пока не заметил общих идей, которые лежали в основе всей этой книги. Двадцать четыре года — это довольно длительный срок. Многое произошло за это время. А я все говорил и говорил об одном и том же1.

Когда я сам закончил работать над этой книгой, в основу которой легли десятки лекций, интервью и семинаров, которые проводил Кэмпбелл между 1962 и 1983 годами, и у меня возникло похожее ощущение.

Я отобрал эти лекции, потому что в них ярко отражается результат кэмпбелловских исследований мифологии как средства выживания человека и инструмента для понимания его психологического развития — сам Кэмпбелл обозначил это как «четвертую», или «психологическую», функцию мифологии. Поначалу я хотел представить своего рода исторический обзор размышлений Кэмпбелла на эту тему.

Но я обнаружил, что мысли, которые он сформулировал в те времена, когда заканчивал Куперовские Чтения[1] и титанический труд из серии «Маски Бога», в значительной мере перекликались с идеями, которые он продолжал обдумывать в конце своей жизни, хотя это выражалось более неформально и энергично, например в контексте семинаров Института Эсален[2], где он ежегодно отмечал свой день рождения. Некоторые его мысли получали

[1] Купер Юнион (англ. The Cooper Union for the Advancement of Science and Art, или коротко The Cooper Union) — известный частный колледж, расположенный в сквере Купер в Манхэттене, Нью-Йорк. В его Большом Зале часто проводятся публичные лекции выдающихся деятелей культуры — кроме Джозефа Кэмпбелла там читали, например, Салман Рушди, Стив Райх и Ричард Столлмэн. — *Здесь и далее примеч. ред.*

[2] Институт Эсален (англ. Esalen Institute) — поселение-коммуна на западном побережье Калифорнии, основанное психологами Майклом Мерфи и Ричардом Прайсом в 1962 году. Территория коммуны — 120 акров. За время существования Института его посетили более 300 тыс. человек со всех континентов. Институт задумывался как свободная зона, где любой человек может заняться личностным развитием. Там жили и работали Фредерик Перлз и Абрахам Маслоу, Станислав Гроф и Тимоти Лири, Олдос Хаксли и Кен Кизи, а

дальнейшее развитие — например, представления о перспективах и опасностях употребления ЛСД как средства освобождения мифических образов коллективного бессознательного, — но в целом тезисы оставались неизменными. Кэмпбелл понимал, что миф создает основу для личностного роста и изменений, а знание того, каким образом мифы и символы влияют на сознание конкретного человека, позволяет найти способ жить в гармонии с самим собой, найти путь к благодати.

Неспешный ход его мысли, с одной стороны, бесконечно упрощал редактирование этого издания, а с другой — весьма усложнял его по сравнению с работой над предыдущими томами «Полное собрание сочинений Джозефа Кэмпбелла».

«Саке и сатори: Азиатские заметки — Япония» были созданы на основе единого последовательно организованного источника, который помогал мне сконцентрироваться на более точном изложении хода мысли Кэмпбелла. «Мифы света: восточные метафоры Вечности» строились на серии лекций и неопубликованных работ, подводя итог тридцатилетнему периоду размышлений Кэмпбелла о философии Индии и Восточной Азии. Однако, как только я выстроил их в соответствии с общей идеей — идеей исследования изучения трансцендентной божественности, каждая из тем легко и точно заняла подобающее ей место, по лекции на каждую часть.

Первая часть издания, которое лежит перед вами, «Человек и миф», посвящена исторической трансформации мифа как средства развития и взросления не сообществ, но отдельных индивидов. Эта часть была скомпонована из относительно разрозненных и разнообразных лекции, моей основной задачей было представить их так, чтобы удалить все лишнее и освободить читателя, например, от четырех разных вступлений, определяющих четыре функции мифологии.

А во второй части книги «Живой миф» в центре внимания находится фундаментальная психология мифа, сформулированная на основе серии лекций почти за целое десятилетие, объединенных общим названием «Как прожить свой собственный миф» (самому Джозефу Кэмпбеллу оно не казалось вполне удачным). Иногда это была часовая лекция, иногда материалы семинара, который длился в течение недели. В каждом случае затронутые темы рассматривались в едином ключе, но излагались в различной последовательности, и в центре внимания каждый раз находилась новая мысль — в зависимости от того, перед какой аудиторией выступал Кэмпбелл, от событий конкретного периода современности и от его собственных разработок излагаемой темы. Из-за этого собирать воедино ясные, но подробные размышления было более чем непросто.

В третьей части под названием «Путешествие героя» рассматривается основная мысль, которую Кэмпбелл подробно развивал в другой своей основополагающей книге — «Тысячеликий герой», где миф представлялся в качестве средства осмысления человеческой жизни. Здесь необходимо было разрешить иную сложную задачу. Бо́льшая часть материала представляла собой обобщение материалов трехдневного семинара в рамках чтений, длившихся в течение месяца в 1983 году. Поскольку сам семинар проводился в свободной форме, в виде дискуссии на разнообразные темы, он не представлял собой однородного текста. Найти общую логическую нить рассуждений, но не привносить свои тезисы и не сокращать изложенное так, что оно стало бы недоступным для читательского восприятия, было, мягко говоря, непросто. Вероятно, это была одна из самых трудных и запутанных задач.

Радость от чтения и редактирования трудов Кэмпбелла заключалась еще и в том, что его ум, подобно драгоценному ожерелью бога Индры, связывает одну блестящую мысль с другой, всегда отыскивая ту самую нить, которая объединяет их. Как я указал во введении к книге «Мифы света», эта удивительная манера связывать концепты друг с другом принадлежит именно Кэмпбеллу. А за любую нелогичность готов взять на себя ответственность я.

также сотни их учеников и последователей.

Важно отметить, что мой вклад в появление на свет этой книги весьма скромен. Я хотел бы выразить признательность президенту Фонда Джозефа Кэмпбелла Роберту Уолтеру, который не только сохранял наследие Кэмпбелла в течение семнадцати лет с момента его кончины и управляет небольшим процветающим некоммерческим фондом, популяризировавшим труды Кэмпбелла, но и, опираясь на свой опыт дружеского общения с Кэмпбеллом и редактирования его трудов, помогал мне разбирать стопки рукописен и аудиозаписей, разыскивая нужные для книги материалы.

Также я хотел бы от души поблагодарить Джейсона Гарднера из Библиотеки Нью Ворлд за его помощь в работе над постоянно пополняющейся новыми трудами серией книг, а также выразить признательность Майклу Эшби, который мужественно преодолевал сложности санскрита, японского языка и романа Джойса «Поминки по Финнегану».

Мне также хотелось бы выразить благодарность Сьерре Миллеган и Шоне Шеймсу, талантливым молодым людям, о которых вы еще услышите в недалеком будущем, подготовивших транскрипты для частей этой книги. Госпожа Миллман также выполняла роль редактора текста первой части, «Человек и миф».

И наконец я хотел бы поблагодарить мою жену, Мауру Вон, рука об руку с которой я иду по жизни и которая придает смысл этому пути.

Дэвид Кадлер

16 июля 2016 года

Введение 2

Недавно я выступал в Институте Эсален в Калифорнии. В зале в основном сидели женщины. Их очень интересовало, можно ли найти в классических мифах персонажей, которые олицетворяли бы женщин в роли солдат или руководителей. Эти роли они сами выполняют в современной жизни — а в мифах таких героинь не было. Так возник вопрос о том, может ли миф в принципе быть примером для подражания.

Я бы сказал, что мифы, бытующие в конкретном обществе, действительно могут служить примерами для подражания людям, которые живут в этом обществе в определенную эпоху. Мифологический образ показывает то, как именно энергия Мироздания проявляет себя в определенный момент времени, — а времена меняются, и способы проявления меняются вместе с ними.

Я ответил своим слушательницам, что боги воплощают силы покровителей, которые защищают вас в какой-то определенной сфере деятельности. Поклоняясь божествам, вы получаете от них силу и поддержку, которые помогают вам освоить эту конкретную роль так, как она воплотилась в образе бога или богини. Существуют боги-покровители сельского хозяйства, покровители воины и так далее. В классической традиции нет богини, которая бы покровительствовала бизнес-леди, женщинам, работающим в силовых структурах, в армии и так далее. Афина — покровительница воинов, но сама она — не воин. Артемида, может, и была охотницей, но символизирует преображающую мощь природы, а не конкретную профессию. Чему бы могла научиться у Артемиды женщина из мира бизнеса?

Там, где существует мифологический образ, он наполнялся смыслом в течение долгих десятилетий, столетий или тысячелетий опыта. Нелегко строить свою жизнь, если у тебя подобный пример отсутствует. Я не знаю, как это происходит сейчас, когда нам открылось так много новых возможностей, но по собственному опыту могу судить, что именно пример для подражания направляет человека в жизни, указывая, как именно разрешать проблемы и как использовать свой потенциал.

Миф отличается от истории: мифы — это не вдохновляющие рассказы о выдающихся людях. Миф трансцендентен по отношению к настоящему. Народный герой отличается от персонажа с реальной биографией, даже если его прообраз и существовал в

действительности, как Джон Генри[3] или Джордж Вашингтон. Народный герой представляет собой трансформирующий аспект мифа. Когда у вас существует традиция устного мифа, он абсолютно актуален. В сказаниях современных американских индейцев есть и велосипеды, и вашингтонский Капитолийский холм. Все немедленно встраивается в мифологию. В нашем обществе фиксированных текстов и печатного слова именно поэт видит ценность фактов, которые существуют вокруг нас, обожествляет их, и, как и в былые времена, именно поэту предназначено создавать символы, которые связывают повседневное с вечным.

Конечно, когда вы пытаетесь связать себя с трансцендентным, вам совершенно не обязательно созерцать определенный образ. Вы можете следовать по пути Дзен и вообще забыть о мифах. Но я-то говорю о пути мифа. А настоящий миф всегда дает вам некое поле, на котором вы можете найти место для себя. Именно в этом состоит смысл мандалы, священного круга, и неважно, кто вы — тибетский монах или пациент психоаналитика-юнгианца. Символы располагаются по кругу, а ваше место — в его центре. Лабиринт, безусловно, является запутанной, лишенной порядка мандалой, внутри которой вы заблудились. Таким представляется окружающий мир людям, у которых нет мифологии. Они пробираются по этому лабиринту с таким трудом, словно до них никто никогда этого не делал.

Недавно я познакомился с работой потрясающего немецкого психиатра — графа Карлфилда Дюркгейма[4] (не путайте с французским социологом Эмилем Дюркгеймом). Он создал обобщенную концепцию здоровья — физического и психологического, — используя представления о мифах Карла Густава Юнга и Эриха Ноймана3. Дюркгейм утверждает, что каждый из нас наделен жизненной мудростью и все мы воплощаем мистическую силу: силу жизни, которая создала все вокруг и сотворила нас самих в утробе матери. Мудрость живет внутри нас, и она воплощает энергию этой силы, которая растекается во времени и пространстве. И такая сила, заключенная в каждом из нас, предназначена для какой-то определенной миссии. И вот, наш ум размышляет, наши глаза видят, и все это так погружается в мир понятий и преходящих, сиюминутных проблем, что мы зацикливаемся на них и не позволяем потоку энергии свободно изливаться вовне. Тогда-то мы и заболеваем. Энергия оказывается заблокированной, и нас выбрасывает из центра; это представление перекликается с постулатами китайской и индийской медицины. Итак, психологическая проблема, способ не допустить блокирования энергии заключается в том, чтобы стать — и вот она, ключевая фраза, — *прозрачным для трансцендентного.* Все же так просто.

Именно миф указывает вам путь от феноменального мира к трансцендентному. Персонаж мифа — нечто вроде циркуля, которым вы в школе чертили окружности и дуги: его острая ножка находит опору в мире времени, а грифель скользит в мире вечности. Образ бога может воплощаться в виде человека или животного, но его сущность трансцендентна по отношению к этой форме.

И если вы направляете подвижную, метафорическую часть своего «циркуля» к конкретному референту — к факту, — то получите всего лишь аллегорию, а не миф. Миф указывает не на себя, а на нечто неописуемое; аллегория, в отличие от него, — просто история или образ, преподающий вам конкретный урок. Джойс называл это *неподобающим* искусством4. Одна из точек опоры мифологической фигуры всегда располагается в мире трансцендентного. Именно это имеет в виду Лао-Цзы, когда в первом афоризме Дао Дэ Дзин провозглашает: «Если Дао можно дать имя, то это не Дао»5.

Пусть божество, которому вы поклоняетесь, станет прозрачным стеклом для

---

[3] Джон Генри — чернокожий гигант-рабочий, персонаж фольклора США конца XIX века. Победил в состязании с паровым молотом, правда, ценою своей жизни.

[4] Карлфилд Дюркгейм (1896-1988) — немецкий психолог, психотерапевт и философ. Буддийский мастер школы Риндзай-дзэн.

трансцендентного света, и тогда его имя не будет иметь значения.

Более того, когда бог становится вашим образцом для подражания, если вы способны воспринять вдохновение, исходящее от него, ваша собственная жизнь перестает быть гонкой за успехом или достижениями и открывается трансцендентному, позволяя энергии течь сквозь вас.

Безусловно, чтобы достичь того, что лежит за пределами личности, нужно сначала стать личностью: эти два свойства необходимо объединять. Немецкий этнограф Адольф Бастиан рассуждал о том, что в мифе присутствуют два элемента: трансцендентный и локальный. Вы должны воспринять конкретную культурную традицию, чтобы совершить восхождение к трансцендентному уровню и таким образом установить свои отношения с Богом и на личном, и на сверхличном уровне.

В древних обществах такой контакт между местными традициями и сверхъестественным устанавливает шаман. Шаманом становится тот, кто пережил психологический кризис и сумел восстановиться после него. Юношу или девушку на пороге отрочества посещает видение или, возможно, неземная песнь. Это означает, что человек был призван высшими силами. Его лихорадит, у него начинается нервное заболевание, самый настоящий психотический эпизод. Члены семьи такого подростка, знакомые с соответствующими традициями, обязательно призывают шамана, чтобы тот дал молодому человеку наставление и конкретные указания, которые необходимо выполнить, чтобы вновь воссоединиться с реальным миром и спеть свою песнь.

Безусловно, то, что переживает такой индивид при погружении в мир бессознательного, характеризует бессознательное всего общества, к которому он принадлежит. Мир этих людей очень ограничен, и они сталкиваются с очень небольшим количеством психологических проблем. Потому шаман становится и учителем, и защитником мифологической традиции, но он живет в изоляции, его побаиваются; и находиться в таком положении очень опасно.

Бывает так, что в некоторых обществах человек старшего возраста сам хотел бы стать шаманом. Тогда ему предстоит пройти серию мучительных испытаний для того, чтобы обрести ту власть, которую природный шаман получил естественным путем. В северо-восточной Сибири и некоторых районах Северной Америки призыв стать шаманом означает смену пола. Это должно символизировать выход за пределы своего тела, данного с рождения, так что женщины начинают жить мужской жизнью, а мужчины — женской. Такие шаманы-трансвеститы играют значительную роль в мифологии северо-западных американских индейцев — хопи, пуэбло, навахо, апачей, сиу и других.

Валдемар Вогорас и Валдемар Йохельсон первыми обнаружили эту гендерную инверсию у чукотского народа, населяющего Камчатский полуостров в Сибири6. Эти два исследователя стали свидетелями самых разных реакций на подобное явление. Некоторые молодые люди, услышав призыв стать «мягким человеком»[5], испытали такое смятение и стыд, что покончили с собой. Если шаман не откликается на зов, то он будет психологически раздавлен и ему придет конец. От него требуется полная психологическая самоотдача.

Недавно я услышал рассказ о жизни одной женщины из шахтерского городка в Западной Вирджинии. Когда она была маленькой девочкой, на прогулке в лесу ей послышалась чудесная музыка. Она не знала, что ей с этим делать, как поступить. Прошли годы, и когда ей исполнилось шестьдесят, она обратилась за помощью к психотерапевту, рассказав, что чувствует, будто вся ее жизнь прошла впустую. Только в состоянии глубокого гипнотического транса она вспомнила о мелодии, которую услышала в детстве7. Как вы догадываетесь, это была шаманская песнь.

Вслушиваясь в эту песнь, вглядываясь в эти видения, шаманы сохраняют точку равновесия в центре своего мира. Их умиротворяет пение этих песен и исполнение ритуалов.

---

[5] То есть сменить гендер ради шаманского призвания и жить всю жизнь как человек другого пола.

На самом краю Южной Америки, на Огненной Земле, живут самые неприметные жители континента, племена индейцев Она и Яган. В начале XX века отец Альберто де Агостини, священник и ученый, провел в этом племени какое-то время, и благодаря ему мы знаем кое-что о мифологии этих людей. Он рассказывает о том, что как-то ночью проснулся и услышал, как местный шаман поет, аккомпанируя себе на барабане, в полном одиночестве, всю ночь напролет, черпая в этом силу8.

Мысль о том, что ты сохраняешь в себе силу, приобщаясь к своему мифу, характеризует способ функционирования мифа как такового. Если это — живая мифология, имеющая непосредственное отношение к жизни современников, то повторение мифов и проживание ритуалов помогают вам остаться в центре вашего мира. Ритуал — это просто способ воплотить в жизнь миф, участвуя в ритуале.

Сегодня в племени Навахо многие страдают неврозами оттого, что они, воины, теперь заперты в резервации и больше не могут вести прежнюю активную жизнь. Ритуалы рисования песком сейчас у них применяются для исцеления — чтобы прожить миф снова и снова, открываясь трансцендентному.

Вот как работает миф.

Мой опыт в этой сфере подсказывает, что лучше всего этому учат в Индии. Когда мне было почти пятьдесят и я уже полжизни изучал мифологию, в конце концов мне пришел в голову вопрос: «Как же теперь собрать все это воедино?» Потом я подумал, что на земле существует место, где миф царит уже на протяжении многих лет, порождая при этом новые идеи, где за многие тысячелетия была собрана целая коллекция комментариев и дискуссий на эту тему. На вас не оказывают давления, вы сами выбираете то, что вам близко, в процессе непосредственного эстетического восприятия.

Итак, я отправился в Индию, и все сразу же встало на свои места9. Я обнаружил, что мои собственные соображения на эту тему перекликаются с тем, что я узнал там.

В ведической традиции существует доктрина, которая помогла мне осознать смысл понятия энергии, пронизывающее все мифы. «Упанишада Тайттирия»[6] провозглашает существование пяти покровов Атмана, духовной сущности индивида.

Первый покров — это *аннамайя-коса,* покров пищи. Это ваше тело, которое состоит из пиши и станет ею после вашей смерти. Черви, стервятники, гиены или пламя поглотят его.

Второй — покров дыхания, *пранамайя-коса.* Дыхание наполняет пищу кислородом, дыхание наполняет тело *жизнью.* Вот оно, это тело, — пища на огне.

Затем идет *манамайя-коса, — покров* разума, сознание, с помощью которого вы понимаете, что вы — это вы.

Между этим и следующим покровом — большой разрыв.

Следующий — это покров мудрости, *виджнмайя-коса.* Именно сквозь него течет поток трансцендентного. Именно такая мудрость привела вас в материнскую утробу, она переваривает съеденную вами пищу, потому что знает, как это делать. Именно эта мудрость подсказывает вам, как излечиться, если вы поранитесь. Рана кровоточит, но защитное снадобье ее исцеляет, и возникает рубец: так работает покров мудрости.

На лесной прогулке вы замечаете, что кто-то натянул колючую проволоку так, что она соприкасается с корой дерева. Дерево втягивает ее в себя, проращивает ее сквозь собственную кору. И у дерева он тоже есть, этот покров мудрости. Этой природной мудростью обладают и горы, и деревья, и рыбы, и животные. Сила мифа заключается в том, чтобы заставить умственный покров соприкоснуться с покровом мудрости, который возвещает о трансцендентном.

А под покровом мудрости располагается покров блаженства, *анандамайя-коса,* сущность трансценденции в самой себе и за ее пределами. Жизнь — это воплощение

---

[6] «Тайттирия-упанишада» — ведийский текст на санскрите. Относится к канону мукхья — одиннадцати наиболее древним Упанишадам.

блаженства. Но *манамайя-коса* , покров разума, не может расстаться со страданиями и радостями покрова пищи, терзается мыслями о том, в чем состоит смысл жизни и стоит ли вообще продолжать. Или, как говорится в «Поминках по Финнегану» у Джойса: «Стоит ли жить эту жизнь?»10

Представьте себе лужайку, поросшую травой. Из покрова блаженства проистекает покров мудрости, и потому трава растет. А каждые две недели кто-то приходит с газонокосилкой и подстригает лужайку. Представьте, что было бы, если бы трава воскликнула: «Да что же это такое? Опять? Все, я ухожу!»

Такое свойственно покрову разума. Когда вы задумываетесь о том, что жизнь полна боли, а милосердный Бог почему-то допускает существование мира, в котором все это творится, вы рассуждаете с точки зрения бинарных оппозиций: добра и зла, света и тьмы. Покрову мудрости противоположности неведомы, а покров блаженства содержит все противоположности в себе.

Когда я был в Египте, то посетил жалкое крошечное захоронение Тутанхамона. По сравнению с погребальным залом Сети неподалеку оно скорее напоминало деревенский туалет. Могила Сети походила на небольшой спортивный зал, а Тутанхамон после смерти занял две каморки размером с квартиру-студию. Потому никто и не потрудился ограбить его гробницу — и теперь мы можем увидеть все сокровища, которые там находились.

Давайте подумаем о гробнице Тутанхамона, используя индийские понятия о покровах. Не знаю, хотели этого древнеегипетские скульпторы или нет, но именно их я и увидел. Перед вами три прямоугольных саркофага, один внутри другого, — покров пищи, покров дыхания, покров разума. Это снаружи. Затем вы видите огромный каменный саркофаг, который отделяет два внутренних саркофага от внешних. Что же там находится? Деревянный саркофаг, отделанный золотом и ляпис-лазурью. Он повторяет контуры тела юного царя со знаками власти, которые крест-накрест располагаются на груди. Я сравнил бы его с покровом мудрости, уровнем живой органической формы.

А внутри скрыт покров благодати: саркофаг в форме тела Тутанхамона из нескольких тонн золота. Осознав, как добывалось золото в те годы, вы поймете, сколько жизней и человеческих страданий потребовалось, чтобы получить его — саркофаг, символизирующий покров блаженства.

В самой сердцевине всего этого находился Атман. К сожалению, древние египтяне впали в колоссальное заблуждение, перепутав вечную жизнь с вечным существованием конкретного тела. Отдав доллар при входе в музей, за посещение зала с мумиями необходимо доплатить еще один. И вот вы оказываетесь в комнате, где рядами выставлены деревянные гробы, в каждом из которых покоится фараон. Их имена напоминают названия бабочек в коллекции: Аменхотеп I, II, III...

Мне это напомнило грудничковое отделение в родильном доме, где в палате находятся новорожденные младенцы. У древних египтян всё — и строительство пирамид, и эти великие гробницы — было основано на главном заблуждении, которое заключалось в том, что вечная жизнь — это жизнь *аннамайя-коса,* жизнь покрова пищи. Ничего подобного. Вечность не связана со временем. Вечность — это трансцендентное измерение того, что происходит сейчас, к которому и отсылает миф.

Благодаря всему вышесказанному, можно понять, что же такое миф. Когда люди говорят: «Ой, этого не могло быть, а вот этого никогда не случалось, никакие мифы нам не нужны» — они просто освобождаются от слов, благодаря которым строится дискурс между *манамайя-коса* и *виджнмайя-коса,* между мудростью разума и мудростью органической, телесной.

Эти боги из мифов служат вам примером, становятся моделью для подражания, пока вы понимаете, как и где они соприкасаются с трансцендентным. Разве христианский концепт Imitatio Christi, подражания Христу, означает, что вы должны пойти и сделать так, чтобы вас распяли? Ничего подобного. Это значит, что нужно жить, опираясь на трансцендентное, подобно Богу.

Апостол Павел говорит: «Я живу, но не просто я, это Бог живет во мне»11. В этом заключается весь смысл буддийского сознания, которое объединяет Вселенную и тебя самого.

Мифы говорят, что соприкасаясь с миром определенным образом, вы находитесь под защитой Афины или Артемиды, того или иного бога. Сейчас мы лишены таких ролевых моделей. Мир изменился так быстро, что формы, которые казались нормой в дни моего детства, больше не существуют, и их нечем заменить, и все меняется очень, очень стремительно. Сегодня мир недостаточно стабилен для формирования мифологической традиции.

«Кому на месте не сидится, тот добра не наживет». Миф — это «добро». Так что вам придется создавать его самостоятельно, ad lib[7]. Настоящее представляется мне как свободное падение в будущее, для которого у нас нет никаких ориентиров. Вам просто нужно знать, как именно падать; и этому можно научиться. Вот как обстоят дела с мифами прямо сейчас. Нам всем не на что положиться сейчас.

Но двух проводников все-таки вы можете найти. Первым из них может стать человек, которого вы повстречали в юности и которого вы считаете благородным и достойным. Вы можете брать с него пример. Второй способ найти руководство к действию — это жить в стремлении к блаженству. Тогда благодать станет вашей жизнью. В санскрите есть такое изречение: три аспекта мысли, которые отдаляют от края пропасти на грани трансцендентного, это *сат, сит* и *ананда* — бытие, сознание и блаженство12. Вы можете сказать, что трансцендентность — это зияющая дыра или нечто целостное, потому что словами ее описать невозможно. Мы можем рассуждать лишь о стороне, которая доступна нашему восприятию. Задача в том, чтобы найти слова, образы, которые будут указывать нам на нечто большее, чем они сами. Но именно эти три концепта максимально приближают вас к этой пустоте: сат, сит, ананда. Бытие, сознание и блаженство.

По мере того как я становился старше, я продолжал размышлять об этих трех вещах. А я не знаю, что такое «бытие». И не знаю, что такое *«сознание».* Но зато я знаю, что такое «*блаженство* »: это ощущение, что ты абсолютно «здесь и сейчас», что ты делаешь именно то, что тебе необходимо, для того, чтобы быть самим собой. Если вы сможете поймать это ощущение, то вы очень близко подойдете к трансцендентному переживанию. Может быть, у вас нет денег, но это неважно. Через три недели после того, как я закончил учебу в Германии и в Париже, разразился кризис 1929 года на Уолл-Стрит[8], и я в течение пяти лет не мог найти работу. И, к счастью для меня, пособия по безработице тогда не платили. Я просто сидел в Вудстоке и читал, и думал, в чем мое истинное предназначение. Так я и жил на грани восторга все это время.

Я советую студентам: следуйте по пути своего блаженства. Момент, когда вы испытаете его, непременно наступит. А когда оно уходит? Следуйте за ним: это гораздо надежнее, чем понять, как и где вы будете зарабатывать деньги через год. Годами я наблюдал за молодыми людьми, которые ломали голову над тем, как построить карьеру. Есть только два способа понять это: первый — искать блаженства, второе — попытаться предсказать, где будет выгодно работать к моменту окончания учебы. А все так быстро меняется. В этом году лучше оплачивается работа в сфере компьютерных технологий, в следующем — работа дантиста, и так далее. И неважно, что решит молодой человек, — к тому моменту, как он примет решение и начнет действовать, все уже изменится. Но если он сможет понять, где центр его мира, дающий ему блаженство, то он всегда сумеет именно там и оказаться. Может быть, у вас не будет денег, но зато будет счастье.

---

[7] Сокращенное ad libitum — «по собственному усмотрению», «импровизируя» (лат.).

[8] То есть началась Великая Депрессия. 29 октября 1929 года произошел обвал цен на акции, биржевой крах Уолл-стрит.

Оно поведет вас к этой трансцендентной тайне, поскольку именно оно концентрирует трансцендентную энергию внутри вас. Поэтому, когда блаженство вдруг оставит вас, вместе с ним исчезнет и источник энергии — постарайтесь обрести его вновь. Подобно проводнику-Гермесу, пусть невидимый пес-ищейка вынюхивает ваш невидимый путь. Так оно и происходит. Так каждый находит свой собственный миф.

Вы можете найти подсказки в более ранних традициях. Используйте их как ключи к разгадке. Как сказал один мудрец: «Не нужно носить чужую шляпу». Сейчас многие очаровываются Востоком, надевают тюрбаны и сари, — но они увлеклись фольклором в поисках мудрости. А искать-то нужно именно мудрость, а не одежды, в которые она нарядилась. Минуя ловушки и мифы других культур, вы можете обрести мудрость, которую переплавите в свою собственную. Проблема заключается в том, как превратить эти мифы в свои собственные.

В рамках курса мифологии, который я читал в колледже Сара Лоуренс[9], я знакомил людей со всевозможными системами верований. Некоторым требуется больше усилий, чтобы создать свои мифы, чем другим, но каждый так или иначе был воспитан в контексте какого-то мифа. Я обнаружил, что любую мифологическую традицию можно применить к жизни, если она была в вас заложена. И хорошо хранить приверженность мифу, который был вами усвоен в детстве, потому что он уже внутри нас, хотим мы этого или нет. Вам остается лишь позволить мифу развиваться, а не просто следовать ему буквально. Нужно уметь услышать его песнь.

У меня есть друг, очень примечательная личность, который вначале принадлежал к пресвитерианской церкви, затем заинтересовался индуизмом, а потом стал прислуживать индуистскому монаху в Нью-Йорке около двадцати лет назад. Потом он отправился в Индию и там сам стал индуистским монахом. Однажды он звонит мне и говорит: «Джо, я собираюсь принять католичество»13.

Да, церковь проявляет интерес к экуменистскому единению. По крайней мере, ее представители так считают. Но если вы сидите за столом с ними, создается впечатление, что это им вовсе не интересно. Они слишком узко видят ситуацию и слишком держатся за свои принципы, опровергая другие системы. Мой друг, который из индуиста превратился в римского католика, написал в американском журнале иезуитов: «Нет, вам не следует так относиться к другим религиям. Если вы хотите донести свои убеждения до индуистов или буддистов, вам необходимо разобраться, о чем они думают, и нельзя относиться к их учениям свысока».

И вот его отправили в Бангкок на встречу представителей католических монашеских орденов. Это была та самая конференция, где Томас Мертон погиб от удара электричеством в каком-то из отелей[10].

Любопытно, что мой друг рассказал мне о том, что у римских католиков и буддистов не было проблем со взаимопониманием. Каждый из них стремился к тому же и знал, что этот духовный опыт невыразим словами. Общение — это всего лишь попытка подвести слушателя к краю пропасти, это — дорожный знак, а не сам по себе объект. Но не связанные с монашеством представители церкви прочитывают содержание этого общения и слишком буквально его понимают, это тормозит их, и вот в этот момент и возникает конфликт.

Мой старый учитель, Генрих Циммер, говаривал так: самое лучшее нельзя высказать словами — это трансцендентные, невыразимые истины. Второе по значимости понимается неверно: мифы — это метафорические попытки указать путь к этому самому лучшему. А

---

[9] Колледж в округе Вестчестер штата Нью-Йорк. Основан в 1926 году, известен высокими образовательными стандартами и индивидуальным подходом к студентам.

[10] Томас Мертон — американский поэт, монах-траппист, богослов, преподаватель, публицист, общественный деятель, проповедник дзэн-католицизма. Погиб на встрече христианских монахов с монахами нехристианских конфессий от случайного удара током.

третье по значимости связано с историей, наукой, биографией и так далее. Говорить можно лишь о явлениях из этой третьей группы. Но люди воспринимают это так, словно все относится именно к третьей группе; и этот образ более не прозрачен для трансцендентного.

Вот история, которая, как мне кажется, лучше всего описывает, что такое жизнь и что значит иметь достаточно мужества, чтобы ее прожить. Эта легенда восходит к сказаниям о короле Артуре, *Поиске святого Грааля* , авторство приписывается неизвестному монаху, жившему в XIII веке.

Однажды Артур восседал в своем праздничном зале с рыцарями Круглого Стола. Артур не позволял никому начать трапезу, пока не произойдет чудо. В те времена чудеса были делом привычным, так что никто не успел очень уж проголодаться.

Они ждали сегодняшнего чуда — оно явилось. Святой Грааль возник перед собранием рыцарей — но не во всей своей красе, а под сенью прекрасного сияющего покрова, — и исчез. Присутствующие были в восхищении, их переполнило благоговение.

Тогда поднялся сэр Гавейн, племянник Артура, и произнес: «Я предлагаю дать обет, что все мы отправимся на поиски этого Грааля, чтобы он предстал перед нами без покрова».

«И решили они, что бесчестьем будет отправиться на поиски всем вместе. Каждый из них должен будет поодиночке войти в Таинственный Лес там, где сам того пожелает, там, где тьма гуще всего и где не будет ни дороги, ни тропинки».

Вы входите в самую темную чащу леса, где нет дорог. Каждая тропа была проложена кем-то другим, а каждый человек — уникален.

Вопрос в том, как найти свой собственный путь к благодати.

Часть I. Человек и миф

Глава 1.Почему необходимы ритуалы14

Функции мифологии

Обычно первая функция живой мифологии заключается в том, чтобы примирить сознание с предпосылками своего собственного существования; то есть с сокровенной природой самой жизни.

Итак, жизнь питается жизнью. Ее первый закон заключается в том, что сейчас я съем тебя, а потом ты ешь меня, — это вполне доступно для восприятия сознанием. Жизнь до самой смерти питалась жизнью за миллионы лет до того, как открылись наши глаза и стало понятно, что же происходит вокруг, задолго до того, как Homo Sapiens появился во Вселенной. Органы жизни эволюционировали так, чтобы чужая смерть стала основой для существования обладателя. У этих органов есть импульсы, о которых сознанию неведомо. Когда ты осознаешь их, тебя охватывает страх — ведь этот кошмар, живущий по принципу «съешь-или-сам-будешь-съеденным», и составляет твою глубинную сущность.

Этот кошмар оказывает чудовищное воздействие на чувствительное сознание, этот монстр и есть жизнь. Жизнь — это существование, наполненное ужасом, будь иначе, вы бы не были сейчас здесь. Самая основная задача, которую призваны разрешить миф и царящие в нем правила, — примирить сознание с этим фактом.

Во-первых, примитивные порядки мифологии носят утвердительный характер: они касаются жизни, которую описывают, исходя из ее собственных правил. Я не думаю, что любой антрополог смог бы утверждать, будто мифология отрицает существование этого мира. Когда вы осознаете, что древние люди восставали против боли, страданий и проблем, просто связанных с самим фактом человеческого существования, — это довольно интересно. Я изучал многие мифы разных культур во всем мире, и мне не приходит на ум ни одной отрицательной фразы, отражающей древние представления о существовании или о Вселенной. Усталость от жизни проявляется позднее, когда жизнь становится намного благополучнее.

Единственный способ занимать жизнеутверждающую позицию заключается в том, чтобы принять глубинную основу жизни, даже самую ее грязную и ужасную сущность. Именно такое жизнеутверждающее начало заключено в древних ритуалах. Некоторые из них настолько жестоки, что о них не захочется читать, не говоря о том, чтобы стать их свидетелями. Но тем не менее они представляют собой живой образ, который открывается уму подростка, как бы говоря: жизнь чудовищна, и если ты собираешься жить, жить придется *именно так,* то есть по законам своего племени.

В этом состоит первая функция мифологии: не просто примирить сознание с предпосылками его собственного существования, но сделать так, чтобы при этом человек мог испытать благодарность, любовь, осознание блаженства. В горечи и боли признать, что в основе своей жизнь прекрасна и полна чудес. Такое жизнеутверждающее мировоззрение угадывается даже в самых ужасающих ритуалах и мифах.

Позднее, примерно в VIII веке до н. э., свершилось то, что я называю Великим Поворотом. Люди, обладающие определенной чувствительностью и тонкостью восприятия, обнаружили, что не могут принять обыденный ужас существования. Их точка зрения отражается в словах Шопенгауэра о том, что жизнь «есть нечто такое, что в сущности не должно было бы существовать»15, фундаментальная, метафизическая, космическая ошибка. Многие находят ее столь ужасной, что добровольно уходят из нее.

Какая же мифология может возникнуть в такое время? Мифология ухода, капитуляции, отречения — отрицающая жизнь. Здесь мы находим мифологические системы, связанные с уходом от жизни. Имеется в виду настоящий отказ от существования: уход из этого мира. Как победить в себе естественное желание жить и разочарование в жизни? Начните почитать отрицающие мир и космос мифологии, обслуживающие эту потребность. Джайнизм или ранний монашеский буддизм были бы самыми главными примерами такого метафизического подхода.

Джайнизм, возможно, одна из самых старых функционирующих религий в мире. Мало осталось ныне живущих джайнистов, в основном они обитают в Бомбее и его окрестностях. Их первый закон — *ахимса,* ненасилие, отказ от причинения вреда всему живому. Как ни удивительно, это весьма состоятельные индийцы. Если вы избрали путь, исключающий причинение другим живым существам боли — по крайней мере, *физической боли,* — банковское дело подходит вам как нельзя лучше. Джайнистам удалось стать немногочисленной, но крайне элитарной социальной группой.

Как и многие секты, отрицающие жизнь, джайнизм предполагает разделение на два сообщества. Одно из них — светское, члены его живут в миру. Они поддерживают существование другого сообщества, состоящего из монахов и монахинь, которых поддерживает первое сообщество. В принципе, те и не нуждаются в значительной поддержке, потому что удаляются в лесную чащу, выполняя основную задачу — *уйти.*

Что нужно сделать для этого? Для начала перестать употреблять в пищу все, что кажется живым. Вы, конечно, не будете есть мясо, это табу номер один. Но вы не будете питаться и тем, что ведет растительную жизнь. Вы не сорвете с ветки ни апельсина, ни яблока. Вы будете ждать, когда они сами упадут на землю. Представьте себе чудесное меню джайниста-аскета. В конце концов вам остается только питаться сухими листьями и чем-то наподобие этого, зато взамен вы освоите дыхание по системе йогов и научитесь переваривать каждую частичку всего, что съели.

Вторая цель заключается в том, чтобы, ведя подобное существование, утратить к жизни всякое желание. Дело не в том, чтобы умереть от того, что вы утратили желание жить, а в том, чтобы первое совпало со вторым. На высших ступенях посвящения вам необходимо каждый день приносить обет не совершать больше определенного количества действий; необходимо сократить количество шагов, которые вы совершаете, потому что с каждым шагом, особенно в лесу, вы повреждаете какое-то количество мха, давите муравьев, причиняете вред почве.

Идея, заключенная в этой традиции, — и это фантастический образ Вселенной, —

заключается в том, что у всех вещей вокруг есть душа, и это монады жизней стремятся вверх. Вы наступаете на живое. Я думаю, что это — один из величайших образов вселенной: образ сонма восходящих *джива,* или живых монад. Напоминает открытую бутылку с газированным напитком: когда ты снимаешь к нее крышку — все пузырьки устремляются вверх. Откуда они берутся? Куда уходят? Они не принадлежат никаким категориям и выходят за любые рамки. В течение всей жизни они стремятся ввысь.

Итак, у нас есть две позиции по отношению к величайшей тайне. Первая — принять ее полностью. Вам не следует ни от чего отказываться. Вы можете контролировать собственное существование, свою социальную роль и так далее, но в глубине души вы принимаете все вокруг. Другая позиция — сказать «нет» всему вокруг и больше не принимать участия в этом ужасе, насколько возможно. Ваша основная задача — отрешиться от мира.

Третья система возникает, насколько можно судить по письменным свидетельствам, в зороастризме, примерно между XI и VII веками до н. э. Появляется представление о божестве по имени Ахура Мазда, повелителе света и истины, который создал весь мир. Ангра Майну, повелитель обмана, разрушает этот мир или отрицает его. Как учил Заратустра (или Зороастр), вскоре должно быть восстановлено идеальное мироздание, и мы примем участие в этом восстановлении. Следуя добру, а не злу в нашей повседневной жизни и во всех наших деяниях, мы постепенно будем способствовать восстановлению мира утраченного добра. Часть этих узнаваемых верований дошла до нас на поздних этапах библейской традиции в христианском учении о грехопадении и воскресении из мертвых.

Такая позиция предлагает мифологию, которая призвана улучшить положение вещей, такой взгляд на мир предполагает возможность, что с помощью определенных действий можно совершить некоторые изменения. Молитва или добрые деяния помогут человеку изменить базовые принципы, фундаментальные основы жизни. Вы принимаете факт существования этого мира при условии, что он будет соответствовать вашим представлениям. Все равно что жениться на ком-то исключительно с целью сделать его лучше — по сути, это вовсе не брак.

Насколько мне известно, существует три основных мифологических точки зрения на высокоразвитые культуры: одна принимает все сущее, вторая — все отвергает, а третья говорит: «Я приму этот мир, если он станет таким, каким, по моему мнению, должен стать». Распространенное светское воплощение этой последней позиции находит свое выражение, безусловно, в стремлении к постоянным реформам, к прогрессу, которое современный человек легко заметит во всем, что его окружает.

Мифологический порядок — это система образов, которые позволяют сознанию обрести смысл существования. Однако у него самого смысла нет — он просто существует. Это наш разум пытается найти смыслы; он может функционировать, только если осознает (или придумывает) некую систему правил.

Мифология предлагает игру: поверь в то, что делаешь то-то и то-то. В конце концов, в ходе этой игры вы приобретаете положительный опыт бытия-в-бытии, участия в жизни, которая наполнена смыслом. В этом и состоит первая функция мифологии: вызвать в человеке чувство признательности и жизнеутверждающего благоговения перед чудовищной тайной, которой является наше существование.

Вторая функция мифологии — представить такой образ космоса, вселенной вокруг нас, который будет поддерживать и вызывать это чувство благоговения. Данную функцию мифологии можно обозначить как космологическую.

Здесь не поднимается вопрос истинности. Ницше утверждает, что для верующего нет ничего хуже истины[11]. Так ли это? Да кому какое дело? В сфере мифологического сознания меня устраивает существующее положение дел, оно — источник моей жизни. Попробуйте

---

[11] Скорее всего, имеются в виду слова Ф. Ницше: «Вера означает нежелание знать, что есть правда» («Антихрист»).

подвергнуть сомнению космологическую достоверность архаических представлений священника о вселенной и мировой истории. И услышите в ответ: «Кто ты такой, узколобый умник, чтобы сомневаться в этом чуде, источнике всей моей жизни?»

Люди живут, играя в определенную игру, и вы можете разрушить ее, вылезая в роли Мистера Зануды и заявляя: «Ну и толку от этого?» Космологический образ создает для вас поле игры, приняв правила которой, вы сможете примириться со своей жизнью, своим существованием, собственным сознанием, или ожиданиями, или смыслом жизни. Вот что может дать мифология или религия.

Конечно, система должна создавать смысл. Я испытал одно из величайших потрясений в жизни во время миссии «Аполлона-11» на Луне. Это было как раз накануне высадки на лунную поверхность, когда трое отважных людей прилетели к Луне в канун Рождества и рассказывали, как там сухо и пустынно. А потом, в честь Рождества, они стали читать библейскую главу о сотворении мира. Они читали вслух древние слова, не имеющие никакого отношения к космосу, где плыл корабль, читали о плоском трехслойном торте, которым представлялась вселенная, за семь дней созданная Господом, жившим как раз где-то там, где сейчас летели космонавты. Они читали о том, как были разделены воды вверху и воды внизу, и сразу же заметили, какая Луна сухая. Несоответствие между религиозной традицией и актуальным физическим явлением до глубины души потрясло меня в тот вечер. Какой ужас для нашего мира, что до сих пор в нашем распоряжении нет ничего, что бы могло затронуть души людей так глубоко, как эти строки, и быть при этом осмысленным, применимым к наблюдаемому миру вокруг нас!

Одна из проблем библейской традиции заключается в том, что представляемая в ней вселенная описывается в соответствии с шумерскими представлениями, которые существовали пять тысяч лет назад; с тех пор у нас появилось две модели Вселенной. Была система Птолемея, и за прошедшие четыре или пять тысяч лет у нас появилась система вселенной Коперника, описывающая Солнечную систему и вращающиеся галактики. Но посмотрите, вот они мы, — завязли в занимательной истории, описанной в первой главе о Сотворении мира!

Итак, вторая функция мифологии заключается в том, чтобы представить такой образ космоса, который бы поддерживал в нас чувство мистического благоговения и объяснял бы все, с чем приходится сталкиваться во вселенной, которая нас окружает.

Третья функция мифологического порядка заключается в том, чтобы создать определенную социологическую систему и придать ей ценность: создать систему общих для всех представлений о том, что хорошо и что дурно, что уместно и что неуместно, от чего будет зависеть существование общества как отдельной единицы.

В традиционных обществах подобные представления о порядке и законе вписаны в космологический порядок: у них та же сущность и природа, они так же ценны и так же не подлежат сомнению. В библейской традиции, например, единый Бог, который создал вселенную, надиктовал Моисею на горе Синай и социальные законы, выраженные в Десяти Заповедях. Следовательно, законы этого священного общества так же естественны, как и законы Вселенной. Вы же не можете сказать: «О, Господи, мне не нравится, что солнце так рано всходит весной и летом. Пусть появляется попозже». И точно так же не можете возмутиться: «Ах, мне не нравится, что нельзя есть мясо вместе с молоком». Оба закона возникли из одного и того же источника. Они аподиктичны, то есть не подвергаются сомнению. Социальные законы традиционного, основанного на мифах общества так же аутентичны и так же не могут быть подвергнуты критике, как и законы мироздания. Вам их не изменить, вы не можете противостоять им, иначе окажетесь на грани смерти.

Это свойственно древним традиционным представлениям о нравственности. Мораль дана свыше, и ни на одном конгрессе люди не могут постановить: «Так, это устарело, это — полный абсурд, а вот это сведет всех нас в могилу. Давайте изменим это. Будем же благоразумны». Церковь ничего не может здесь предпринять, и традиционное общество — тоже. Папа Римский сталкивается с этой проблемой, когда обсуждается проблема

контрацепции. Он попал в абсурдную ситуацию, утверждая, что знает мнение Бога на этот счет.

Я бы хотел сказать кое-что Папе Римскому и долго думал, как же это сделать. Когда Данте в «Божественной комедии» попадает туда, где расцветает Райская Роза, Беатриче показывает ему этот цветок. Они созерцают прекрасную белую розу с Троицей в центре. Давайте назовем ее Сосуд Розы. В нем находится множество человеческих душ, все те, кто призван занять места падших ангелов. Беатриче привлекает внимание Данте к тому, что этот сосуд уже почти полон. Это случилось в 1300 году, а задумайтесь о том, что произошло с тех пор? Папа Римский просто невнимательно читал свои книги. Пора остановиться, понимаете? Послание уже было нам отправлено. Так что в определенный момент нужно остановиться и больше не заполнять сосуд. Там даже стоя уже не поместишься[12]. В любом случае такова религиозная традиция.

Нечто подобное существует в Индии, где верят не в бога-творца, а в *брахман* — безличную силу, которая сначала порождает вселенную, а затем разрушает ее. Неотъемлемой частью этого универсального порядка являются законы, управляющие жизнью животных и растений и законами индийского общества, его кастовой системой. Эти законы неизменны. Они воплощают порядок, который царит во вселенной.

В Индии и по сей день существует противоречие между кастовой системой и традициями, которые ею порождаются, с одной стороны, и светскими законами современного индийского общества — с другой. Несколько лет назад представитель высшего духовенства в одном из индуистских храмов выразил следующую мысль: «Если вы хотите быть британцем, не соблюдайте кастовые законы. Если вы хотите остаться индусом, соблюдайте обычаи». А эти обычаи учат, что у каждой касты есть своя роль и свое место. В традиционном обществе социальный порядок вписывается в законы вселенной, и существует такое явление, как нравственный закон. Люди все еще пользуются этим термином, но то, что считалось нравственным вчера, может оказаться безнравственным сегодня. Так, конечно, может произойти, так и случилось, я убедился в этом в течение собственной жизни.

Наконец, четвертая функция мифологии — психологическая. Миф призван провести человека через этапы его жизни, от рождения к зрелости, через преклонные годы — к смерти. Мифология должна сделать это, опираясь на обычаи определенной социальной группы, ее представления о космосе и о чудовищной тайне.

Вторую и третью функции мифа обеспечивают светские правила жизни. Наша космология находится в руках науки. Первый научный принцип заключается в том, что абсолютную истину мы так и не познали. Правила науки — это рабочие гипотезы. Ученому известно, что в любой момент могут быть обнаружены новые факты, которые ниспровергнут

---

[12] 124
В желть вечной розы, чей цветок раскрыт
И вширь, и ввысь, и негой благовонной
Песнь Солнцу вечно вешнему творит,
127
Я был введен, — как тот, кто смолк, смущенный, —
Моей владычицей, сказавшей: «Вот
Сонм, в белые одежды облеченный!
130
Взгляни, как мощно град наш вкруг идет!
Взгляни, как переполнены ступени
И сколь немногих он отныне ждет!»
(Данте. «Божественная комедия», Песнь тридцатая, пер. М. Лозинского)

Более распространенная трактовка этих строк Данте — указание на общую испорченность мира, на ощущение близости Апокалипсиса, свойственное Средневековью, и на то, что «много званых, но мало избранных» (Евангелие от Матфея 20:16).

существующую теорию, и это происходит постоянно. Любопытно, учитывая, что в религиозной традиции чем старше доктрина, тем она достовернее.

А вот в мире науки труд, созданный более десяти лет назад, уже считается устаревшим. Происходит постоянное поступательное движение вперед. Нет единых устоявшихся законов. Нет канонических текстов, на которые можно полагаться. Все течет, все изменяется. Мы знаем, что даже скалы могут течь и изменяться, просто на это им нужно больше времени. Ничто не вечно.

Сегодня и в рамках общественных отношений мы не рассматриваем законы, которые нами управляют, как ниспосланные свыше. Нет, время от времени — например, при обсуждении проблемы абортов, — откуда-нибудь еще доносятся новости о том, что сенатор Такой-то или его преподобие Сякой-то находятся на прямой связи с Богом. Однако смысла для общества в этих утверждениях немного. Воля Господа больше не является основанием для законов нации. Конгресс решает, в чем заключается достойная цель устройства общества и какой из социальных институтов должен будет воплощать это в жизнь. Я бы сказал, что в светском обществе соотношение космологической и социальной функции больше не представляет проблемы.

Но для всех нас первая и четвертая функции мифов все еще актуальны, и я буду рассматривать именно их. Мы скоро совсем отдалимся от старых традиций, вместе с ними утратив и чувство благоговения. Как я уже заметил, и по этому поводу вы можете занимать одну из трех позиций.

Четвертая функция теперь стала педагогической. В основном она заключается в том, чтобы препроводить человека из детства в зрелость и освободить от груза в старости. Детство — время зависимости и послушания. Будучи зависимым от родителей, ребенок обращается к ним за советом, помощью и одобрением. Но приходит время, когда человек начинает полагаться только на себя и сам становится авторитетом в своих глазах. Здесь необходимо отметить различие в традиционном отношении к этой проблеме и тем, что принято в современном западном обществе. Традиционная идея заключается в том, что взрослый, который перешел от этапа зависимости к этапу ответственности, должен безоговорочно принимать законы общества и воплощать их. Общество модерна и постмодерна старается развивать критические способности индивида, призывает высказывать собственные суждения об устройстве общества и себе самих. Но это не означает безоговорочно ниспровергать основы — тем более до того, как человек понял, что они из себя представляют.

На этом мне хотелось бы остановиться подробнее.

Миф и развитие человека

Я считаю, что психологическая функция мифа наиболее постоянна во всех культурах. Стоит лишь задуматься о проблеме развития человека, будь то индеец Сиу, живущий в XVIII веке на просторе североамериканских прерий, или конголезец в африканских джунглях, или современный городской житель в диком технологическом мире, в искусственно созданной среде. Все мы от колыбели до могилы следуем схожим путем психологического развития.

Первое отличие человека от всех других живых существ заключается в том, что мы рождаемся слишком быстро. Придя в этот мир, мы еще в течение почти пятнадцати лет не в состоянии самостоятельно позаботиться о себе. Пубертатный период наступает только в двенадцать лет или позднее, а физическая зрелость наступает в двадцать с небольшим. Большую часть этого периода жизни человек находится в зависимом положении. В детстве нас приучили к тому, что на каждый внешний стимул, на каждую жизненную ситуацию нужно реагировать вопросом: «А кто мне поможет?» Мы зависим от своих родителей. В каждой ситуации мы задаем себе вопрос: «А что бы мне посоветовали сделать мама и папа?» Фрейд много рассуждал о такой зависимости.

Если вы работаете над докторской диссертацией, то не вырветесь из-под власти

авторитетов, пока вам не исполнится сорок пять. Но и тогда вы не достигнете полной свободы. Вы всегда узнаете автора, который очень зависит от авторитетов, по количеству ссылок на чужие труды, которыми он сопровождает свой текст. Требуется мужество, чтобы иметь собственное мнение и предоставить другому человеку возможность самостоятельно проверять, насколько вы авторитетны.

Давайте сравним, например, профессора, который выступает по телевидению, и спортсмена, который дает интервью. Академик будет говорить с запинками, хмыкать и задумываться, и вы поневоле засомневаетесь — а знает ли он, о чем говорит? Что мешает ему выражать свое мнение? Потом вы посмотрите интервью с бейсболистом, который говорит просто и ясно. Он выражает свои мысли уверенно, делает суждения легко. На меня это всегда производило впечатление. Этот атлет освободился от власти авторитетов лет в семнадцать-восемнадцать, когда стал лучшим игроком на поле. А бедный профессор так и работал под властью авторитетов до самой старости, пока не стало поздно что-то менять. А теперь ему пора уходить.

В определенный момент жизни общество требует от крошечного зависимого существа превратиться в ответственного и деятельного человека, который уже не просит маму и папу о помощи, а сам *становится* мамой или папой.

Роль ритуалов инициации подростков в более древних культурах, чем наша, заключалась в том, чтобы дать толчок психологическим изменениям, и неважно, может ли инициируемый посчитать, сколько будет 2+2 или 962,000+X. На современного человека ответственность обрушивается внезапно, без всякого мифологического оформления. Человек, который разрывается между чувствами зависимости и ответственности, — это невротик, он мечется, пытаясь двигаться сразу в двух направлениях.

Невротики — это люди, которые не смогли полностью преодолеть психологический барьер. Когда что-то случается, первая их реакция: «Где же папа?» А потом вдруг приходит осознание: «О Господи, так я же сам теперь папа!» Эти сорокалетние дети, рыдающие на кушетке психоаналитика, поначалу реагируют на происходящее с ними как люди зависимые, а потом внезапно вспоминают: «Стоп, я же взрослый!»

Итак, все растут, подчиняясь авторитетам и опасаясь наказания, постоянно оглядываясь на людей с более высоким статусом в ожидании одобрения или осуждения. А потом внезапно приходит время, и вам-подростку нужно срочно повзрослеть, взяв на себя ответственность за собственную жизнь. Все накопившиеся за двадцать лет привычки автоматически подчиняться авторитетам должны уйти в прошлое — теперь вы сами себе авторитет. Обряды инициации в примитивных обществах и ритуалы, связанные со вступлением в подростковый возраст, сохраняются до некоторой степени в ритуале конфирмации, когда епископ совершает миропомазание и *пробуждает вас* к взрослой жизни, оставляя детство в прошлом.

У аборигенов племени Аранда в Австралии, когда мальчики становятся дерзкими и матери уже не могут с ними справиться, женщины собираются все вместе и задают им хорошую трепку. А потом, несколько недель спустя, происходит кое-что интересное. Взрослые мужчины, нарядившись в костюмы, изображающие богов, о которых мальчикам рассказывали с младенчества, появляются на лодках, вооруженные ревунами[13], всякого рода трещотками и другими ужасными шумовыми инструментами. Мальчики бегут к матерям в поисках защиты, но мужчины хватают убегающих и похищают их, — так что Мама уже не поможет, теперь придется заботиться о себе самостоятельно.

А впереди не ждет ничего хорошего. Вот, например, одно из небольших испытаний: мальчишек сажают возле густых кустов, за плотной завесой которых явно идет праздник с танцами. Мальчикам запрещают на это смотреть. А что будет с тем, кто осмелится

---

[13] Ревун — деревянная дощечка, наподобие пращи, привязанная к веревке, которая при раскручивании над головой издает громкий ревущий звук; используется в ритуальных целях.

ослушаться? Его убивают и съедают.

Это, безусловно, один из способов справиться с извечной потребностью подростков делать все наперекор. Просто уничтожить любого молодого человека, который не желает сотрудничать с обществом, под защитой которого он находится. Конечно, недостаток этого метода заключается в том, что община теряет одаренных людей, ведь выживают только послушные мальчики.

Через некоторое время каждого мальчика приглашают посмотреть на то, что происходит за кустами. И вот он садится по другую стороны от завесы — испуганный ребенок двенадцати или тринадцати лет. С противоположного конца танцевальной площадки приближается странный человек и начинает исполнять обряд Мирового Кенгуру. Затем выходит Мировой Пес и нападает на него. Все представление является частью мифа о тотемном предке. Мальчишка сидит с краю, наблюдая за ритуалом,- и вдруг два взрослых выскакивают и набрасываются на него! Они прыгают снова и снова!

Никогда не забыть ему теперь ни Кенгуру, ни Пса. Может быть, все это не так уж сложно и изысканно, зато главное уж точно останется у ребенка в голове. Ранние образы отца и матери тускнеют, образы тотемных предков затмевают их.

Удивительные события продолжаются: начинаются новые красочные ритуалы, и над мальчиками совершается обряд обрезания. Им дарят особый предмет под названием *тьюрунга* [14], который будет залечивать их раны и защищать, став личным амулетом и выполняя другие важные функции. Мужчины кормят мальчика своей собственной кровью. Они делают надрезы на своих руках и других частях тела, и ребенок питается этой кровью: с головы до ног он покрыт кровавыми подтеками и сгустками.

Когда все заканчивается, ребенок уже не тот, что до начала ритуалов. Столько всего произошло. У него теперь другое тело, другая душа, обновленным его отправляют назад к девочкам, одна из которых — дочь того, кто совершал над ним обряд обрезания, — предназначена ему в жены. У бывшего ребенка нет выбора, он не может принимать самостоятельных решений. Он не может сказать: «Мне так не нравится. Я хочу по-другому». Теперь он уже маленький мужчина и должен вести себя, как подобает члену этого племени16.

Эти общества постоянно борются за выживание, и человек, который прошел обряд инициации по правилам этого общества, должен пройти через инициацию так, чтобы его спонтанные реакции соответствовали потребностям этого общества. Общество формирует его по своим правилам, превращая в часть единого организма. Никаких там особых мнений, пожалуйста.

Таким образом, в обществах с традиционной культурой зрелость наступает при условии подчинения культурным традициям. Вы становитесь выразителем нравственных норм и порядка. Вы способствуете их осуществлению. Вы верите в них. Вы являетесь их воплощением.

В нашей культуре требования иные. Мы требуем, чтобы студенты и подростки мыслили критически, работали головой, становились личностями и брали на себя ответственность за собственную жизнь. Мне кажется, что некоторые из них начинают делать это рановато, но в целом принцип содержит в себе значительный творческий потенциал. Однако в связи с этим возникает новая проблема с мифологией. В отличие от традиционных культур, мы не пытаемся так активно запечатлеть традицию в сознании индивида, что он превращается просто в ходячее подобие того, что существовало раньше. Скорее, дело в том, чтобы развить индивидуальность, — и в этом заключается особая проблема Запада, что может показаться вам новым и удивительным.

Например, в Индии ожидается, что человек будет вести себя в полном соответствии с

---

[14] Тьюрунга (чуринга) — каменная или деревянная пластинка особой формы, покрытая росписью, согласно верованиям племени — вместилище души или духов предков.

законами своей касты. Старый известный ритуал *сати* — когда женщина бросалась на погребальный костер покойного мужа, чтобы сгореть вместе с ним, — ритуал, который вызывает у нас такое неприятие, восходит к санскритскому понятию «сат», женский род глагола «быть». Женщина, которая полностью исполнила свой долг жены, *есть* нечто существующее, она *есть* жена. А та, которая откажется соблюдать «сат», этот основополагающий закон, станет «асат» — «никем».

Подобный взгляд на вещи антонимичен западному. Если человек просто подчиняется авторитетам, делая лишь то, что ему велят, отождествляясь с собственной социальной ролью, мы назовем его посредственностью, обывателем, ретроградом, мы скажем о нем: «Он — не личность».

А теперь перейдем к психологической трансформации, с которой сталкиваются все люди: с переходом от зрелости к пожилому возрасту и утрате жизненных сил. В первобытных обществах и во всех архаичных культурах высокого уровня такой переход происходит раньше, чем у нас, поскольку европейская медицина лучше развита. Для нас удивительно, как рано иногда приходит кризис пожилого возраста в некоторых культурах — но рано или поздно он приходит ко всем.

Именно к этому возрасту вы научились всему, что содержалось в инструкциях, подавили все душевные порывы, несовместимые с устоями вашего общества, и начинаете осознавать, что постепенно «теряете форму». У вас случаются сбои памяти, предметы выскальзывают из ваших рук, вы больше, чем раньше, устаете к концу рабочего дня, спать вам приятнее, чем делать что-то, — в общем, жизненных сил все меньше. Более того, на пятки наступает новое задорное поколение с новыми прическами, и наконец вы думаете: ну что же, вот и мое время пришло. Мифология призвана помочь разрешить ситуацию, связанную с уходом на покой.

Ваши собственные силы и энергия, которую вы черпали в окружающем мире, уже истрачены в социально одобряемых целях. В один прекрасный момент вы обнаруживаете, что цели изменились или больше не достижимы, у вас начинается психологический спад. Душевные силы теперь обращаются на те глубинные области бытия, внимания к которым общество не требовало, оживают те части личности взрослого человека, которые раньше дремали.

Здесь проявляется то, что Фрейд называет «одноразовым» либидо. Вам вдруг становится интересным все то, что раньше вам не разрешалось делать. Вы наверняка слышали историю о том, что человек средних лет уже хорошо научился выполнять все, что от него требуется, — поэтому с возрастом появляется много свободного времени.

И на что же человек потратит это время? Ему вдруг приходит мысль: «Я стольким пожертвовал, чтобы достичь всего этого!» Кроме того, достигнутое становится менее и менее важным. Я не люблю говорить этого моим студентам, но, как правило, игра не стоит свеч, а результат — труда. Вы смотрите вокруг и думаете: «И ради этого я от многого отказался!»

И вот Папочка уже замечает блестящие женские глазки, на которые раньше он не обращал внимания. Теперь почему-то молоденькие девушки кажутся ему гораздо привлекательнее, чем в дни его юности, а родные удивляются: «Что это такое происходит с нашим Папочкой?»

А может, он хотел заработать побольше и уйти на пенсию, чтобы заняться там... чем? Любимым делом, например рыбалкой. И вот он запасается всяким ритуальным снаряжением, особыми шляпами, снастями («Не называй это удочкой, это — спиннинг!»), покупает блесну, набивает шляпу наживкой — и вот, пожалуйста: он теперь пожилой человек, владеющий всем, что нужно для жизни. Пусть делает, что хочет; отпустите его на волю, у него есть свой скрадок[15] для охоты.

---

[15] Скрадок, или засидка, — часть охотничьего снаряжения, портативное укрытие для долгого ожидания добычи. Бывает лежачим (больше напоминающим спальный мешок) или сидячим (такие похожи на палатки

И чем же он занят? Он рыбачит, потому что именно это занятие доставляло удовольствие, когда ему было двенадцать лет. Что он ловит? Рыбу. А что подсознательно хочет выловить? Русалок.

Он переживает нервный срыв — и это не шутки; описанное явление в США наблюдается массово и повсеместно: человек уверен, что знает, ради чего он зарабатывал деньги. Он хотел заработать себе на рыбалку. А потом он обнаружил, что женат, что у него есть дети, и ему пришлось работать, как каторжному, и все при этом поддерживали его в мысли, что настанет день, когда он выйдет на пенсию и вот тогда сможет заняться любимым делом. Оказывается, все это время в глубине его души зрели совсем другие желания, он еще не готов ловить рыбу, он хотел бы цеплять девушек — а их-то ему уже не видать. В итоге он попадает в сумасшедший дом, где Лорелеи[16] материализуются из его подсознания в крайне неаппетитном виде. Вот она, сила одноразового либидо.

Или давайте поговорим о Мамочке — мы знаем, что она посвятила нам свою жизнь и все нам отдала, хотя, может быть, у нее были замечательные возлюбленные, а не только этот старый противный дядька, наш Папочка. Но вот дети выросли, и семейное гнездо опустело. Ушло все, ради чего она так жертвовала собой, все, на что было потрачено ее либидо. Жизнь опустела, и появляется страстное желание вцепиться в нее и снова наполнить чем-то.

Она сходит с ума, она превращается в классическую тещу. Она вмешивается в воспитание ребенка, она говорит нам, когда закрывать окно, а когда — открывать, она учит нас правильно жарить яичницу — и всему остальному. Это ужасный кризис. Внутренние силы психики находят выплеск в компульсивных состояниях, с которыми человек не может справиться, — и иногда вы замечаете, что Мамочка одумывается и даже говорит что-то вроде «Я не должна так поступать». А потом, господи ты боже мой, она снова делает это.

Мифологии прошлого поддерживают человека, столкнувшегося со старением. Миф призван провести его через этап ответственности, когда на его плечах держался весь мир, к этапу, когда он становится не нужен. Знаете, в древних обществах была одна замечательная идея: все старики наделены мудростью. Все притворялись, что так оно и есть, обращались к пожилым людям за советом, и те его давали. У вас был совет старейшин, сенат, и в обществе существовал механизм вовлечения пожилых людей в общественную жизнь.

В течение последних нескольких лет я так или иначе общаюсь с представителями Государственного Департамента США. Его сотрудники рассказали мне, что одна из сложностей их работы связана с тем, как *не* выполнять решения, которые делегированы послами, президентом и представителями правящего кабинета. В Государственном Департаменте работают весьма образованные люди: они знают, что нужно делать. Но они всего лишь исполнители, указания исходят от тех, кто вложил деньги в демократическую или республиканскую партию на выборах, стал послом там-то или там-то. Это — старейшины, и они указывают профессиональным дипломатам, что делать. Я слышал, как многие представители департамента рассказывали, что стараются выполнять свою работу как можно медленнее, чтобы причинить как можно меньше вреда.

Во власть приходят пожилые люди. Мы не умеем взаимодействовать с ними сегодня, но в традиционном обществе такие способы существовали — ведь от поколения к поколению мало что менялось. Год от года повторялось все то же самое, и можно было обратиться к старым людям за советом, как поступить, и ответ был вполне применим к текущей ситуации. Теперь все иначе.

Наконец, последний переходный этап, к которому должна подготовить нас мифология: двери во тьму.

или походные кресла).

[16] Имеется в виду прекрасная речная дева из немецкого фольклора, которая пением заманивала рыбаков на скалы Рейна.

Я услышал одну забавную историю из жизни цирка Барнума и Бейли[17]. У них была специальная палатка для шоу уродов, где за пятьдесят центов вы могли поглазеть на всяких странных существ. Специальные таблички показывали, куда нужно идти: «К бородатой женщине», «К самому высокому человеку в мире», «К живому скелету» — словом, как обычно в таких местах. Но в этой палатке было столько интересного, что посетители не хотели уходить, пока не осмотрят все-все. Постепенно собиралась толпа. Возникла проблема: что делать с теми, кто слишком задерживается? Кто-то подал замечательную идею — сделать еще одну афишу, которая бы указывала путь дальше: «К Великому Выходу». Конечно, всем тут же захотелось посмотреть и на Великий Выход.

У общества есть похожая забавная история — она помогает людям умереть. Просто выйдите за дверь — ведь снаружи просто чудесно, там играют арфы, там вас уже давно с нетерпением дожидаются... и так далее в том же роде.

Когда общество сообщает вам, что больше не нуждается в вас, вся ваша энергия возвращается во внутренний мир и ею нужно как-то распорядиться.

Недавно я был в Лос-Анджелесе и заметил толпу пожилых людей на углу. Я спросил у своего спутника: «Куда они собрались?» Тот ответил: «Они поджидают автобус в Диснейленд».

Вот и один из способов позаботиться о людях. Весь Диснейленд на самом деле воплощает мир воображения. Если эти люди не могут погрузиться в мир собственного воображения, они могут попасть в мир фантазий Уолта Диснея, который им поможет.

Именно это и делали религии всех времен. Они предлагали вообразить себе божества, и ангелов, и то, как хорошо будет в новом, ином мире. Это здорово отвлекает, и вы больше не докучаете невестке или родственникам, которые волнуются и не понимают, что же с вами делать. От современного телевидения толку никакого.

Итак, базовый мифологический принцип заключается в том, что явление, которое в мифологии обозначается как «мир иной», на самом деле представляет собой (в психологическом смысле) «внутренний мир». А то, что считается «будущим», происходит «сейчас».

Однажды я подслушал, как на церемонии венчания в англиканской церкви священник обратился к новобрачным со словами: «Живите так, чтобы заслужить себе жизнь вечную в будущем». Я подумал тогда: «Необходимо уточнить формулировку». Лучше бы он сказал так: «Живите так, ведите себя в браке таким образом, словно жизнь вечная наступила уже сейчас». Потому что вечность — это так недолго.

Вечность — это не будущее и не прошлое. Вечность — это измерение того, что существует сейчас. Это — измерение человеческого духа, а он воистину вечен. Раскройте это вечное измерение в самих себе, и вы будете легко перемещаться сквозь время и дни своей жизни. Именно мифологические архетипы помогут вам отразить знания этих внеличностных, трансисторических аспектов вашего бытия и опыта, эти общие для всех мифов мира образы, которые всегда были опорой для человеческого духа.

Мифы для будущего

Чему мы являемся свидетелями сегодня? Исходя из всего сказанного я считаю очевидным, что у мифологии есть определенная функция — защита человеческого существа, которое рождается слишком рано. Она сопутствует нам от раннего детства до зрелости, от зрелости до нашего второго детства, а потом провожает до двери во тьму. Большинство мифов убеждают нас, что нас будут там ждать Мама и Папа — древние предки, Бог-Отец и

---

[17] Цирк Барнума и Бейли — старейший и самый знаменитый американский цирк. Результат объединения цирка «Странствующего музея, зверинца и каравана Барнума», где, помимо прочего, зрителям демонстрировали русалку, сиамских близнецов, великаншу и карлика, с цирком Бейли и Купера, главным экспонатом которого был настоящий слон.

Богиня-Мать: вам это понравится, говорит миф, вы встретите всех своих старых друзей, идите вперед, не бойтесь умирать. Это своего рода психологический детский сад.

Много-много лет назад мне пришла в голову аналогия. Еще один вид животных, которые рождаются слишком рано, — это отряд сумчатых: кенгуру, валлаби, опоссумы. Они не относятся к плацентарным животным; они не могут оставаться в утробе матери достаточно долго, чтобы вырасти. Поэтому, рождаясь на восемнадцатый день беременности, они карабкаются по материнскому животу в маленькую сумку и цепляются за сосок, оставаясь в таком положении до тех пор, пока смогут выбираться наружу и передвигаться самостоятельно.

Они оказываются во второй утробе, из которой, однако, можно выглянуть и осмотреться.

Я считаю мифологию чем-то вроде органа человеческого организма. Нам так же нужна мифология, как сумчатым необходима сумка на брюхе матери, чтобы совершить развитие от неразумного малыша до того состояния, когда мы можем выйти на свет и заявить: «Вуаля, вот и я!»

Итак, для того, чтобы обеспечить развитие личности, мифологии не обязательно быть разумной, рациональной, истинной. Она должна быть комфортной, как сумка, в которой развивается детеныш. Ваши эмоции вызревают там, пока вы не сможете покинуть ее, чувствуя себя в безопасности. А с потерей этой сумки — что и произошло со всем нашим миром — вы лишаетесь второй утробы. Разум сообщил: «Все эти старые мифы — полная чушь», и это отношение разорвало сумку для детеныша в клочья.

Итак, с чем же мы остались? Множество рождений не состоялись. Вместо долгого, комфортного взросления нас выбросили наружу, нагими и беззащитными, слишком рано и предоставили разбираться с этим самостоятельно.

Представьте себе, что бы произошло, если бы эмбрион вывалился наружу. Даже в барокамере недоношенному младенцу приходится несладко, но без этой мифологической «сумки», без этой мифологической педагогики душа выходит в окружающий мир искореженной и изувеченной. Наука опровергла утверждения наших основных религий, вот что случилось с нашими современными традициями. Каждое из космологических утверждений Библии опровергнуто; образ Вселенной, который в ней отображен, кажется просто смехотворным по сравнению с тем, что виден в телескопе обсерватории Маунт-Вилсон[18]. Библейское представление об истории смехотворно, если заглянуть в глубины прошлого так, как это сделали археологи и палеонтологи.

Наша абсолютная вера в то, что Господь не в нашем воображении, а в этом священном обществе вокруг, подверглась уничтожению. Никто не может искренне утверждать, что верит без сомнений и рационализаций; он лишь делает вид: «Со мной все в порядке, мне просто нравится быть христианином». Ага, а мне нравится играть в теннис.

Совсем не такому подходу нас учили; мы чувствуем себя дезориентированными. А тут еще восточные учения, конголезские учения, эскимосские учения. Мы вступили в период, который Ницше называл периодом сравнений. Больше нет культурного горизонта, в пределах которого каждый верит в одно и то же. Другими словами, каждый из нас блуждает в лесу, полному приключений, где нет никаких законов: нет истины, упакованной так, чтобы мы могли ее принять.

Главная идея научного познания состоит в том, что фактов нет, а есть теории. Верить бессмысленно: любой постулат — просто рабочая гипотеза, которая может подвергнуться изменениям, если будет получена новая информация. Нас научили ни к чему не привязываться — «оставаться открытыми».

А может ли наша душа вынести это?

---

18 Маунт-Вилсон (англ. Mount Wilson Observatory (MWO)) — астрономическая обсерватория на горе Вильсон, к северо-западу от Лос-Анджелеса, Калифорния. Знаменита своим 100-дюймовым телескопом.

В истории западной цивилизации уже было время, когда различные культурные мифы вступили в противоречие. В последние годы существования Римской империи религия Ближнего Востока — христианство — наслоилась на европейский индивидуализм. Там, где библейская традиция настаивала на необходимости подчинить индивидуальное Я святому сообществу, европейская традиция уделяла огромное значение индивидуальному вдохновению и достижениям. На протяжении XII века н. э. произошел невероятный прорыв между этими противоречащими друг другу европейскими традициями. Если вы знакомы с литературой этого периода, то легко заметите конфликт в сказаниях о короле Артуре, где рыцари, выступающие в роли христианских героев, по сути являются кельтскими божествами, а Тристан и Изольда, предшественники Элоизы[19], восклицают: «Моя любовь — и есть моя истина, и за нее я готов гореть в аду».

Этот конфликт породил и Ренессанс, и Реформацию, и Век Просвещения.

Полагаю, нам следует обратиться к тому же источнику, что и людям, жившим в XII-XIII веках на закате своей цивилизации: к поэзии и искусству. Люди искусства могут отвлечься от угасающих символов настоящего и приступить к созданию новых плодотворных образов, а сквозь художественные образы всегда просвечивает трансцендентное. На это, безусловно, способны не все поэты и художники, и не всем из них интересны мифические темы; а те, кому они интересны, знают о них немного; а те, кто знает, ошибочно полагают, что их собственная жизнь — это и есть жизнь всех людей на свете, и гнев, который они испытывают, терзает всех остальных людей на Земле.

Но среди нас живут великие деятели искусства, которые так видят современную жизнь, что это позволяет великим и простым идеям засиять на все времена, намечая путь и вдохновляя на странствие.

Два великих автора оказали такое влияние на меня лично — Томас Манн и Джеймс Джойс. В «Волшебной горе» и «Улиссе» полностью отражается современный мир — по крайней мере, тот, что существовал до Первой мировой войны, — интерпретированный с мифологической точки зрения. В образах Стивена Дедала и Ганса Касторпа[20] вы можете увидеть больше аналогий с нашим повседневным опытом, чем в текстах апостола Павла. Апостол Павел делал то, это и вот это, но очень-очень давно, в другом тысячелетии. Сейчас мы не ездим верхом и не носим сандалии — во всяком случае, большинство из нас. А Стивен и Ганс существуют в современном культурном поле, переживают те же конфликты, сталкиваются с теми же проблемами, что и мы, — они представляют собой подходящие модели, в которых мы узнаем самих себя.

Глава 2. Мифы во все времена17

Чем кажется миф и чем он является18

Можно сказать, что мифология — это религия других. Дать определение религии тоже несложно: это неправильно интерпретированная мифология. Неправильная интерпретация мифологических символов обычно заключается в том, что их считают отсылками к реальным историческим событиям. Эта проблема особенно ярко проявляется в западной традиции, где очень важное значение уделялось тому, что события, которые послужили основанием для создания наших церквей, воспринимались как происходившие в реальности.

---

[19] Элоиза — возлюбленная и ученица французского философа-схоласта Пьера Абеляра (XII век). Трагическая история их любви описана им в «Истории моих бедствий» и вдохновила многих поэтов.

[20] Стивен Дедал — герой романов Дж. Джойса «Портрет художника в юности» и «Улисс». Ганс Касторп — соответственно, главный герой «Волшебной горы» Т. Манна.

В религиях мира, от североамериканских прерий до европейских лесов и до полинезийских атоллов, от самых примитивных до самых утонченных, прослеживаются одни и те же мифологические мотивы. Они — язык, lingua franca[21], который выражает некие общие для всех людей основные понятия. Но этот язык по-разному звучит в разных частях света.

Адольф Бастиан — великий немецкий врач, путешественник и антрополог XIX века. В 1860-х годах только что созданную кафедру антропологии в Берлинском университете назвали в его честь. Бастиан много путешествовал, очень интересовался обычаями аборигенов. Универсальные и местные аспекты символов, с которыми он сталкивался, вдохновляли его. Для описания универсального аспекта он придумал термин *Elementargedanke* — «элементарная идея». Конечно, сами по себе такие явления в материальном мире не существуют, находя конкретное выражение в культуре, в которой бытуют. Еще один термин Бастиана, *Volkergedanke,* или «фольклорная (этническая) идея», обозначает именно такое выражение. Элементарная идея проявляется в отношении к этническому контексту.

Например, когда вы изучаете мифы и фольклор северной и восточной Европы, перед вами предстают лесные чащи, где герою постоянно угрожают ужасные волки. А если вы окажетесь в Полинезии, то в глубинах темных морских вод ему будут угрожать жуткие акулы.

Итак, антрополог или социолог скажут вам, что нельзя сравнивать между собой эти два мифологических мотива. В северной Европе на людей оказывают влияние леса и волки, а на полинезийцев — океан и акулы, вот и все. Но каждый, кто, как и я, видел, как одну и ту же пьесу играли в разных странах, знает, что это не совсем верно. Молодой китайский актер, исполняющий роль Гамлета в Гонконге, отличается от молодого еврейского актера, исполняющего Гамлета на Бродвее. Но при этом вы не скажете, что постановка китайцами этой пьесы в Гонконге существенно отличается от еврейской постановки в Нью-Йорке. Основной сюжет и взаимоотношения персонажей — одни и те же.

Эта тайна мрачных глубин, которые трансцендируют горизонт сознания, воплощается в темных чащах в Европе и в океанских глубинах в Полинезии. Ощущение всеобъемлющей опасности предстает в разных обличьях: и волк, и акула являются выражением одного и того же древнего страха.

Вчитавшись в мифы разных народностей, вы легко заметите — возвращаясь к театральной метафоре — не то, что роль Гамлета исполняет китаец или еврей, а какую именно роль играет этот актер в данный момент. Есть множество ролей, которые предстоит исполнить. И если эта роль значима для вас — будь то образ волка или акулы, — вам не нужен профессор, который бы объяснил вам, что пришло время пугаться. Так, изначальный символ — Рождение Христа, например, — может не иметь никакого отношения к реальной истории. Даже если бы что-то подобное и произошло, это имело бы духовное значение только в качестве физического воплощения символа, обладавшего своим собственным смыслом задолго до того, как случилось конкретное событие.

В христианской традиции существует весьма заметное различие в значении слов «Иисус» и «Христос». Имя «Иисус» относится к конкретному историческому персонажу; понятие «Христос» — к вечному принципу, Сыну Божию, второму персонажу в Святой Троице, которая существовала до начала времен и будет существовать и после, а потому оно вне истории. Смысл нашей традиции состоит в том, что Иисус как исторический персонаж есть или был воплощением второго персонажа Святой Троицы на земле.

Главная особенность этой традиции по сравнению, скажем, с индуистской или буддистской заключается в том, что христианин утверждает: Воплощение было *уникально.*

---

[21] Lingua franca (лат. «язык франков») — язык межэтнического общения, например греческий койне или русский язык в бывшем СССР.

Случившееся чудо — вечный принцип рождения, жизни и смерти Христа — должно оказать определенное влияние на духовную жизнь человека. Есть замечательные слова у германского мистика Ангелуса Силезиуса: «Какой же толк, Гавриил, в твоем послании к Марии / Если ты сейчас не можешь принести ту же весть и мне?»19 Подобно ему, великий мистик Майстер Экхарт провозглашает: «Гораздо больше божественного в том, что Христос должен был родиться у невинной души, чем то, что он должен был родиться в Вифлееме»20.

Это важнейший момент. Многие библейские истории — которые, согласно догмам, совершенно точно произошли в реальности, — сегодня с большим трудом можно интерпретировать в качестве исторических событий. Вознесение Богородицы или Христа на небеса заставляют нас столкнуться с вопросом: а рай — это вообще где? Где-то на небе? Современная космология не позволяет нам принимать подобные рассуждения всерьез. Постулаты веры сталкиваются с положениями истории и физики, которые руководят нашими жизнями, обеспечивая наше существование день за днем. Такое столкновение разрушило человеческую веру в эти символические формы, и они отвергнуты как ложные21.

Но первичная истина не исторична, а является духовным выражением этих символов. То, что современные исторические данные не дают воспринимать подобные символы как историческую реальность, не должно заставлять нас отказываться от символов как таковых. Они произрастают из самой души, они говорят от имени духа и обращаются к духу. Именно они фактически и являются средствами общения между сокровенными глубинами нашей духовной жизни и тем относительно тонким слоем сознания, с помощью которого мы управляем своим повседневным существованием.

Когда символические средства общения более и менее значимого «Я» у нас отнимают, мы остаемся без средств связи. Такая духовная жизнь вызывает раздвоение личности; мир в нашей голове и мир реальный существуют по отдельности друг от друга и распадаются на части. Когда люди, пережившие такое разделение на части, ломаются и погружаются в ночное море реальности вокруг, взаимодействовать с которым их не научили, мы говорим о шизофрении. Безумцам страшно — их мучают демоны.

Вот базовая теологическая формула: божество — это воплощение духовной силы. А непризнанные божества демонизируются, становятся опасными. Если вы не смогли наладить с ними общение, вести, которые они несут, не будут услышаны или приняты во внимание; и когда они все же к вам прорвутся, ваше сознание будет разрушено. Вот это и есть в буквальном смысле адская расплата. Мифы порождаются видениями людей, совершавшими духовные искания в своем внутреннем мире. Мифы порождают культурные нормы. Давайте рассмотрим, например, один из величайших мифологических образов, на котором построена вся средневековая цивилизация: миф (именно миф, так как его значение находится в области мифологии, а не истории) о Падении и Искуплении грехов человека. Вся средневековая цивилизация была построена таким образом, чтобы донести послание и благодать Искупления до каждого человека. Если вы ставите под вопрос историчность фактов, на которых основан этот миф (или которые основаны на этом мифе), и отвергаете ритуалы, с помощью которых этот миф был актуализирован, вы сталкиваетесь с разрушением цивилизации. Средневековая цивилизация пала под напором вновь обретенных античных идей — духа индивидуализма, который и дал начало эпохе Ренессанса. Таким образом возникает новая цивилизация, которая приводит в соответствие то, что происходит в сознании, и внутреннюю истину души, черпая вдохновение в мечтах, видениях, верованиях и ожиданиях, что все это сбудется. Можно сказать, общество эволюционирует, устанавливая корреляцию между неизменными психологическими потребностями индивидов и новыми представлениями о мироустройстве.

Мифы, подобно грезам, возникают из воображения. Можно выделить две категории мечтаний. Простая, личная мечта, когда сам мечтатель не в силах освободиться от плена собственных противоречий и противостояния жизненным сложностям, конфликт между желанием и запретом, предмет фрейдовского анализа и все прочее, о чем еще пойдет речь дальше. И мечты, которые мы называем провидческими, позволяющие человеку выйти за

рамки своих привычных представлений и размышлять о проблемах вселенского масштаба, биться над конфликтами, о которых говорят великие мифы.

В чем вы черпаете силы, столкнувшись с трагическими и опасными событиями? Существует ли опора, поддерживающая вас, или то, что вы считали опорой, оказалось ступенькой к поражению? Ответ на этот вопрос позволяет понять, каков базовый миф, лежащий в основе вашей жизни.

Итак, в традиционной культуре, основанной на мифе, рабочая мифология в основном выполняет четыре фундаментальные функции: мистическую, космологическую, социологическую и психологическую.

В современном мире космологическая и социологическая функции утеряны. Наши представления о космосе коренным образом отличаются от религиозных представлений, на основе которых нас воспитывали.

По сравнению с временами, когда создавались законы Моисея, абсолютно изменилось и социальное устройство. Сейчас мы считаем, что мораль — это нечто, о чем могут выносить суждения люди, а не вечные незыблемые истины, которые спустились со священной горы: измените обстоятельства, и нравственные законы тоже изменятся. Преподавая в колледже Сара Лоуренс в течение тридцати восьми лет, я даже выразить не могу, насколько изменились нравственные представления молодых женщин об эротической стороне жизни за это время. Если вы попытаетесь оценить сегодняшние поступки людей, пользуясь представлениями моих бывших студентов тридцатилетней давности, из этого просто ничего не выйдет.

Практические, научные и социологические процессы идут, эволюционируют по своим собственным законам, нравится вам это или нет. Основные психологические проблемы молодости, зрелости, старости и смерти — и мистические проблемы Вселенной — в основном остаются неизменным. Следовательно, с точки зрения психологии человек может реинтерпретировать, заново пережить и по-новому использовать великие мифологические традиции, обесцененные научным сознанием, оторванные от современных условии жизни и лишенные смысла с точки зрения социологии и физической космологии.

Рождение мифа: первобытные общества

Я хотел бы вкратце коснуться основного исторического аспекта нашей темы. Существуют три великих периода в истории человечества.

Первый, первобытный, длится от начала формирования сознания до момента появления письменности. В некоторых частях света до сих пор существуют общества, которым письменность не знакома. Там люди живут в единении с природой. Их представления о времени и пространстве весьма ограниченны, у них нет летописей о давних временах, а их рассказы о прошлом укладываются в весьма короткий промежуток. Они живут, так сказать, в непосредственной близости от начала времен. Дни, когда жил их дедушка, — для них почти древность.

Великий средний период истории начинается приблизительно в 3500 году до н. э. на Ближнем Востоке, в Месопотамии. Вдруг возникают города, изобретают письменность, математику, колесо, появляются кланы и общины, наконец, государства. В четвертом тысячелетии до н. э. эти процессы охватывают территорию от Месопотамии до Египта, где бурное развитие начинается около 2850 года до н. э.; затем следуют Крит и Индия (около 2500 года до н. э.), Америка и цивилизация ольмеков (около 1200 года до н. э.22). Сложные, утонченные, абсолютно разные культурные традиции в разных частях света в корне отличаются от первобытного общества, не знавшего грамоты.

И, наконец, третий период — современность, которая берет начало в эпохе Ренессанса. Мы наблюдаем развитие науки, экспериментального и эмпирического познания природы. Как итог — появляются машины, которые работают, используя энергию — бензина, пара, электричества. Мир вступает в эпоху индустриализации и механизации, дающих основу

совершенно новой, беспрецедентной культуре.

В дописьменном периоде мы сталкиваемся с двумя основными тенденциями. Первая связана с охотниками, обитателями великих северных равнин — Канады, Северной Америки, Сибири, Северной Европы и некоторых других подобных территорий.

Вся жизнь сообщества связана с охотой, и пищу для племени добывают мужчины. На протяжении этого огромного географического пространства психология и организация общества подчиняются законам патриархата. Для выживания племени очень важно, может ли мужчина быть хорошим охотником. А поскольку одни охотники постоянно находятся в состоянии конфликта с другими охотниками, принципиально важно и то, сумеет ли он доблестно сражаться. В этих обществах особое внимание и почет связаны с мужественностью, и огромное внимание уделяется ее проявлениям: культивированию и воспеванию храбрости, умелости, успешности.

Эта культура питается смертью. Те, кто принадлежат к ней, постоянно убивают животных, одеваются в их шкуры, делают из их кожи жилища. Они живут в мире крови. Первобытные люди не проводят принципиального различия между людьми и животными так, как это делаем сейчас мы. Убить животное или убить человека — нет такой принципиальной разницы. Поэтому душе нужна защита от бесконечного убийства. Доминирующей и спасительной становится мысль о том, что *смерти как таковой не существует.* Убитое тобой животное возродится, если совершить определенный обряд. Если ты вернешь кровь земле, круг жизни двинется своей дорогой, и животное вернется. Вы до сих пор можете встретить отголоски этого представления в иудейском кашруте: кровь должна быть полностью удалена из мяса23. Иудеи первоначально были охотниками и скотоводами. Вы можете столкнуться с этой мифологией у эскимосов карибу в Центральной Канаде. Животное воспринимается как жертва, которая добровольно предлагает себя в качестве добычи охотнику, при этом по умолчанию предполагается, что будет совершен ритуал, который позволит зверю возродиться позже и вернуться в свое тело.

В подобных обществах обычным было почтение к природе, предполагающее, что животных убивают не больше, чем необходимо для того, чтобы обеспечить себе пропитание. Если опустошать землю, убивая сверх необходимости, в следующем году зверье не вернется. После успешной охоты участники возносили благодарность убитым животным — это ритуал, который обеспечит племя пропитанием в будущем. Люди не обдирают землю, как липку, когда проявляют к ней подобное почтение.

В поздней западной традиции человеку без всяких ограничений отдается во власть Земля и все живое на ней. «И сказал Господь: сотворим человека по образу и подобию своему; и дадим ему власть над рыбами в море, и птицами в небе, и стадами и над всей Землей, и каждой тварью на Земле и на небе»24. Земля — это нечто такое, что надлежит использовать и завоевать. Безжалостно.

Думаю, пришло время рассказать одну небольшую легенду. Этот вполне очаровательный миф черноногих индейцев Монтаны отражает представления охотников о мире. У черноногих было принято загонять стадо бизонов на утес — бизоний обрыв — и сбрасывать оттуда, чтобы добить у подножья. Как-то раз охотники одного из племен не сумели загнать стадо бизонов на утес, так что, похоже, в ближайшую зиму всем предстояло умереть с голоду.

Однажды утром юная девушка пошла за водой для своих родных. Она поднимает голову, видит стадо бизонов на обрыве и восклицает: «О, если бы вы прыгнули с обрыва, я бы стала одному из вас женой!» И — представьте себе! — к великому удивлению девушки множество бизонов устремляются вниз, падая и разбиваясь о скалы внизу.

Невероятно, чудесно — но тут к ней подходит один старый бизон и говорит: «Что же, девица, пошли со мной».

«Ох, нет!»

«А ты посмотри, что произошло вон там, — молвит бизон. — Ты пообещала, что станешь женой одному из нас, если мы прыгнем вниз, и мы сделали это. Так что пошли, надо

держать слово».

И бизон уводит девушку и выживших быков вверх на гору и дальше в прерии.

Вскоре родные девушки просыпаются и начинают оглядываться по сторонам: где же наша маленькая Миннехаха?25

Вы же знаете, что за народ эти индейцы, — они все могут узнать по следам на земле. Вот и отец девушки понял, что она убежала с быком. Да что же это такое, думает он, дожили.

Он надевает мокасины, берет лук со стрелами и отправляется искать дочь по следам, которые оставило стадо. Вот он подходит к болотцу-купальне, где каждый бык любит поваляться в грязной луже, чтобы стряхнуть с себя москитов и охладиться в жаркий день. Отец девушки садится на землю поразмыслить, что делать дальше.

Спустя некоторое время он видит сороку, которая подлетела поближе, чтобы поклевать зернышек с земли. Надо сказать, что сороки крайне мудры, в представлении черноногих, они своего рода птицы-шаманы. Индеец обращается к ней: «О, прекрасная птица, не видала ли ты здесь мою дочь? Она убежала с быком».

«Вообще-то есть здесь одна девушка с быком», — отвечает сорока.

«Ну так скажи этой девушке, что к ней пришел отец».

И вот сорока полетела и стала что-то клевать там, где спали быки, а неподалеку сидела девушка. Большой бизон был прямо рядом с ней.

«Вон там, — говорит сорока тихонько, — возле купальни сидит твой отец».

«Ой, — отвечает девушка, — это очень опасно. Бизоны могут убить его. Скажи ему, чтобы сидел тихо и ждал меня, я приду попозже».

И тут за спиной девушки просыпается большой бык. Он отдает ей свой рог и велит: «Ну-ка, принеси мне воды».

Конечно, она идет с рогом к бычьей купальне. «Папа, папа!»

«Я не разрешал тебе шляться с приятелями-быками», — говорит отец.

Но девушка делает шаг назад. «Нет, папа! Это очень опасно. Мы не можем убежать сейчас. Подожди-ка, пока они заснут, вот тогда я и приду».

Она возвращается к быку, тот забирает свой рог и принюхивается: «Фу-фу-фу, индейским духом пахнет». Он взревывает и мычит, и тут все бизоны вскакивают, роют копытами землю, задирают хвосты и начинают свой бычий танец. Потом они скачут во весь опор к болотцу, где ждет папа девушки. Стадо затаптывает его копытами до смерти — и не только затаптывает, но разрывает на части, так что от папы не остается ни клочочка.

Девушка — в слезы.

И тогда вожак бизонов обращается к ней: «Да, ты оплакиваешь своего погибшего отца. А теперь подумай, сколько наших жен, и детей, и отцов, и матерей упали с того обрыва ради тебя и твоего народа».

«Да, — отвечает девушка. — Но он был моим отцом».

А Большому Бизону ведомо чувство сострадания, и вот он говорит: «Ладно, я даю тебе один шанс. Если сможешь оживить своего папу, я отпущу вас обоих домой».

Тогда девушка просит сороку: «Пожалуйста, полетай вокруг, поищи, вдруг найдешь клочок того, что осталось от моего папы?» И вот птица клюет и клюет грязь, пока не находит кусочек позвоночника. Девушка берет эту косточку, кладет ее на землю, покрывает своим одеялом и заводит магическую песнь. И вот уже что-то появилось под одеялом — но оно не шевелится. Она срывает одеяло и видит — вот он, папа, еще не ожил. Девушка продолжает петь, и наконец он поднимается на ноги.

Бизоны очень удивлены и говорят: «Почему бы тебе не делать так и с нами после того, как вы, люди, убьете нас?»

Так был заключен договор между племенем быков — народом зверей — и племенем людей. Бизоны научили людей танцу быков, который стал главным ритуалом в традиции охоты на бизонов в американских прериях.

Вот как черноногие индейцы рассказывают миф, который в различных вариантах существует у большинства охотничьих племен. Женщина из племени людей и шаман в

образе животного заключают союз, своего рода брачный договор между двумя мирами. А затем животные предлагают себя племени в качестве добровольной жертвы, сознавая, что их кровь будет возвращена Матери Земле, чтобы потом возродиться. Это базовый миф охотников на всем земном шаре.

Но отправившись в тропики, мы попадаем в совершенно иную ситуацию, которой соответствует совершенно иная пейдематическая мифология. Термин *пейдематический* был предложен Лео Фробениусом, великим исследователем африканских первобытных племен, чтобы обозначить обусловленность культуры ее физическим окружением — климатом, почвой и географическими условиями26. В тропиках основное питание — фрукты. Каждый сам может сорвать себе банан, так что если ты хорошо собираешь бананы, то это еще не дает оснований для того, чтобы тебя почитали.

При этом женщины становятся более уважаемым полом с мифологической точки зрения. Быть матерью для женщины становится символичным, так она воплощает силы земли. Она дает жизнь подобно тому, как это делает земля, она вскармливает, как и земля. Поэтому женская магия в этих обществах доминирует.

Более того, нечто ужасное выходит здесь на поверхность — ужасное для нашего сознания, по крайней мере. Оно открывает завесу над странной тайной, явленной в законе джунглей, по которому живут растения. В джунглях вы везде видите гниющие растения: из этой зеленой разлагающейся массы вырастает новая жизнь. Из этого можно извлечь очевидный урок: жизнь рождается из смерти. Вывод: если вы хотите культивировать жизнь, то должны культивировать смерть! Именно из этого силлогизма в «вегетарианских» тропиках сформировалась целая система ритуальных убийств. Жестокая система, которая предполагает, что убийство — принесение в жертву — даст новой жизни силу.

Ритуалы этой культуры повторяют ее основной миф. Можно определить ритуал как возможность непосредственно участвовать в мифе, воплощая в реальность мифологическую ситуацию. В первобытных тропических культурах существует много соответствующих мифов и ужасающих ритуалов, которые буквально воспроизводят их события снова и снова. Повторяя ритуал раз за разом, можно прикоснуться к первоначальному событию.

Основной миф первобытных земледельцев заключается в том, что в начале времен время не двигалось, а живые существа, звери и люди, не принадлежали ни к мужскому, ни к женскому полу. Однажды кто-то из них был убит; его тело разрубили на куски и закопали в землю. Из этих кусков поднялись растения, которые люди стали употреблять в пищу, — так что, когда мы едим, наша пища — это божественный дар, плоть бога, которую мы, безусловно, запиваем божественной кровью. Надеюсь, вы узнаете основной сюжет.

Более того — после первого убийства живые существа разделились на мужчин и женщин и стали отличаться друг от друга. Начало рождения совпало с приходом в мир убийства. Жизнь, рождение и смерть появляются в мире вместе с новой пищей, которая должна поддерживать эту жизнь. Следовательно, ритуалы, призванные обновить жизненную силу — благодать, если хотите, — которую принесло древнее мифологическое событие, призванные помочь этому событию свершиться вновь, в большинстве случаев вполне жутковаты.

Пауль Виц, швейцарский антрополог, наблюдал у племени Маринд-аним в западной Новой Гвинее ужасающий обряд, который прекрасно укладывается в представления о подобных архетипических мифах. После инициации мальчиков во взрослую мужскую жизнь для них наступали три дня абсолютной сексуальной вседозволенности, по завершении которых происходила заключительная церемония. Вокруг танцевальной площадки, под рокот больших барабанов с деревяшками по бокам, звук которых ассоциировался с голосами предков, плясали и пели все люди племени. Затем выходила юная девушка, одетая как одно из тех безымянных существ из начала времен. Ее укладывали под большим навесом из огромных бревен на двух опорах. И тогда все мальчики, которые прошли обряд инициации, — совсем юные подростки, — вступали в сексуальное сношение с этой девушкой, снова и снова, под этим потолком из тяжелых бревен. Когда последний из мальчиков овладевал ею,

опоры выдергивали, столбы сверху падали на юную пару, убивая их. Затем тела вытаскивали, разрубали на куски, готовили и съедали.

Здесь вы видите союз мужского и женского, воссоединение рождения и смерти, так же, как и идею о том, что любая еда — это евхаристическое единение. В этом ритуале страшно и ярко представлена сама сущность жизни. Теперь, при помощи наглядного примера, вы понимаете, что я имею в виду, утверждая, что ритуалы учат вас принимать жизнь такой, как она есть. Эта церемония воплощает мифологический момент как сознательное его утверждение, принятие не только самой жизни, но и того ужасающего факта, что жизнь питается смертью.

В финале обряда, когда молодых людей вынимают из-под обрушившихся бревен, разрубают на куски, готовят и поедают во время объединяющей трапезы, очевидно непосредственное воплощение первоосновы всех ритуалов, связанных с убитым и поглощенным божеством. Эта юная пара воплощает божественную силу.

Конечно, когда ваша мифология — женская, связанная с миром земледелия, то мужчинам особенно нечем заняться. В некоторых из этих культур даже нет понимания того, что сексуальный контакт приводит к рождению новой жизни. Женщины строят дома. Женщины растят детей. Женщины трудятся на полях. А мужчинам что делать? Неплохая почва для формирования мужского комплекса неполноценности.

За неимением лучшего мужчины начинают его компенсировать как умеют. Они поступают, как и все мальчишки на свете, и образуют свой мужской клуб — тайное мужское общество, куда женщины не допускаются. А в этом обществе вы можете воплощать в жизнь свои духовные идеалы и заняться делом.

Моделью подобного общества может служить Меланезия. Подумайте, в чем заключается проблема: в том, чтобы убежать от Матери. А бежать некуда. Женщины заправляют всем на свете. Они не только самые главные, но и очень привлекательные создания. Вот что плохо: собственно говоря, ты и не хочешь убегать.

Мужчины начинают выращивать свиней. В процессе есть два этапа: первый — для маленьких мальчиков, а второй — для больших. Отец дарит мальчику поросенка в качестве домашнего питомца. И мальчик немного отдаляется от матери и привязывается к поросенку, он несет ответственность за это маленькое существо. Таким образом он учится не быть зависимым, становясь тем, от кого зависят. Как только он всей душой привязывается к этому поросенку, отец мальчика помогает ему принести этого поросенка в жертву, — так мальчик учится жертвовать тем, что он любит. После того как жертва принесена и съедена, ему дарят другого поросенка.

Через некоторое время наступает другая фаза мужской жизни, когда необходимо соревноваться с другими. Свинье выбивают верхние клыки так, чтобы нижние росли и росли беспрепятственно. Они отрастают по кривой и закручиваются назад, через челюсти свиньи. Теперь животное начинает страдать. Оно больше не прибавляет в весе. Это тощая высокодуховная свинья. Вы же знаете, какими изможденными могут быть высоконравственные люди.

В любом случае клыки отрастают, все закручиваясь и закручиваясь, и, если повезет, могут завернуться три раза. На каждом этапе отрастания клыков мужчина приносит в жертву сотни других свиней, которых он вырастил, так что к моменту, когда наконец получается свинья с клыками, закрученными втрое, она уравнивается по стоимости с бесчисленным множеством других свиней. И с каждой принесенной жертвой у этого мужчины изменяется имя, его духовный ранг возрастает, как это происходит у масонов.

Мы познакомились с простои мужской бойскаутской мифологией мира охотников. И познакомились с женской мифологией земледельческого мира. А теперь перед нами мужская мифология, отражающая духовный статус. На каждой стадии описанного процесса человек узнавал что-то новое о потустороннем мире. Вся тема лабиринта ассоциируется с подобной мифологией. Подумайте о том, что происходит сейчас. Духовная жизнь человека связана с длиной клыков свиньи, которые символизируют его ранг. Это не просто свинья, это

мистическая свинья.

Человек должен принести в жертву многоценное создание с закрученными клыками до того, как умрет; если все пойдет по плану, он получает силу этой свиньи. А если он умрет до того, как принес эту жертву, никто другой не посмеет совершить обряд, кроме, разве что, владельца точно такой же свиньи с таким же количеством закрученных клыков. Иначе его духовная сила не смогла бы выдержать соприкосновения с освобожденной энергией принесенной в жертву свиньи.

И вот человек умер. Он отправляется в потусторонний мир, наделенный мистической силой своей свиньи, и встречает стражницу потустороннего мира. Она рисует ему лабиринт, по которому он должен войти в загробный мир, а затем тут же стирает половину этого чертежа. Умерший должен суметь дорисовать его снова, чему он научился в своем тайном обществе. А потом он дарит дух принесенной в жертву свиньи этому духу в качестве угощения и отправляется в царство огненного танца, в вулкан посмертья.

Это может показаться очень примитивным и далеким от нас. А вы знаете, как умер Будда? Этого многие не знают. Он умер, отведав свинины. Кузнец по имени Кунда пригласил Будду на трапезу, когда тому было восемьдесят два года. Будда явился на угощение со своими учениками, и кузнец подал им сочную, вкусную свинину со множеством овощей. И Будда, посмотрев на пищу, сказал: «Лишь тот, кто достиг *нирваны,* обладает силой, чтобы вкусить этой свинины. Я буду есть ее. Моим ученикам подавать ее не следует, а что останется, надо закопать в землю». Вот вам и развитие мифологического мотива.

Многие великие боги были убиты свиньями или людьми, связанными со свиньями. Брат Осириса Сет охотился на кабана, повстречал Осириса и убил его. Адониса убил кабан. В Ирландии кельтский герой Диармид погиб в схватке с кабаном, который тоже при этом погиб от его рук. В Полинезии одно из главных божеств — Камапуа, юный повелитель свиней, возлюбленный богини вулкана госпожи Пеле.

Эти верования в разных вариациях бытуют на пространстве от Ирландии до границ тропического мира — миф, который утверждает победу духовной силы и выступает в качестве суррогата смерти. В каждой из этих культур присутствует каннибализм — реальный или символический: высшую власть можно приобрести, только убив и присвоив себе силу убитого. *Hic est corpus meum* [22].

Эти ритуалы — танец бизонов с одной стороны, убийство совокупляющейся пары и общество свиней с другой — представляют собой два диаметрально противоположных взгляда на мир. Взгляд жителей тропического мира, где господствует представление о том, что жизнь питается смертью, глубже и трагичнее. Мировоззрение охотников по сравнению с ним кажется мальчишески-простым и беззаботным: ничего нового не происходит, мы приходим и уходим, все движется своим чередом.

Поскольку первые великие цивилизации мира возникли в жарких плодородных местах на юго-востоке Азии и были земледельческими, они воплощали образы жизни, возникшей из смерти. Отголоски этого мифа прослеживаются, например, в христианской традиции: из смерти Христа возникает наша вечная жизнь, в этом весь смысл образа Распятия. Вы находите его даже раньше, чем возникли мифы об Осирисе, Аттисе, Адонисе и Дионисе27. Элевсинские таинства воссоздавали этот миф. В такой устойчивости есть что-то, заставляющее подумать о связи этого мотива с самой сутью жизни. Никакой абсолютной истины о том, что такое жизнь, просто инсайт; игра, в которую может играть человек. Но мировоззрение человека — если он проживает жизнь, играя в «жизнь-из-смерти, — коренным образом отличается от жизни охотника.

Именно в зоне земледелия в эпоху неолита возникают первые постоянные поселения, давшие впоследствии начало более высокоразвитым цивилизациям. С течением лет ритуалы

---

[22] «Hic est corpus meum» — «Сие есть Тело Мое» (лат.). «И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание» (Евангелие от Луки, 22:19).

жертвоприношения, которые воплощают мир в такой бесчеловечной и отталкивающей физической форме, все больше сублимируются. Проходят столетия, эти ритуалы становятся более мистическими и символичными; пища, которую вкушают участники, — не просто еда в физическом смысле этого слова, но пища духовная. Этот символизм присутствует в буддистских, индуистских и христианских ритуалах, он трансформировался из первоосновы, общей для всего человечества.

Около девятого тысячелетия до нашей эры эти общества начинают развиваться, основываясь на земледелии и скотоводстве. Вдруг оказывается, что племя больше не охотится за пищей, племя культивирует ее.

Как уже было сказано, в ранних обществах охотников все взрослые были равны и обладали одинаковым статусом: сообща они полностью контролировали культуру.

Напомню, что высокоразвитые культуры начинают формироваться в так называемый «ядерный период» на Ближнем Востоке примерно около 4000 года до н. э. Деревни превращаются в небольшие города, затем в крупные города и наконец — в города-государства. Торговля и разнообразные новые ремесла, а также цивилизованные искусства процветают; отдельные люди больше не контролируют все общественное наследие в целом. Они становятся «узкими специалистами». Появляются чистые администраторы, жрецы, торговцы, крестьяне и так далее. Всем этим людям необходимо гармонично сосуществовать с теми, кто существенно отличается от них. Эта иерархическая структура общества породила абсолютно новую с психологической и социологической, а также с других точек зрения проблему.

Наибольшим влиянием в эту невероятно важную эпоху пользуются жрецы. Именно они внимательно всматриваются в небеса, ожидая знамений, говорящих людям о том, когда именно сажать, а когда — собирать урожай. Именно жрецы — особенно у шумеров — первыми применяют искусство письма и математические наблюдения. Именно они развивают математические способы описания мира: шестидесятеричную систему математики, основанную на числах шесть, двенадцать и шестьдесят, при помощи которой мы до сих пор измеряем время.

Именно они первыми обнаружили движения светил в неподвижных созвездиях; они установили, что планеты перемещаются по траектории, которую можно предсказать с помощью математических расчетов. Эти модели движения навели их на мысли о комическом порядке — вселенском цикле, который, так сказать, простирается до рая. Луна восходит, приближается к полнолунию, затем убывает. Солнце ежедневно всходит и заходит. Зима сменяется весной, затем приходит лето и так далее. Это представление о великом цикле, который постоянно возвращается на круги своя, поразил тех, кто наблюдал за небом, став для них озарением, которое само по себе было гораздо более удивительным, чем откровения о жизни растений или мира животных, возвышаясь над ними и над всеми законами, которые управляют вещами вокруг. Это было откровение об универсальном процессе, о безличной силе, которую нельзя ничем заменить. Вы не можете обращаться к солнцу с молитвой о том, чтобы оно остановилось, — вы ни к чему не можете обращаться с просьбой о том, чтобы оно остановилось. Это процесс абсолютно безличный и доступный для математических измерений, который должен соответствовать законам цивилизации. Это базовый мифологический концепт первой высокоразвитой цивилизации.

Рождение Востока и Запада: высокоразвитые культуры

Ненадолго обратимся к высокоразвитым культурам. Я разделяю их на две великие области — Восток и Запад. Граница между ними проходит по территории Персии.

На востоке от Персии находятся два творческих центра: Индия и Дальний Восток (Япония, Китай и Юго-Восточная Азия). Обе эти области находятся в изоляции. На севере Индии возвышаются Гималаи, а границы ее омываются океанами. Восточная Азия отрезана от запада великими пустынями, а к югу и востоку — водой.

Новые веяния могут постепенно усваиваться с помощью власти и через существующие традиции. В восточных культурах вы рано или поздно узнаете древние воззрения Бронзового Века, привнесенные из Месопотамии между 2500 и 1500 годами до н. э., — образ великого внеличностного круговорота.

К западу от Персии находятся два гигантских культурных центра. Один из них — Ближний Восток, или Левант, где возникли первые высокоразвитые культуры; здесь огромное значение придается обществу, группе, а не личности, и главное для индивида — его роль в коллективе. Другая великая культурная зона — Европа, архетипическая зона охоты эпохи палеолита, где, как и во всех первобытных охотничьих культурах, подчеркивалась роль отдельного человека.

Эти две области — в отличие от двух восточных зон, которые находятся в изоляции, — постоянно взаимодействуют друг с другом. Более того, каждая из них открыта для атак воинственных кочевников, постоянно нападающих с севера и с юга соответственно на оседлых земледельцев и торговцев из центрального района. Эти группы-завоеватели — арийская из скотоводческих равнин Северной Европы и семитская из Сирийско-Арабских пустынь, где выращивали овец и коз. Захватив власть, воинственные скотоводы становились правящей прослойкой в мире цивилизованных земледельцев, ремесленников и торговцев. Их мифология и образ жизни определялись откровениями священников-небосозерцателей; больше всего эти группы воинов почитали мужское божество, повелителя молний. Их мифология абсолютно противоречила верованиям аборигенов-земледельцев, почитателей богини-Земли — матери, щедро приносящей дары своим детям.

Конфликт между сообществами, одно из которых почитает богиню, а другое, состоящее из воинов, презирает их, стал одним из главных мотивов в мифологиях Запада. Ветхий Завет — это история конфликта, инициированного богом воинов, который провозглашает: «С тех полей, что вы не сажали, вы едите плоды; в тех домах, что вы не строили, будете вы жить»28. Вы можете прочесть об этом в книге Иисуса Навина: вот стоит обыкновенный городок, вот появляется облако пыли на горизонте, и на следующий день в городке уже никого не остается в живых. Какие-то бедуины пришли и истребили всех. Аналогично дело обстояло с греками, и кельтами, и римлянами. Они были суровыми воинами, эти арии и семиты, — жестокими, безжалостными варварами. Они приходили в культуры, которые сформировались вокруг идеи о непрерывно вращающемся космическом цикле, и тут же захватывали власть.

В мифологии космического миропорядка, где вся Вселенная — это утроба Матери-Земли, а мы — ее дети, божества, которые оплодотворяют ее, обычно представлены в виде животных. Эти консорты занимают второе место после главного божества.

Первый объект, с которым соприкасается поначалу каждый человек, — это мать. Отец играет второстепенную роль и не должен предъявлять претензий. Кому, скажите на милость, нужно лоно Авраамово?

А у воинственных племен в центре находится мужское божество: не тот, кто молится богине, чтобы она принесла ему дары земли, а тот, кто приходит и берет их сам. Это повелитель молний, зовись он Зевс или Яхве, Индра или Тор.

Если вы повнимательнее присмотритесь к семитским народам, вышедшим из пустыни, где Мать-Земля, похоже, не очень-то заботится о человеке, а каждая отдельная жизнь зависит от порядка, установленного в обществе, то заметите, что главное божество всех семитов, будь то амориты, или вавилоняне, или финикийцы, — божество племени. Это уникальное явление в истории.

Из этого следует еще одно обстоятельство. Если мои верховные божества — олицетворения природных сил, то, например, прибыв из Греции в Индию, я смогу сказать: «О, ваш Индра — это наш Зевс!» У вас есть для него имя, подобно тому, как хлеб — это хлеб, зовись он *brot* или *pain.* Божества взаимозаменяемы и равноценны, разница лишь в названиях. Но если ваше божество — это бог племени, вы не можете утверждать, что оно является и моим. Поэтому в семитской традиции присутствует тенденция к

исключительности, где с усилением роли ключевого мужского божества усиливается и чувство отделенности: мы отличаемся от всех остальных жителей этого мира.

Древние греки и римляне тяготели к синкретизму, стремясь увидеть в иерархии божеств свой собственный миропорядок. Когда вы пытаетесь идентифицировать свой собственный миф, один из вопросов, с которым вам придется определиться, — это чем ваш бог и ваше поклонение ему отличаются от остальных божеств и способов им служить соответственно. Уникален ли ваш путь? Существует ли в мире что-то подобное? Может быть, вы признаете, что делаете точно то же, что все остальные люди, участвуя в общечеловеческом опыте, но называете это особенным конкретным именем? Это не значит, что вы не считаете свой способ поклонения наилучшим для себя. Но не бегать же, как некоторые, с девизом: «Да, вы поклоняетесь своему Богу как вам угодно, а я поклоняюсь так, как угодно Ему».

Итак, мы столкнулись с очень интересным конфликтом между патриархальной культурой, менее рафинированной, но более могущественной физически, и гораздо более сложной цивилизацией, поклонявшейся богине. Безусловно, варвары одержали верх, а затем ассимилировали местную культуру.

Посмотрите на Книгу Бытия в Библии. Кто-нибудь слышал о том, чтобы мужчина родил женщину? Но именно эта глупость происходит в райском саду, когда от Адама происходит Ева, и мужчина фактически выполняет функцию матери. В иврите слово «*адам* » означает «земля»[23]. Итак, земля породила человечество; оно ведет свой род от отца-земли, а не от матери-земли.

А в Пепельную Среду[24] вы увидите, как множество католиков выходят на улицы Нью Йорка, посыпав лбы пеплом. «Из праха ты вышел, и в прах обратишься»29. Прах! Это — Мать-Земля, и вы так унижаете ее? Ваша мифология уникальна: в мире больше нет религий без богини, с одним лишь богом-холостя-ком. А богиню других мифологий вы именуете Мерзостью.

На протяжении всего Ветхого Завета мы имеем дело с мужским богом Яхве, который осуждает культ холмов и полей и Мать-Землю. Один царь за другим творят зло перед очами Яхве, воздвигая алтари под деревьями и в горах. А затем маньяк вроде Илии начинает действовать, проливая потоки крови — убивая всех, кто устремил свой взор на Луну. Вот и вся история. Эту-то жуткую мужскую мифологию, которая требует угнетения женского начала, мы и унаследовали.

Один из интереснейших моментов, который обнаружили исследователи-библеисты в девятнадцатом веке: мифологические темы Старого Завета напрямую заимствованы из шумеро-вавилонского комплекса верований. Посмотрите, что из этого получается. Мифы, которые первоначально говорили о богине-матери, теперь указывают на Яхве, мужское божество. Такая трансформация представляет собой забавный аспект нашей традиции, который даже озадачивает. Символы обращаются к нашей душе напрямую, вы понимаете, что именно в них заключено, на глубоком подсознательном уровне. Но человек, который предъявляет вам миф, говорит на ином языке. Он утверждает: «Это отец» — но ваша душа возражает: «Нет, это мать». Пора к психиатру. У всех наших символов — двойное дно.

Фома Аквинский в своем труде «Summa contra gentiles»[25] рассуждает так: «Человек

---

[23] Точнее, «красная глина».

[24] Пепельная среда открывает Великий пост в латинском обряде католической, англиканской и некоторых лютеранских церквей. В этот день верующие освященным пеплом наносят на лоб знамение креста.

[25] «Summa contra gentiles» (лат. «Сумма против язычников») — второе большое сочинение св. Фомы Аквинского, знаменитого средневекового католического богослова и философа. Считается классикой высокой схоластики.

может познать Бога, лишь если понимает, что Бог превосходит все, что можно сказать или помыслить о Нем»30. И когда вы задумываетесь о том, «что превосходит наши мысли», например о том, что Бог — это обязательно мужчина, и в нашей традиции мужчина без жены, то сталкиваетесь с тем, к чему душа не очень хорошо подготовлена. Я считаю, что это очень важный момент.

Второстепенный вопрос о том, к какому полу причислить божество, в некоторых случаях способен сбить с толку. Изначально считалось, что бог — мужского пола, чтобы утвердить главенство патриархального общества над матриархальным. И цикл Эсхила «Агамемнон», и «Эдип» Софокла пытаются разрешить противостояние мужского и женского начал.

Народы Востока с подобной проблемой не сталкиваются. К востоку от Персии, в Индии или Китае, старая мифология несет в себе идею космического круга — безличного миропорядка, правящего Вселенной, и эта идея актуальна по сей день. В Индии есть понятие «дхарма» или «калпа», в Китае — Дао, и так далее. Эти концепты, такие же древние, как письменность, трансцендируют само понятие пола.

В этих традициях высшая тайна Вселенной, высшее бытие — если мы можем так это называть — находится за пределами доступного человеческому пониманию, всего человеческого знания. Это находится даже за пределами категорий мышления. И бессмысленно задаваться вопросами: «Един ли Бог? Мужчина он или женщина? Добр или жесток?» Все это — категории мышления. Бессмысленно даже спрашивать: «Есть ли Бог?» Бытие и небытие — также категории мышления. Божество существует (или не существует) вне возможностей разума. Он трансцендентен по отношению ко всем категориям. Было бы просто топорно спрашивать, как мы это часто и делаем: «Исходят ли от божественной силы любовь, милосердие, справедливость; любит ли Бог этих людей больше, чем вот тех; любит ли он меня лично?»

Однако следующая мысль заключается в том, что эта сила, которая трансцендирует все доступное осмыслению, составляет саму суть вашего собственного бытия. Она имманентна — она находится непосредственно здесь, непосредственно сейчас, в бумаге, на которой напечатана эта книга, в стуле, на котором вы сидите. С этой точки зрения вы можете выбрать любой объект, начертить вокруг него круг и заняться изучением тайны его бытия, не зная, что он собой представляет, потому что не в силах постигнуть его истинную суть. Хорошо, вот он, стул, и вы знаете, что с ним делать; но ведь его сокровенная сущность в высшей степени и абсолютно непостижима. Тайна существования вашего стула и тайна существования самой Вселенной — это одно и то же. Следовательно, любой объект — палка, камень, человек, животное — могут быть помещены в центр такого таинственного круга, чтобы стать идеальным источником медитации.

Созданная в VIII веке до н. э. Упанишада Чхандогья ясно выражает эту мысль, говоря: tat tvam asi («Вы — это оно»)31. Весь смысл этих религий — индуизма, джайнизма, даосизма и буддизма — в том, чтобы вызвать в человеке переживание единства с вселенской тайной, тайной бытия. Вы — это оно. Но это не то личностное «вы», которое так вам дорого. Не то «вы», которое отличает вас от других32.

Эта формула является способом осознать себя и как наблюдателя, и как объект наблюдения. Общепринятый взгляд на мир дуалистичен: я существую в своем теле, я — не мое тело; я знаю свои мысли, и я — не мои мысли; я испытываю чувства, и я — не мои чувства, со мной происходит нечто, и я тому свидетель. А потом приходит Будда и говорит, что вы даже не свидетель. Таким образом вы можете вытащить себя «по другую сторону стены».

И вот мы приходим к следующему выводу: все, что может быть обозначено словом, этим и не является. Если вы можете дать чему-то имя, то вы — не оно, и все же вы — оно; такое противоречивое утверждение дает нам ключ к разгадке того, что мы называем «тайной Востока».

В этом — мистика наших собственных мистиков. Многих из них сожгли на кострах за

то, что они привлекали внимание к подобным идеям. К западу от Персии, в традициях, которые пришли с Ближнего Востока, — а именно в христианстве, иудаизме и исламе, — это высшая степень ереси по отношению к незыблемой истине: Господь сотворил мир, Создатель и созданное им — не одно и то же.

Обычно наша теология излагает вещи с точки зрения подвижного сознания: логика Аристотеля утверждает, что *А* — это не *не-А.* Но на другом уровне — и это уровень, к которому апеллируют все религии, в том числе и наша собственная, хотя они бы предпочли держать это в тайне, — высшая тайна заключается в том, что эти два явления едины: *А — это не А.* Но наши официальные религии проклинают за святотатство всякого, кто скажет: «Я и Отец Небесный — одно целое». Иисус провозгласил это, и его за это убили. Именно за это его и распяли: за святотатство.

Девятьсот лет спустя великий суфийский мистик аль-Халладж[26], казненный за ересь, выразил ту же мысль, и его тоже за нее распяли. Аль-Халладж выразил мысль, к которой стремятся все мистики: сообщество правоверных существует для того, чтобы воссоединить Того, Кто любит, с тем, кого Он любит, чтобы объединить Вселенную с ее Богом. Он сравнил это с мотыльком и пламенем: мотылек видит огонек и бьется об стекло, возвращается к своим сородичам утром и говорит: «О, какое чудо я видел этой ночью!» Ему отвечают: «От добра добра не ищут». Что же, такова жизнь аскета. Мотылек возвращается к лампе на следующую ночь, пробирается к огню и воссоединяется с предметом своей любви, став пламенем. Аль-Халладж провозглашал, что это и есть цель мистика: полное исчезновение эго в единении с Тем, Кто Один-из-Всех.

Наша собственная традиция не преувеличивает внутреннее ощущение общности с божественным, занимаясь способами установления *отношений* с богом. Наша религия — это религия отношений: А относится к Х. Конечно, на Востоке А равно Х и при этом не равно ему. Отношения и идентичность — это две различные формулы.

Итак, как же вступить в отношения с божественным? В иудаизме для этого нужно быть правоверным иудеем: никто в мире не знает Бога, кроме иудеев, — так сказано в Ветхом Завете. Как стать иудеем? Родиться у еврейской матери. Это не всем дано.

В христианской традиции Христос рассматривается как уникальное Воплощение Бога: он настоящий человек и настоящий Бог. Мы воспринимаем двойственную природу Христа как чудо. Как установить отношения с Иисусом? Пройти обряд крещения и стать прихожанином церкви.

Нынче мы отчуждаемся от нашей божественности. Отчуждаемся и от социального института, утверждающего, что внутри него контактируют с Богом, мы больше не верим в этот институт. Христос воскрес из мертвых, основал Церковь и так далее? А что, если он не воскресал? Был ли он тем, что о нем утверждают? Родился ли он от непорочной девы, являлся ли истинным Богом и реальным человеком одновременно? Предположим, что вы в этом сомневаетесь. У вас отняли правду. Некий институт забрал у мира божественное и заставил вас общаться с Богом через посредников, а теперь этого института не стало, и у вас вообще нет никаких отношений с божественным. Только всеобщее отчуждение.

И тогда приходит старый Свами Сатчитананда[27].

На Востоке каждый должен осознать дуализм своей собственной природы; инкарнация — аватар — это лишь модель, с помощью которой вы можете открыть божественное в себе самом.

---

[26] Хусейн ибн Мансур Халладж — известный суфийский мистик IX-X веков н. э., оказавший огромное влияние на исламский мистицизм. Знаменит утверждением «Я есмь Истина», из-за которого был жестоко казнен.

[27] Шри Свами Сатчитананда (1914 г.р.) — религиозный учитель, индийский гуру и йогин, утверждающий, что истина одна, но путей к ней множество, и прийти к гармонии может любой человек, какому бы богу он ни молился.

Итак, я подчеркиваю это различие, поскольку оно демонстрирует различные ключевые моменты в восточных религиях. Они зависят от исторических обстоятельств — объективной реальности от их особых, конкретных ситуаций. Иудейская традиция основана на понятии особого откровения особых людей в особое время в особом месте; это событие может быть исторически задокументировано. Ну что же, получается, что эти документы можно подвергнуть сомнению.

Христианская традиция строится на идее уникальности Воплощения, на очевидности чудес и основании Церкви и ее постоянства. Эти события должны быть представлены как исторические, поэтому наши символы постоянно и настойчиво апеллируют к историчности.

Мусульманская вера связывает правоверных с Аллахом через мир Мухаммеда, пророка его.

Это может быть приемлемо в отношении института церкви, или Израиля, или ислама, но отвлекает от первичного смысла этих символов, взывающих к вам, к тому, что внутри вас. Поэтому гуру приходят из Индии, а мастера дзен — из Японии: они совмещают все понятия сразу. Они утверждают, что все символы обращены внутрь человека.

В начале своей замечательной книги «Философские течения Индии» Генрих Циммер отмечает, что наша культура столкнулась с кризисом, который произошел в Индии около трех тысяч лет назад: полным разрушением унаследованных мифов. Их больше нельзя было интерпретировать в конкретном ключе, принятом и практически неизбежном в менее развитых обществах. Сейчас мы, подобно индийцам того времени, осознаем, что все мифические силы приходят *из нашего внутреннего мира.* Вы не можете победить того, кто внутри вас, и нам придется пройти через то же испытание, которое досталось индийцам.

И я не утверждаю, что в Индии все прошло прекрасно, потому что с тех пор (с 900-400 годов до н. э.) Индия очень состарилась. А когда вы стареете, все начинает разваливаться. Волосы выпадают, вы забываете переодеться, вы проливаете и опрокидываете на себя все подряд. Вот так и выглядит Индия. Это руины былого величия, и не нужно путать прошлое с настоящим. Вы не можете взять чужой, изживший себя культурный подход к осмыслению прошлого и применить его к своей жизни. Однако вы можете прислушаться к нему и позволить ему стать источником вашего вдохновения.

И я хотел бы обратиться к церквям всего мира вот с каким смиренным призывом: у вас есть символы, которые лежат на алтаре, и ваше учение. К сожалению, когда догма говорит вам, какой именно эффект должен оказывать конкретный символ, начинаются проблемы. Если на меня он действует иначе, получается, что я грешник?

Настоящая, важная функция Церкви заключается в том, чтобы представить символ, провести ритуал, донести божественное послание так, чтобы человек смог пережить его. Каковы отношения Бога-Отца и Бога Сына со Святым Духом, собственно говоря, не так важно для переживающего торжественный ритуал, ощущающего в самом себе Непорочное Зачатие и рождение мистического, мифического бытия, которое и есть наша собственная духовная жизнь.

Часть II. Живой миф

Глава 3. Общество и символ33

Механизм мифов: как работают символы

Магия мифов осуществляется с помощью символов. Символ функционирует как автоматическая кнопка, которая включает выброс энергии и направляет ее по нужному пути. Поскольку в мифологических системах мира многие из символов практически универсальны, возникает вопрос: а почему? И каким образом универсальный символ может быть нацелен в

определенном, культурно обусловленном направлении? Это довольно сложный вопрос, но я думаю, что смогу очертить ответ на него несколькими штрихами.

Встроены ли символы в психический мир человека или впечатаны позднее? Зоопсихологи заметили, что если ястреб пролетает над цыплятами, которые только что вылупились из яиц и никогда не видели ястреба раньше, то те убегают в безопасное место. Если над ними пролетает голубь, цыплята не прячутся. Когда исследователи запустили над цыплятами деревянные модели ястребов на проволоке, они разбегались, однако как только ту же самую модель запускали задом наперед — цыплята на нее не реагировали. Ученые называют эту реакцию, заложенную с рождения, *ВПМ* — Врожденным Пусковым Механизмом, или стереотипной реакцией[28].

С другой стороны, когда утенок вылупляется из яйца, то первую движущуюся фигуру, которую он замечает, он начинает считать своим родителем. Он привязывается к этому объекту так, что потом привязанность невозможно разрушить. Эта связь, которая устанавливается в момент рождения, известна как импринт.

Возникает вопрос: какие реакции человеческой души стереотипны, а какие являются импринтами? Стереотипная реакция, как в случае с ястребом и цыплятами, предполагает отношения по принципу «замок-ключ», словно определенный образ ястреба был вмонтирован в мозг этих цыплят. Кто реагирует на стимул «ястреб» — конкретный маленький цыпленок, который никогда не имел дела с хищниками? Нет. Это общая реакция всех цыплят как вида.

Реакция цыплят на реального ястреба или его модель демонстрирует, как работает то, что Юнг называет архетипом. Эти цыплята никогда не сталкивались с ястребом, но тем не менее реагируют на его образ. В то же время маленький утенок, который привязался к приемной матери-курице, по-своему очень необычен; он индивидуален, а не просто представляет собой типаж. Связь между утенком и курицей — это результат импринта.

Различие между импринтом и обычной сильной заинтересованностью заключается в том, что импринт возникает в уникальный момент физиологической готовности. Как только доля минуты прошла и импринт состоялся, его уже не стереть из памяти.

Оказывается, мы не сумели выявить никаких стереотипных образов в душе человека. В рамках нашего обсуждения придется признать, что в человеческой душе не существует врожденных образов, действующих в качестве спусковых механизмов. Фактор импринта играет решающую роль.

Возникает вопрос: почему же тогда существуют универсальные символы? В мифологиях, в религиях, в социальных структурах каждого общества можно найти одни и те же символы. Если это не врожденные пусковые механизмы, заложенные с рождения в душу человека, то как же они там оказались?

Поскольку эти символы не возникают из врожденных механизмов и не могут передаваться через культуру (культуры так не похожи друг на друга), то должен существовать определенный набор жизненных ситуаций и опыта, общих для всех людей.

Получается, что подобные постоянные ситуации и опыт существуют в период раннего детства. Это опыт взаимоотношений ребенка с (а) матерью, (б) отцом, (в) взаимоотношения родителей и, наконец, (г) проблема собственных психологических изменений. Подобные универсальные ситуации и опыт порождают те самые Elementargedanken, «элементарные идеи», которые превращаются в неизменные мотивы мировых культур.

---

[28] ВПМ — совокупность нейросенсорных систем, обеспечивающих адекватность поведенческих актов по отношению к «пусковой ситуации»: настройку анализаторов на восприятие специфических раздражителей и распознавание последних, интеграцию соответствующих раздражителей и растормаживание (или активацию) нервных центров, связанных с данным поведенческим актом. (Источник: «Словарь-справочник по зоопсихологии (сравнительной психологии)» под редакцией Филипповой В. П.; Херсон: Гуманитарный институт научно-производственного центра комплексного изучения проблем человека «Человек», 1998.)

Общество, миф и развитие личности

Позвольте мне вкратце изложить представление Фрейда по интересующим нас вопросам в качестве основы для дискуссии о личности и обществе.

Начнем с того, что Фрейд строил свою психологическую модель на идее, что воля, желание, «Я хочу» изначально присущи душе человека. Душа — это маленькая машина, работающая по принципу «Я хочу», а общество, или его окружение, или семейные устои, или пределы возможностей собственного тела ребенка ограничивают эти желания.

Ребенок не может выдержать напряжение желания без возможности удовлетворить его. Сталкиваясь с абсолютным запретом — чем-то, чего ребенок не может, не может, *не может* получить, — желание уходит в область бессознательного. Как замечает Фрейд, хороший родитель может отвлечь ребенка от желанного, но запрещенного или невозможного, направив детское внимание на что-то еще; однако это первое «хочу» все равно сохраняется, погребенное в душе.

Принципиальный момент заключается в том, что не только неудовлетворенное желание уходит в область бессознательного, но и запрет оказывается там же. В области бессознательного оказывается динамическая единица энергии, которая содержит в себе и положительную, и отрицательную стороны; Фрейд называет это амбивалентностью. Такой процесс подавления вашего желания и подавления вместе с тем и запрета на него он называет интроекцией. С помощью описанного процесса интроецируется небольшой блок социального устройства, и в результате формируется встроенное «нет», табу, которое контролируется не природой, а социумом. В разных обществах существуют различные табу. Следовательно, то, что все религиозные люди называют сознанием, является социальной структурой, встроенной в нравственные устои той культуры, в которой воспитывается ребенок.

Давайте рассмотрим вслед за Фрейдом фундаментальную ассоциацию из раннего детства: стремление ребенка к матери и ее неспособность постоянно удовлетворять все его желания. Эта амбивалентность — желание и запрет, глубоко запрятанные вместе, — заключены в душе ребенка в качестве энергетической единицы. Энергия, заключенная в душе, рано или поздно должна найти выход, обрести разрядку, что и происходит на уровне бессознательного. Душа заменяет детское стремление к матери каким-либо другим желанием. То, что на сознательном уровне вы считаете абсолютно нравственным, — брак, например, — на уровне бессознательного служит абсолютно безнравственной цели: инцесту. В глубине души, так сказать, вы проживаете то, что в обществе находится под запретом, не разрешая себе даже осознать, что именно доставляет вам удовольствие.

Этот процесс лежит в основе представлений Фрейда о неврозе. Когда человека в ситуации, в которой ничего страшного нет, переполняют беспокойство и страхи, значит, это не настоящие страх и беспокойство. Это воображаемые наказания от невидимого родителя, который взыскивает за запретные желания, доставляющие тайное наслаждение.

Если человек пережил слишком много фрустраций и неудовлетворенных запретных желаний, то его неудержимо влечет в глубины собственной души; иными словами, там, в этих глубинах, происходит столько интересного, что человек может оказаться не способным активно действовать в мире сознательного. Если бессознательные переживания приобретают чудовищную интенсивность, человек может испытать так называемый психоз: он практически полностью теряет связь с окружающим миром.

Например, когда подавленные желания ребенка становятся желаниями взрослого человека и устремляются в область генитальной сексуальности, представления о матери как об их объекте превращаются в представления об инцесте, на который наложено абсолютно табу. Взрослый даже не догадывается, к чему стремится. Желание инцеста блокируется и бессознательным запретом, и страхом наказания; последняя угроза исходит от образа отца. Фрейд утверждает, что Отец — это первый враг. Мать подливает масла в огонь, говоря: «Вот погоди, папа придет с работы, я ему все расскажу». Мамочка переносит так называемое

«материнское зло» на Папочку, и он получает свою роль.

А потом Папа становится учителем, знакомя ребенка со взаимоотношениями, которые царят во взрослом мире. К сожалению, у ребенка уже сформировалась эта любопытная амбивалентность по отношению к отцу. А отец чувствует отчуждение по отношению к ребенку из-за того, что он стал причиной отдаления от него матери — на какое-то время, по крайней мере. Возникает взаимная антипатия. Фрейд называет это сопротивлением Эдипову комплексу. Эдип по ошибке убил собственного отца и женился на собственной матери, что, по мнению Фрейда, отражает стремления всех маленьких мальчиков.

Существует, безусловно, и внутренняя реакция, направленная против Эдипова комплекса; Фрейд называет ее комплексом Гамлета. Подобно Гамлету, молодой человек восклицает: «О, нет, я не хочу убивать отца. Я так преклоняюсь перед своим отцом, Мать — вот ужасное, ужасное создание! Она постоянно искушает меня, подталкивает к отцеубийству». Подумайте, какое смятение переживает Гамлет: он начинает действовать и чуть не убивает собственную мать, после чего все, что Мать воплощает собой — женщины, окружающий мир, Вселенная, жизнь, возможность быть самим собой, — все это начинает внушать отвращение. Вот они, эти чистые души, которые не прикоснутся к женщине, но преклоняются, преклоняются, преклоняются перед образом отца. Вот преувеличенная реакция на страх стать Эдипом, означающая, что в глубине души страшащийся — такой же, как и он. Для Фрейда все мужчины — или Гамлеты, или Эдипы, или и то и другое.

У женщины проблема прямо противоположная: она страдает, переживая участь Электры, которая осознает, что мать стала ее соперницей в борьбе за любовь Папочки. В соответствии с этими представлениями девочка переживает кризис примерно в четырехлетием возрасте, когда впервые осознает свою половую принадлежность. Она начинает понимать, с чем связано разделение на мужчин и женщин. Ей нужно перенести свою привязанность с матери, которую любят и мальчики, и девочки, на отца. И отец становится наставником дочери, образцом взаимоотношений с мужчиной. Ему приходится немного играть эту роль, чтобы у дочери появилось представление о том, кто есть мужчина и чем он отличается от своей противоположности. Этот урок для девочки имеет такое же значение, как для мальчика — период, когда отец знакомит его с порядками в обществе. Отец играет роль духовного наставника, он является проводником целей, установленных в обществе, он знакомит ребенка с той ролью, которую он или она должны будут играть, когда вырастут. Мать рождает физическое тело; отец порождает дух. Эти мотивы снова и снова возникают в мифах разных культур — от самых утонченных до самых примитивных.

Воспитание на этом начальном уровне в идеале должно провести душу через порог, так, чтобы испытания взрослого мира породили чувство ответственности, а не стремление быть зависимым. Эти испытания должны положить конец отголоскам взаимоотношений детей с родителями, вместо которых должны возникнуть отношения взрослых друг с другом. Эта трансформация, которая должна совершиться в момент кризиса, и представляет собой постоянную проблему во всех обществах. Такой кризис завершает состояние зависимости, которое длится как минимум двенадцать лет, в течение которых мы не в состоянии сами о себе позаботиться. Человечество как вид отличается от других видов животных тем, что мы рождаемся слишком скоро. Ни тело, ни душа человека не созревают, пока он не достигнет двадцати лет с небольшим.

Затем наступает первый кризис. Это маленькое зависимое существо должно стать кем-то, кто не бежит за помощью к Папе и Маме, а *сам* является Папой или Мамой. Словно в форму, выражающую состояние зависимости, залили гипс, а когда он начал твердеть, его вдруг заставляют принять форму личной ответственности. Предполагается, что молодая взрослая душа должна сменить детский шаблон зависимости на зрелый шаблон ответственности — понимаемой, безусловно, в соответствии с требованиями каждого конкретного общества.

Эта фаза опыта — от рождения до начала подросткового кризиса — предполагает одни и те же испытания для всех взрослеющих людей. Развитие маленькой души вписывается в

одни и те же временные рамки везде, и везде человеку в этот период необходимо совершить важный рывок вперед. В каждом обществе такая трансформация является предметом особого, пристального внимания. С человеком обращаются так, что он больше не может прибежать к Матери за защитой. Воспитательный ритуал превращает неизбежные, универсальные образы раннего детства в те образы, которые помогут личности встроиться в общество. Тотемный предок, Мать-Богиня, все соответствующие пантеоны — ведический, олимпийский, скандинавский, синтоистский или индейцев навахо — воплощают эти ранние импринтные образы, которые намеренно оформлены так, чтобы энергия, питающая их, затем направилась на формирование социальных отношений, значимых в мире культуры.

Главное, чего любое общество требует от своих членов, — способность принять ответственность мгновенно, без метаний. Личность, которая мечется между зависимостью и ответственностью, — это невротик; он амбивалентен, он разрывается, пытаясь двигаться сразу в двух направлениях. Пока он не сможет принять брошенный ему вызов, не обратившись внутренне к родителям за помощью, он никогда по-настоящему не повзрослеет.

В конце концов личности предстоит вернуться в зависимое положение, столкнуться с проблемой потери той самой ответственности, которая когда-то стала для него предметом такой гордости, и приготовиться шагнуть за дверь, уводящую во тьму. Чтобы избежать патологического нервного срыва в этот момент, мифологические образы должны помочь человеку войти в эту дверь добровольно. Эти образы служили для того, чтобы поставить подростков перед пугающей перспективой взять на себя полную ответственность, теперь они же должны быть использованы для того, чтобы подготовить человека на склоне лет к страшному вечному покою. Как мы увидим, проблема подобного перехода больше всего интересовала Юнга.

Эго: восток и запад

Я хочу ввести некоторые термины, которые важны для сравнения того, что, насколько я могу судить, принципиально для европейского, западного представлений о роли собственного Я в обществе, с тем, что свойственно стилю мышления Восточного мира.

По нашим сегодняшним представлениям душа состоит, так сказать, из двух этажей. Внизу располагается область бессознательного, а наверху — сознание индивида. У человека в руке что-то вроде фонарика — сознание. Если я спрошу у вас, что вы делали около половины одиннадцатого вечера в тот или иной день, может быть, вы и не ответите сразу. Однако, заглянув в свой ежедневник, увидите запись «Вечеринка у таких-то» — и вспомните об этом очень ясно. Вот пример того, что находится вне вашего сознания, но к чему можно получить доступ; Фрейд называет это до-сознательным.

Но поинтересуйся я, с какой игрушкой вы забавлялись на третий день своей жизни, вы бы не сумели этого вспомнить. Такие воспоминания погребены в глубинах бессознательного, которое Фрейд называет подсознанием, в царстве мыслей и воспоминаний, которые совершенно не доступны осознанному восприятию. Важнее всего, что там, внутри, находятся все ранние импринты первых четырех лет вашей жизни, и когда вам исполняется четыре, ваш юный разум уже полностью укомплектован.

Итак, в глубине подсознательного существует машина «я хочу», которую Фрейд обозначил с помощью понятия id. С этим «id» вы родились. Когда вы только появились на свет, id внутри вас не знает, какое сегодня число. Ему неведомо, что сейчас, начало эпохи пещер раннего неолита или двадцать первого века, родились ли вы в Тимбукту или в Вашингтоне, оно знает лишь то, что у вас — животного из рода человекообразных — есть человеческие потребности. Иными словами, у вас есть организм, и ему что-то необходимо.

Окружение говорит: «Не делай, не делай, не делай». Это противодействие — конфликт желания и запрета, которые мы уже обсуждали. И вы начинаете усваивать множество «я не должен», отправляя их в область бессознательного; «я не должен», продиктованные обществом, противостоят id, которое твердит: «я хочу». То, что Фрейд обозначает как

суперэго, управляет потоком множества «я должен». Суперэго — это интериоризация голоса родителей и общества, которая приводит в равновесие наш id, говоря нам: «Не делай этого, а делай вот так».

По Фрейду, эго — функция, которая соединяет индивида с реальностью. Реальность с этой точки зрения является совершенно не метафизическим понятием. Эмпирическая реальность включает то, что окружает вас в данный момент, то, чем вы сейчас занимаетесь, какого размера ваше тело, сколько вам лет, что люди говорят вам и о вас. Эго связывает вас с реальностью ваших личных суждений — не тех суждений, которым вас *научили,* а тех, которые вы совершаете *сами.*

Вы можете судить о ситуации с точки зрения ваших представлений о том, как вам следует это делать, а затем осознать, что на самом деле думаете совершенно иначе. Ваши собственные суждения могут существенно отличаться от системы суждений, навязанных вам окружением. Только если вы совершили переход в состояние ответственности взрослого человека, вы сможете выносить свои собственные суждения, не принимая в расчет мнение общества. Конечно, если вы не потеряли с ним связь совершенно. Установки общества будут стучаться в вашу душу, отзываясь чувством вины.

Традиционные культуры Запада отличаются от культур Востока. Восточное религиозное воспитание требует от личности отказаться от эго. В этой традиции человеку велено вести себя в соответствии с идеалом общества, диктуемым суперэго. Не существует систематического развития эго в отношении реальности или индивидуальной ситуации.

Часто, общаясь с представителями восточной культуры, спрашивая о чем-то, что имеет отношение к происходящему *сейчас,* вы получите самый запутанный и уклончивый ответ, какой только можно себе представить. Очень, очень сложно получить суждение о реальности как о чем-то, происходящем непосредственно в данный момент. Поскольку эго не развито в восточных традициях, вы не добьетесь ответа, которого ожидаете от представителей западных культур, когда индивид берет на себя личную ответственность за собственное суждение, на свое собственное усмотрение.

Когда вы обращаетесь к восточным системам и читаете книги законов — индийский кодекс «Манава-Дхармашастра»[29], например, — вы долго не сможете поверить в то, что предлагается делать с нарушающими законы. В книге Сун-цзы[30] «Искусство войны» автор заявляет, что за незначительные проступки должны применяться великие наказания; тогда более серьезных проступков просто не будет.

Дело в том, что в восточной религиозной терминологии эго идентифицируется с id. Индивидуальная система превращается в «я хочу», которое противостоит «тебе не должно». В соответствии с этим стилем мышления любое эго — это «я хочу». Следовательно, нужно отменить эго. Мы встречаемся с подобным посланием в наставлениях библейской традиции, полных запретов: «Тебе не должно, не должно, не должно». И восточные, и ортодоксальные иудео-христианские требования предполагают абсолютную покорность. А как насчет ситуации, в которой ваш разум подсказывает вам одно, а общество требует совершенно другого? Как вы чувствуете себя, когда поступаете не так, как от вас ожидалось? Вот одна из величайших проблем.

Как мы уже убедились, структура восточного общества закладывалась в иерархических городах-государствах бронзового века, в Месопотамии и ее окрестностях. Фундаментальная его идея заключалась в том, что небесный миропорядок должен стать образцом для жизни здесь, на земле. Макрокосм, великий космос — это упорядоченное пространство. Общество

---

[29] То есть «Свод законов Ману» — сборник юридических норм, нравственных и религиозных предписаний, согласно легенде, переданный Брахмой первопредку человечества Ману. По-видимому, составлен в II веке до н. э. — I веке н. э. Закрепил кастовую систему на уровне права.

[30] Самый известный древнекитайский трактат о военной политике. Сформирован окончательно в II-III веках н. э.

— мезокосм — стремится отразить в себе небесный замысел, то же касается и жизни отдельного человека, микрокосма. Это и есть Великая Гармония.

Мы также убедились, что религиозные образы выполняют определенные функции в мифологических системах: вызывать чувство благоговения перед таинственной вселенной бытия; создавать образ Вселенной с математически правильным движением солнца и луны по орбитам, сменой сезонов и лет; соединять личность с обществом, этим космосом и этой тайной. Вот функции мифологии, и, если они успешно применяются, то вы видите смысл во всем вокруг — в себе, социуме, мироздании и тайне, которую оно в себе заключает. Все это сливается воедино.

А личность в этой системе должна выполнять ту роль, которая продиктована ей группой жрецов, знающих порядок устройства Вселенной. Им ведомы законы мироздания, они знают, как их истолковать, а личность следует тому, что будет предписано знающими. В санскрите такая модель обозначается термином «дхарма» — миропорядок; само слово *дхарма* происходит от корня *дхр* — «поддержка». Поддержание Вселенной — вот что такое этот порядок. Подобно тому, как солнцу не нужно стремиться стать луной, как мыши не следует желать стать львом, так и человеку, который родился в одной касте, в определенной социальной прослойке, не следует желать стать кем-то еще. С рождения определены роль индивида, его характер, его долг и все остальное. В подобном обществе воспитание заключается в том, чтобы научить человека выполнять подобающую роль.

Иными словами, то, что Фрейд обозначает термином суперэго — общественный идеал эго, — должен быть *единственным* идеалом. А воспитание личности настолько сурово, что никто никогда не спрашивает у человека: «А чего бы ты хотел?» Людям восточной традиции говорят, что делать; им от начала до конца отдают приказы, даже в самые сокровенные моменты жизни — моменты совершения личного выбора, личного решения, личного открытия. Они тоже проходят в соответствии с внешними требованиями: человек не знает, с кем вступит в брак; другим решать за него. Отсутствует тест на зрелость личного решения, когда выбирают супруга; общество решает за вас. Эго полностью стерто.

Можно обобщить религиозные воззрения Востока примерно так. Высшая истина, высшая тайна жизни и бытия абсолютно трансцендентна. Человек не может принимать решений в области абсолютной истины. Человек не может ее вообразить себе. Человек не может подобрать для этого имени. Тем не менее абсолют касается внутренней реальности, в которой живет каждый человек, и сам человек является частью абсолюта, трансцендентного и имманентного одновременно. Абсолют находится за пределами Вселенной, доступной чувственному восприятию, и присутствует в каждой частичке этой вселенной. Все, что можно сказать об абсолюте, — ничто. Одновременно все, что можно выразить словами, *указывает* на абсолют. Следовательно, символы, ритуалы и действия включены в мир человеческого опыта, но указывают не на самих себя, а на эту трансцендентную, имманентную силу; эти ритуалы и символы помогают человеку осознать свою идентичность Абсолюту. Идентичность с трансцендентным — это суть человека в восточной философии, а следовательно, само эго личности представляет собой нечто второстепенное.

На Западе господствует совершенно иная идея. Она зародилась около 2500 года до н. э. вместе с семитскими империями Саргона и Хаммурапи. Мысль, которой мы все до сих пор придерживаемся, заключается в том, что Бог сотворил человека. Бог — это не человек, и субстанция, из которой сотворен человек, отличается от божественной: они онтологически, фундаментально различны.

Следовательно, все символы предполагают *отношение.* В восточной системе такого нет. Там боги — как и человек — просто проявления высшего порядка, который существовал до того, как появились боги. В Индии такой порядок называется дхарма, в Китае — Дао. В Древней Греции он назывался *мойра;* в древней Месопотамии он назывался *ме.* Такой космический порядок подчиняется законам математики, и даже божество не властно изменить его. Бог и человек — всего лишь два проявления этого порядка. Чтобы стать ответственным гражданином, вы должны идеально выполнять свою работу.

Итак, позвольте мне теперь проиллюстрировать это очень формальное отношение классической структурой индийского общества. Я хотел бы рассмотреть в этом контексте понятие жизни личности и ее развитие.

Безусловно, существуют четыре касты, или четыре общественных класса. В Индии четыре касты — *брамин, кшатрий, вайшья* и *шудра.*

Брамин обозначает «тот, кто связан или общается с *брахманом»,* космической силой. *Брахман* — это имя существительное, не имеющее рода, которое обозначает силу, пронизывающую и охватывающую все живое. Брамин — это тот, кто знает о ней, толкует священные книги и сам создает их. *Брамин* находится на самой высшей ступени социальной иерархии.

Кшатрий — тот, кто исполняет истинный закон, то, что предписывает *брамин* , по крайней мере в идеале. *Кшатрий* — это вооруженная мечом рука закона.

Вайшья — это горожанин или торговец. Корень этого слова — *виш,* «сосед». Человек с деньгами, собственник, землевладелец, работодатель платит налоги, отдает десятину и нанимает на работу *шудр.* Это тело общества, его внутренности.

Шудра — это слуга, который исключен из религиозного миропорядка. У него свои религиозные наставники и деревенские жрецы, но ведический и традиционный индийский порядок браминов касается только трех высших каст (они называются дважды рожденными). *Шудра* — это ноги социума, несущие на себе все общество.

А цель восточного общества, как я уже упоминал, заключается в том, чтобы уничтожить эго, которое должно быть стерто. *Вайшья* уничтожает эго своей службой и выполнением приказов, оплачивая свои долги и заботясь о своей семье; его цель — делать деньги. Служба *кшатрия* заключается в том, чтобы с помощью силы вершить правосудие беспристрастно и бескорыстно. Предполагается, что он воплощает идеальное исполнение закона. А *брамину* надлежит этот закон знать.

Из этой системы исключено множество людей, называющихся париями. В ходе переписи, проведенной недавно в одной бенгальской деревенской общине, выяснилось, что более половины ее жителей были париями и просто находились вне общества. Им позволялось только выполнять самую тяжелую физическую работу и осуществлять низшие функции в обществе. Бывает и так, что парии живут в своих собственных деревнях, находясь, как это всегда и было, за пределами священного миропорядка.

Шудры — это ремесленники и крестьяне, осуществляющие свои функции внутри общества. Другая часть этой деревни на 50% состояла из шудр, так что те, кого обслуживали парии, были крестьянами. Вы понимаете, насколько жестким является подобное разделение на классы, когда читаете один из «Законов Ману», где говорится, что если шудра слышит, как вслух зачитываются ведические стихи, то — даже если это произошло случайно — ему нужно залить в уши расплавленный свинец. По-моему, это невероятно интересный способ казни. Ведическое знание было знанием о власти и обладало как социальной, так и духовной силой.

Результаты заметны по сей день. Если кому-то случается вести курс или читать лекции у восточных студентов, он получает невероятный для западного преподавателя опыт: студенты впитывают все, чему их учат. Индийская идея обучения предполагает, что гуру — это один из тех, чья власть безгранична, и *сиса* — студент — просто воспринимает его авторитет безоговорочно. Главное достоинство ученика в санскрите называется *страдха,* дословно — «абсолютная вера в учителя».

Гуру берет на себя ответственность за вас. Вы стараетесь прожить жизнь, следуя тому, что гуру считает правильным, фактически вы проживаете его жизнь вместо своей. Западный учитель просто предоставляет информацию, с которой вы можете делать что хотите, в зависимости от вашего собственного опыта. Я не говорю — и ни один западный преподаватель не скажет — как вам поступать на жизненном пути. Нет никаких путей. В особенности сейчас, когда все мы находимся в состоянии своеобразного свободного падения в будущее.

Мы стараемся воспитывать у студентов критическое мышление. Нет, разумеется, некоторых учителей может раздражать критика, которую вы высказываете наряду со своими независимыми суждениями, — черт подери! Однако в ситуации, когда каждое слово принимается как высшая истина, уж поверьте, учителю становится трудно удержаться и не воскликнуть: «Святый Боже, это же Я, Я есть закон, и пророк, и все такое прочее!» От этого образование тоже не выиграет.

Позвольте мне рассказать вам небольшую индийскую притчу об одном гуру. Как-то раз кое-кто из его учеников опаздывает на урок, и гуру спрашивает, где он был.

Ученик отвечает: «Я живу на другом берегу реки. Там сегодня наводнение. Я не смог переправиться в обычном месте. Не было ни моста, ни лодки — я не мог добраться сюда».

«Но, — говорит гуру, — сейчас-то ты здесь. Как ты сюда добрался? Лодка приплыла?»

«Нет».

«Наводнение пошло на убыль?»

«Нет, — отвечает студент. — Я просто подумал: мой гуру — это мое божественное откровение, он мой бог. Я просто буду медитировать о своем гуру и пройду по воде. Я сказал: "гуру, гуру, гуру" — и вот я здесь».

Так, подумал гуру, этого я о себе не знал. Он заинтересовался не на шутку и никак не мог выкинуть случившееся из головы. Когда ученик наконец ушел, гуру подумал: «Надо попробовать».

И вот он спускается к реке, оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что за его экспериментом никто не подглядывает, и произносит: «Я, я, я».

Потом ступает на воду — и камнем идет ко дну.

Единственная причина, по которой он был гуру, — то, что его самого (скажем так) в ситуации не было. Он был прозрачен для трансценденции, пока не подумал: «Я». Предполагается, что гуру — это идеальное оконное стекло, через которое проникает и сияет свет его учения. Именно эту мудрость гуру несут сквозь века; она не имеет ничего общего с происходящим в данный момент или с тем человеком, который передает ее другим.

Дхарма определяет не только то, кто вы есть, но и то, как вы должны провести каждый период своей жизни. Первую часть жизни проводят в деревне. В середине жизни человек удаляется от мирских дел — так начинается вторая половина его века: жизнь в лесу. Таким удивительным способом индийцы умели совместить то, что в современном обществе совместить не удается: представление о социальном долге — дхарме — и идею удаления от дел, когда человек оставляет все позади: это называется *мокша* , или освобождение.

Первая часть жизни, в свою очередь, делится еще на две: первую половину первой половины нужно посветить учебе, изучению путей дхармы.

Как уже было сказано, идеал студента в Индии — это *страдха,* абсолютное доверие и абсолютное подчинение своему учителю. С помощью такого идеального подчинения ученик направляет все свое либидо, все свои эротические интересы на учителя. Он должен до кончиков пальцев идентифицироваться с ним, имитировать своего учителя, быть таким, как он, превратиться в него. Происходит, можно сказать, передача образа без малейшего намека на развитие критического мышления.

Далее, становясь взрослым, человек вступает во вторую половину первой половины своей жизни. Ученик вдруг превращается в хозяина дома. Он теперь иначе одевается, и у него появляется целый набор новых обязанностей. Он женится на юной девушке, с которой никогда раньше не встречался, — им и не полагалось знать друг друга до свадьбы. Можете представить себе, какое великое потрясение переживают эти двое, когда убирают ширму или снимают покрывало и они впервые видят друг друга? Для девушки это потрясение еще больше, потому что муж становится ее богом в буквальном смысле слова: она должна поклоняться ему. Они начинают выполнять свой долг — следовательно, пока оба еще не сделались совсем старыми, у них появляются дети, собственная небольшая семья.

Когда мужчине исполнится сорок с небольшим, его сын уже подрастет достаточно, чтобы взять на себя управление хозяйством. Следовательно, отец выполнил все, что от него

требовалось, и теперь удаляется в лес.

Вся деревенская жизнь была посвящена исполнению того, что от человека требовалось, но крупица эго все же сохранилась. Теперь человек посвящает себя тому, чтобы полностью избавиться от нее. В чаще он находит учителя и становится *ванапраштха* — «тем, кто пребывает в лесу». Йога — а теперь это настоящая, жесткая йога — нацелена на окончательное уничтожение «я».

Когда эго полностью растворяется, человек вступает во вторую половину второй половины своей жизни. Он становится *бхикшу* — странствующим монахом, оракулом, которому ведомо небытие, бестелесность, существование без эго.

Индийцы считают, что человек живет ради четырех вещей: это основная тема индийской философии. Три вещи, ради которых живут люди в деревне, в миру, — это благородство — *дхарма* , успех — *арта* и удовольствие — *кама* .

Удалившись в лес, человек устремляется к *мокше* , освобождению. «Мокша» часто вольно переводится как «свобода», но у этого слова немного другое значение: оно подразумевает освобождение — от себя.

Дхарма налагается обществом, и общество разъясняет вам, в чем ваша дхарма. Предполагается, что если вы родились, скажем, в касте *вайшья,* ваша душа должна достичь уровня *вайшья* ; следовательно, ритуалы и законы жизни *вайшья* вам подходят. Иначе говоря: законы общества в точности соответствуют вашим личным потребностям, тому, к чему вы готовы.

Одно из направлений йоги, *кундалини,* великолепно развивает идею взаимодействия *кама,* принципа удовольствия, и *арта* — принципа силы. Мне это кажется невероятно интересным. Эти две движущие силы — *кама* и *арта* — в точности соответствуют двум составляющим нашего старого доброго друга id: *эрос* — стремление к удовольствию и *танатос* — воля к преодолению, к власти и успеху.

В Индии считают, что *арта* и *кама* — это два полюса природы, в то время как дхарма — полюс общества. Задача человека заключается в том, чтобы добиться успеха и испытать свои удовольствия под сенью дхармы. Затем, в чаще леса, он обретает духовный опыт, уничтожив эго в соответствии с учением, которое передает гуру. Такова система, с которой я хотел бы сравнить западную традицию, строящуюся на развитии эго.

Меня поражает, что совершенно независимо от индийской философии западная психология пришла к тем же понятиям принципов власти и удовольствия. Но там, где традиционная индийская мысль связывает два этих принципа с идеей общественной пользы, дхармой, Фрейд вводит понятие «медиатор», которым и является эго, примиряющее внутренние стремления id и внешние требования суперэго.

Фрейд разделяет начальный период жизни на три этапа. Первый — раннее детство, когда ребенок переживает все ранние травмирующие события. Этот период развития длится от четырех до семи лет.

Затем наступает этап, который Фрейд обозначил как период латентности. Это время открытия эго, которое продолжается с семи или восьми лет примерно до одиннадцатилетнего возраста.

Наконец, в пубертате происходит развитие генитальной сексуальности. В течение этого периода ребенок уходит от того, что можно назвать детской мифологией, — привязанности к родителям, уверенности в том, что луна следует за ним по пятам, когда он идет куда-то, что животные разговаривают с ним, и других образов, спонтанно созданных воображением. Именно в этот период — который мы называем подростковым — человека побуждают обратиться к эмпирической реальности и, в нашей культуре, к науке. Именно в этом возрасте ребенок постепенно начинает понимать, что такое научный подход, в противовес мифологии.

Первобытное общество всячески развивает мифологическое отношение к миру, восточные общества — тоже. В этих культурах ребенка старательно учат интерпретировать происходящее в мире на основе мифологических шаблонов. Подростковые годы очень

важны: именно в это время в восточных обществах *не* развивают научный стиль мышления, склад ума, который был бы готов к критическим суждениям о реальном мире, готовность принимать решения и действовать и так далее — в каждом конкретном случае.

На Западе мы восхваляем научный стиль мышления, но символы, которые мы наследовали, валяются, рассыпавшись в прах под нашими ногами. Еще один важный вопрос о религиозных традициях: работают ли ритуалы вне непосредственного контакта с мифом? Он возникает, например, когда речь идет о крещении. Когда я был молод, один негодяй, убийца, принял крещение прямо перед смертью, что предполагает автоматическое отпущение всех грехов и прямой пропуск в рай.

Я не пытаюсь судить о душе этого человека, но очень хотел бы вынести суждение о традиции, в которой неважно, что совершил этот человек: как только его окропили святой водой и произнесли соответствующие слова молитвы, с ним произошло нечто неведомое, что позволит ему беспрепятственно войти в Царствие Божие. Я считаю это принципиальной проблемой религиозного сознания в наши дни: много ли людей, готовых в это поверить? Исполненные высокого смысла символы религиозной традиции сначала нужно преподать как следует; вы должны знать, что они обозначают.

Но есть некоторые аспекты этих символов, которые оказывают на нас влияние независимо от знания теологической базы. Я думаю, так работает образ распятого героя. Это мотив, который возникает во множестве религиозных традиций. Мы встречаем его у индейцев пауни, ацтеков, майя, мы узнаем его в образе Прометея, прикованного к скале: образ героя который ради любви оказал людям благодеяние — благодеяние-расплату, благодеяние-огонь или любое другое — и ради этого отдал свою жизнь.

Эта история говорит о многом. Нужно несколько подсказок, чтобы понять ее; теологические загадки взаимоотношений Сына, Отца и Святого Духа отходят на второй план по сравнению с силой самого мифа. Вы невольно чувствуете благодарность к тому, кто добровольно или по воле случая отдал за вас свою жизнь, стал вашей пищей и утолил вашу жажду, с духовной или физической точки зрения, — вот мотив, который имеет первостепенное значение. Образ героя на поле боя, отдающего жизнь за Родину, может быть эквивалентом Распятия. Думаю, что подобные образы до сих пор беспокоят человеческое сознание и будят то героическое, благородное и величественное, что есть в вашей собственной душе.

Глава 4. Миф и собственное Я

Юнг и полюса личности34

Я упомянул о К.Г.Юнге лишь вскользь, но настало время рассмотреть его идеи более внимательно. Вы часто слышите от последователей Фрейда о том, что Юнг был его учеником. Это утверждение абсолютно не соответствует действительности. Они были коллегами, и у каждого имелась своя точка зрения на то, какие процессы идут в области подсознательного.

В общих чертах Фрейд рассматривал секс как главный психологический детерминант. Отношение детей к родителям, которое в основном выражается в эротическом отношении к собственной матери, страх перед отцом, а затем перенос детских сексуальных привязанностей на сверстников и так далее — эти сексуальные драмы, по мнению Фрейда, играют центральную роль в человеческом поведении.

Первым из психологов, кто усомнился в теории Фрейда, был не Юнг, а Адольф Адлер. Адлер утверждал, что главной движущей силой в жизни человека является не секс, а стремление к власти. Представьте: маленький ребенок находится в полной зависимости от своих родителей. Он всегда рядом с этими двумя гигантами, но при этом ему нужно добиваться выполнения своих целей, а следовательно, научиться подлаживаться к ним, или

запугивать их, придумывать то одно, то другое, чтобы заставить родителей выполнять то, чего он хочет.

Все маленькие дети поначалу находятся в очень подчиненном положении, но представьте, что этот ребенок, вырастая, понимает, что находится в подчинении и в чем-то ощущает себя неполноценным. Или предположим, что у него есть то, что Адлер называет «неполноценными органами». Может быть, его телосложение или поведение отличаются от того, что свойственно его окружению, из-за чего, хорошо ли это или плохо, он считается исключительным и находится в центре внимания. Или предположим, что родители жестоко с ним обращались и ребенок в принципе не мог добиться своего или постоять за себя. У ребенка возникает желание компенсировать это с лихвой, а в результате — явление, которое Адлер назвал комплексом неполноценности. Адлер считает, что стремление преодолеть ощущение собственной неадекватности играет принципиальное значение в жизни человека, и люди действуют, руководствуясь им, а вовсе не сексуальными желаниями. Безусловно, Адлер верит, что секс сам по себе представляет поле для доказательства собственной значимости — область для завоевания. Иными словами, он интерпретирует саму сексуальную активность как проявление стремления к власти.

Юнг развивает собственную мысль, утверждая, что в душе человека заложена фундаментальная энергия, которая проявляется в каждом из этих двух направлений — в сексе и во власти. Он называет стремления в этих областях базовыми отношениями.

У некоторых людей — возможно, в результате отношении, возникавших в детстве, — стресс проявляется в стремлении к личной власти, а в этом случае сексуальная жизнь отходит на второй план. Такие люди всегда интересуются: «Ну как я? У меня получается? Нормально?» Юнг называет их интровертами. Он вкладывает в это слово несколько отличное от общепринятого значение: интроверт — человек, стремящийся к власти и к тому, чтобы навязать всем собственный взгляд на мир.

А те, кого привлекает секс, обращены вовне. Влюбиться — значит, раствориться в другом человеке. Таких людей Юнг называет экстравертами. Согласно его теории, в каждом человеке присутствует и то и другое, но какое-то из этих влечений перевешивает. Если вы на 60% активны на поле власти, то вам остается лишь 40% на поле *эроса.*

Попав в ситуацию, в которой ваше обычное предпочтение неэффективно и никак не помогает, вы оказываетесь отброшены в оставшуюся, вторую по значимости область. Здесь и проявляется подчиненная часть личности. Она проявляется в компульсивности — вы не можете себя контролировать, у вас дрожит голос, вы краснеете, сердитесь и так далее. Вы не контролируете себя, вы во власти подчиненной части своей личности, более примитивной по сравнению с первой, более развитой.

Юнг использует прекрасный термин для обозначения этой инверсии — «энантиодромия». Как вам, конечно, известно, в древнегреческом языке *дромос* обозначает «бег, путь»: ипподром — это место, где бегут лошади (хиппос), а *дромедар (дромадер)* — ездовой верблюд. *Энантио* переводится как «в другом направлении». Складывая эти части, мы получаем энантиодромию — «бег наоборот», сходный с действиями черепахи, которая втягивает голову и ноги в панцирь.

Интересно, что очень часто человек впадает в хроническую энантиодромию, достигнув среднего возраста. Допустим, вы обладали кое-какой властью: у вас «все было», вы достигли всего, к чему стремились, или как минимум так считали, — и вдруг понимаете, что стремиться ко всему этому вовсе и не стоило.

В такой момент и начинаются изменения. У вас есть в запасе неизрасходованное либидо, и что с ним делать? И вот оно уже нацеливается налево, и Папочка начинает бегать на свидания с молоденькими девушками. Все удивляются: «Что это такое с нашим Папой?» — а это нормальное проявление нервного срыва в позднем зрелом возрасте. Этот джентльмен обрел власть над миром, и у него возникает картина пенсионной жизни: «Уйду на пенсию и буду ходить на рыбалку». Конечно, именно этого ему и хочется, потому что именно это ему нравилось, когда ему было одиннадцать лет. Вот он, Папа и его поиск

русалок, о котором я уже упоминал.

Если приводить пример противоположной инверсии — от секса к власти, — давайте представим себе женщину, которая была матерью семейства. Может быть, у нее было несколько любовников, но вот она стала бабушкой и ей осталось только вспоминать, как ее приглашали на танец. В итоге она превращается в облеченное властью чудовище: она становится классической тещей или свекровью, о которой я уже упоминал. Воспитанные ею дети покидают семейное гнездо. Всеобъемлющее чувство потери — ощущение, что она теряет контроль, — охватывает ее и заставляет срочно отыграться, повелев домашним закрыть окно, открыть окно, погрузить ребенка в ванну, вынуть ребенка из ванны, сделать то, се и еще вон то, быстренько. Конечно, она действует абсолютно компульсивно. Это фантастическое и пугающее чувство, когда твоя другая, тайная часть личности вдруг всплывает на поверхность.

Я, конечно, преувеличиваю. Оставим бинарный подход и будем говорить начистоту. Факт заключается в том, что практически каждый сталкивается с подобного рода кризисом. Проблема в другом: когда вас охватит энантиодромия, сможете ли вы принять и интегрировать другую сторону своей личности?

Юнг рассматривает так называемый кризис среднего возраста как проблему интеграции двух сторон собственной личности в индивидуальный культурный опыт. Психологический подход Юнга строится на идее подобных взаимодействий.

Фрейд изучал проблему влечений и запретов, преимущественно столкновение между их психологическим и социологическим аспектами. Юнг верил, что само такое столкновение изначально присуще душе человека, и всякий раз, когда вы усиливаете одну сторону, другая сторона проигрывает. У Вагнера, в *«Кольце Нибелунгов* », Альберих обретает кольцо власти, отказавшись от любви к русалкам Рейна, — вот она, личность, стремящаяся к власти. А другой человек, воплощение иной стороны личности, скажет: «Я не хочу войти в историю, я просто хочу любить». Но однажды ему в голову придет мысль: «Ой, я же так и не вошел в историю!» Самое ужасное в энантиодромии — это эхо, которое прозвучит в ответ: «Слишком поздно». Решения, принятые в прошлом, становятся катастрофой.

А у человека есть кое-что еще, кроме секса и власти. Юнг считает, что душой управляют, как он их называет, четыре функции, которые разбиты на две пары противоположностей.

Первую из диад Юнг обозначает как чувствительность (чувство) и интеллект. Это два способа осмысления того, что вас окружает. Вы можете опираться в своей жизни на то, что вы ощущаете к окружающему вас; и тогда вы должны обладать невероятно разнообразными и развитыми чувствами. Ваша способность разбираться в искусстве, нюансах и богатстве жизни должна быть невероятно высокой. С другой стороны, вы можете оценивать окружающее на основе интеллектуальных решений — что правильно, а что ложно, что уместно, а что неуместно, что благоразумно, а что безрассудно. Если вы принимаете решения при помощи лишь одной части диады, то другая сторона не развивается.

Согласно опыту работы Юнга с людьми западной культуры — для других культур это, возможно, иначе, — общество требует от мужчины развивать свое мышление, интеллект, а от женщины — чувствовать, быть восприимчивой.

Если мышлению отводят второстепенную роль, то оно становится просто мнением. Раньше говорили: «Спорить с женщиной — бесполезно». Что ж, спорить с женщиной, чье восприятие сформировалось на основе чувств, действительно иногда сложно; решения его собеседницы нелогичны, и у нее может быть целая система мнений, которые основаны на эмоциях, а не на размышлениях. Однако если бы молодой человек мог только представить себе, насколько зрелыми и утонченными являются «чувства» сидящей с ним за столом и каким олухом он смотрится по сравнению с их обладательницей, то был бы весьма удивлен35.

Неразвитые чувства превращаются в сентиментальность. Мы все знаем, что это значит. Чувства жестокого, грубого человека или ученого, который полностью посвятил себя науке,

не давая воли эмоциям, недоразвиты; наконец поддавшись эмоциям, такие люди, скорее всего, потянутся к поверхностным и банальным романчикам.

Именно диалог между чувством и разумом способствует нашему образованию. Второстепенная функция — будь то интеллект или впечатлительность — остается в области бессознательного. Когда она проявляется, это происходит компульсивно и противостоять уже невозможно. Обе стороны личности необходимо развивать, и тем не менее даже тогда одна останется второстепенной, а другая будет главной. Это напоминает соотношение секса и власти, но работает совершенно иначе: в отличие от чувств и разума, секс и власть (в данном контексте) не связаны друг с другом.

Другая диада отражает два способа переживания опыта: Юнг называет первый из них ощущением (в отличие от чувства), а другой — интуицией (также не следует путать с чувствами). В комнате, где мы сейчас сидим, на нас обрушиваются образы, звуки, запахи, вкусы и многое другое. Все, что находится в аудитории, доступно нам в ощущениях; именно ощущения связывают нас с пространством, окружающим нас.

Допустим, к нам заходит студент. Вы пытаетесь понять, каковы его способности, почему этот студент зашел в комнату и что он, вероятно, сделает. Это — интуиция, самый главный талант политика. Это чувство времени, умение оценить возможности. Человек с развитой интуицией видит будущее и прошлое как единую ленту вероятности.

И снова одна из функций будет главной, а другая — второстепенной. Если вы все время живете в мире вероятностей — интуитивной реальности, — вы не уделяете такого же внимания миру настоящих ощущений (и наоборот). И снова, в какой-то момент вашей жизни, второстепенная функция выйдет на передний план и будет представлять для вас угрозу.

Юнг говорит о западном подходе к старению: вместо удаления в лес, когда человек вступает в средний возраст и его прежняя жизнь заканчивается, как это принято в индийской традиции, момент перехода от ответственности к старческому возрасту заключается в достижении целостности, в *индивидуализации.* Именно такую идею высказывали в Древней Греции. Юнг считал, что избежать энантиодромии в период кризиса среднего возраста возможно, если уравновесить противоборствующие функции — секс против власти, интеллект против впечатлительности, интуиция против ощущений. Родившись, вы вступаете в жизнь как целостное существо; в период вашей социально обусловленной, зрелой жизни некоторые функции развиваются лучше, чем остальные, и лишь какая-то часть вашей личности активна; наконец, на последнем этапе вы снова обретаете целостность. Вы идете на образовательные курсы для взрослых или находите другое занятие, которое помогает вам сохранить чувства, продолжая работать над своим интеллектом.

Архетипы коллективного бессознательного

Эти противоположности — два отношения и четыре функции — относятся к внутренней психологической динамике. Они текут через наши души, как океанские приливы. Внутри разума Юнг также выделил определенные фиксированные структуры, отличные от усвоенных фрейдовских интроекций. С точки зрения Юнга, эти структуры присутствуют там с рождения, эволюционировав в качестве отдела нашего мозга, как любой другой орган. Практически у всех нас есть руки и глаза. Юнг назвал структуры психики, общие почти для всех, архетипами коллективного бессознательного. Под *коллективным* он понимал вовсе не метафизическое явление, — так он обозначал то общее, что объединяет всех представителей человечества.

Первую из этих структур Юнг именует «собственным Я». Для Юнга собственное Я включает все ваши жизненные возможности, всю энергию, весь потенциал — все, чем вы могли бы стать, если бы полностью реализовали свой потенциал.

Юнг рассматривает весь потенциал души индивида как единое целое. Юнг описывает Я как круг, центр которого остается для вас неведомым. Он располагается глубоко в

подсознании, направляя ваши способности, ваши инстинкты, ваши действия. Этот центр медленно пробуждается в течение первой половины жизни и постепенно угасает на ее завершающем этапе. Процесс происходит внутри, вы не можете его контролировать.

Важно, что это Я открыто природе и вселенной, поскольку является их частью. Но конкретное тело обладает определенными возможностями, органами и ограничениями, определяющими ваше восприятие великого сознания, для которого вы — всего лишь инструмент. Итак, ваше Я для вас, безусловно, исключительно, при этом являясь локальным проявлением общей модели: вы сами — конкретное воплощение и реализация великой тайны. Это Я движет вами в раннем детстве. Такова инстинктивная система в действии, она является чисто биологической.

Юная девушка-подросток — а я обучал их в течение тридцати восьми лет в Сара Лоуренс — просто потрясена тем, какое она чудо. Лично она не *приложила для этого никаких усилий,* но каждый раз, видя свое отражение в зеркале, она видит, какая волшебная перемена произошла с той, кто почему-то носит ее имя. Вот как это проявляется. Это — распустившийся цветок собственного Я. Но наше ограниченное сознание лишь скользит по поверхности этого явления, подобно кораблю, плывущему по волнам океана.

Когда вы начинаете осознавать собственное Я, рождается ваше эго. В схеме Юнга эго — ваше сознательное отождествление с вашим конкретным телом, тем, что оно переживает, и его памятью. Память и опыт, заключенные в теле и определяемые временным отрезком, в котором оно существует, постоянно вами осознаваемые, — вот ваше эго.

К тому моменту, когда вы научились ходить и разговаривать, освоили грамоту и научились водить машину, вы уже испытали множество желаний, которые совершенно не сознаете, но, поскольку вы никогда не осуществляли их и не задумывались о них, они погрузились в глубины вашего Я, в ваше бессознательное. Ваше Я — это весь спектр ваших возможностей. Эго — это ваше сознание самих себя, того, на что, как вы считаете, вы способны, ограниченное подсознательными воспоминаниями о неспособностях и запретах. Вы можете наблюдать его пробуждение у малыша, который впервые осознает собственное эго. Я и эго — не одно и то же. Эго — это всего лишь центр сознания, включающий в себя то, как вы сами воспринимаете себя и окружающий мир.

Итак, у вашего эго есть план, — но вы вдруг совершаете какой-то абсурдный промах, который разрушает намеченное, словно кто-то посторонний вмешался и расстроил все. Вы сами себя перебиваете; вы о чем-то забыли. Фрейд прекрасно описал это явление, такие отчасти осознанные выпадения памяти теперь известны как «оговорки по Фрейду». Вы просто удерживаете себя от совершения поступков, которые, как вы считали, вам хотелось совершить. Подала голос другая сторона вашей личности, ваше бессознательное Я. Если вы представите себе Я в виде круга, то оно и будет центром. Однако ваше сознание располагается над этим центром, а ваше эго — непосредственно над пространством сознания, — поэтому здесь всегда присутствует элемент сублимации, о котором вы не подозреваете.

Заметим, что Юнг предлагает иное определение эго по сравнению с Фрейдом, хотя оба определения связаны друг с другом. Для Юнга эго — это ваше представление о себе. Оно определяет центр вашего сознания и соединяет вас с окружающим миром; это то самое «Я», которое вы чувствуете, когда совершаете действия в мире, окружающем вас.

Но к вашему бессознательному Я оно никакого отношения не имеет. Обычно эго находится над уровнем сознательного. Предположим, что вы ведете машину: двигаетесь по левой стороне дороги, управляете рулем, при этом не догадываясь о том, что справа от вас тоже есть полоса движения. Вам кажется, что вы находитесь в центре трассы. Вот так, по мнению Юнга, большинство людей и проводят свою жизнь. Они считают, что их эго — это и есть они сами. Они ведут машину именно так, и, конечно, их машина сбивает тех, кто едет справа. Как же увидеть, что происходит справа? Может быть, установить еще один руль с правой стороны и позволить другу управлять вашей машиной? Или поставить руль в центре? Нет!

Вам нужно знать, что происходит рядом, освоить трехмерное мышление и использовать принцип параллакса[31].

Итак, у нас есть собственное Я, которое представляет собой полный набор всех наших возможностей. Есть эго, которое постепенно возникает в детстве, формируя относительное представление о самом себе. Пока это эго более или менее не сформируется, опыт, с которым такое эго не в состоянии справиться, очень опасен. Он просто раздавит слабое эго, и вы полностью потеряете сознательный контакт с реальностью. Тогда у вас начнется шизофрения, а вам нужно держать свое эго в рабочем состоянии.

Сейчас очень популярна восточная философия, подразумевающая отказ от эго. Следуя ее принципам, вы пытаетесь сокрушить единственное, что держит вас на плаву. Наверху должен кто-то быть, иначе вы просто утратите чувство направления. Ваше Я, большой круг — это корабль, а эго — маленькая фигурка капитана на мостике.

Итак, по мере вашего взросления семья приучает вас к тому, что вы принадлежите к определенному кругу и должны вести себя соответственно. Потом вы идете в школу, на горизонте появляются туманные перспективы будущей карьеры, образы жизни, которую вы собираетесь вести. Они ограничивают вас все больше и больше. Иными словами, конкретное общество, в котором вы живете, предписывает вам роль, заставляя надеть определенный костюм. Чтобы функционировать в обществе, эго должно научиться определенным вещам. Какой смысл готовить себя к социуму, который не существует или находится по ту сторону Железного Занавеса? То, что окружает вас, — и есть самое главное.

Первая проблема ранней стадии жизни заключается в том, чтобы жить в обществе и контактировать с объективным миром по законам, актуальным в данный момент. Способность воспринимать их критически появится немного позже, вначале нужно научиться функционировать здесь и сейчас. Вот в чем великая задача детства и юности: ужас, требования и ограничения вашей собственной воли должны быть приняты и ассимилированы. Если вы избегаете таких столкновений в ранний период жизни, то столкнетесь со всем этим позже — или будете ползти по жизни извилистым путем, лишь отчасти воссоединяясь с общечеловеческим опытом, никогда не принимая участия в по-настоящему серьезных делах.

Общество заставляет нас играть множество ролей. Мы соглашаемся играть их, подобно актеру, надевающему разные элементы костюма. Общество налагает на нас отпечаток, навязывая свои идеалы — своеобразный гардероб приемлемого поведения. Юнг называет такие роли «персонами», от латинского «persona» — маска для театрального представления.

Предположим, вы работаете учителем: на службе вы надеваете соответствующую маску, и вот вы — Учитель. Но затем пора домой, и если дома вы продолжаете считать себя Учителем, а не просто человеком, который преподает, кто захочет общаться с вами?

Иногда в школьной пьесе какому-нибудь бедолаге достается роль Гамлета, и тетушка начинает убеждать его, что в этой роли он просто великолепен. И вот горе-актер навсегда превращается в Гамлета, отождествляя себя с ролью, которую сыграл.

А некоторые люди, возможно, с удивлением обнаруживают, что стали руководителями. Они — руководители в офисе. Они — руководители дома. Они — руководители в постели, к большому огорчению жен.

Маску нужно оставить в костюмерной, в зеленой комнате, как это бывало раньше. Не стоит забывать, в какой именно пьесе вы сейчас играете. Вам нужно уметь отделить свое ощущение себя, свое эго от того образа Я, которое вы показываете остальному миру, — от

---

31 Параллакс (от греч. parallaxis — уклонение) — изменение видимого положения какого-либо рассматриваемого объекта относительно удаленного фона при изменении угла наблюдения. В психологии существует понятие «монокулярный параллакс движения» — монокулярный зрительный признак удаленности того или иного предмета. Наглядным примером может послужить то, как человек, находясь в едущем поезде или машине, рассматривает ландшафт из окна. Если при этом смотреть на какой-нибудь предмет, то получается, что все видимое пространство вращается вокруг этого предмета.

вашей персоны.

Первое противостояние в душе происходит между темным внутренним потенциалом подсознания с одной стороны и системы, за которую отвечает *персона,* — с другой. Эго узнает о внешнем и внутреннем мире и стремится примирить их друг с другом.

С точки зрения Юнга, отождествиться со своей персоной — одна из самых главных опасностей, подстерегающих вас. В противовес восточной педагогике Юнг заявляет, что эго должно отличаться от отведенной ему роли.

В восточной традиции такого концепта просто не существует. По Фрейду, эго — это функция, которая помогает вам установить контакт с эмпирическими реалиями мира, в котором вы живете. Именно развивая эго, вы развиваете свою систему ценностей, способность выносить собственные суждения, критичность к чужим. На востоке предполагается, что человек должен отказаться от критического отношения к жизни и нового взгляда на мир, безоговорочно приняв учение гуру и ту маску, которую надевает на человека общество. Это фундаментальный закон кармы: вы рождены, чтобы исполнять именно эту, отведенную вам роль. Общество выдаст маску, которую следует носить не снимая. Вы должны полностью слиться с ней, отбросив любые критические соображения.

В традиционных обществах Индии, Китая или Японии ваша роль — *это и есть* вы. Секрет заключается в том, чтобы полностью войти в нее, будь вы нищий монах или скорбящая вдова, которая бросается в погребальный костер. Вы должны стать *сати.*

Юнг подчеркивает, что вы должны играть свою роль, зная, что она *не есть вы.* Эта совершенно иная точка зрения предполагает индивидуализацию, отделение своего эго, вашего представления о себе от вашей роли в обществе. Это не значит, что вам не нужно играть роль, которую вам навязало общество. Однако, чем бы вы ни занимались, какие бы правила ни принимали, не стоит относиться к этой игре с оголтелой серьезностью. Персона — это всего лишь маска, которую вы надели для конкретного спектакля.

Лучше всего умеют менять свои роли западные женщины. Стоит им надеть новый наряд — и перед нами уже совсем другая личность. Моя жена, танцовщица, делает это просто великолепно. Когда идет снег, она часто мерзнет. Но даже в разгар зимы, отправляясь на вечеринку в открытом платье, она и не думает дрожать от холода. Вся ее личность полностью вживается в новую роль, и — вуаля!

Все еще серьезнее, потому что вся персона как комплекс включает в себя ваши нравственные принципы. Этика и социальные нормы интериоризируются как часть структуры персоны, а Юнг советует нам отнестись легко и к этому. Как вы помните, Адам и Ева совершили грехопадение, когда познали различие между добром и злом. Чтобы вернуться в исходное состояние, нужно *не* знать различия между ними. Этот урок очевиден, но его не очень отчетливо доносят до сведения во время проповедей. Однако Христос обратился к своим ученикам со словами: «Не судите, да не судимы будете»36. Вы судите, исходя из контекста, который налагает персона, и с этой же точки зрения будут судить о вас. Если вы не научитесь выходить за рамки конкретных представлений о том, что правильно, а что нет, вы не сможете стать цельным человеком. Вы останетесь частью определенного общественного устройства.

Итак, перед вами — ваше собственное Я со всем его потенциалом. У вас есть растущее сознание эго, с которым вы себя отождествляете, и оно развивается в соответствии с тем нарядом, в который вы облачаетесь, с конкретной персоной. Хорошо, если таких нарядов много, и каждый из них соответствует вашему сознанию. Нравственные устои — это часть вашей персоны.

В каждом из нас есть много такого, что не отражается в персоне и не вписывается в ваше эго, которое вы воспринимаете как собственное «я». Его антиподом, погребенным в подсознании, является то, что Юнг называет «тенью».

А общество определит, какую роль вам суждено играть, и значит, вам нужно раздробить собственную жизнь на множество частей в соответствии с тем, что вам, как личности, нужно сделать или осмыслить. Социум может потребовать от вас: «Вам следует

делать то и это» — но может и запрещать: «Вам нельзя делать того и сего». Неблаговидные поступки, которые бы вам хотелось совершить, оседают в глубине подсознания. Это — центр бессознательного отдельной личности.

Тень — это тот, кем вы могли бы стать, если бы родились в иных условиях или при иных обстоятельствах: другой человек, другое ваше Я. Она состоит из желаний и мыслей, которые вы подавляете, — всего, что составляет интериоризированный id. Тень — это и свободное от эго пространство, и своеобразная кладовая: в ней хранятся ваши великие нереализованные возможности.

Природа вашей тени зависит от функций вашего эго. Это теневая сторона вашей светлой стороны. В мифах тень представлена как чудовище, которое нужно победить, как дракон. Темное существо возникает из глубин и бросает вам вызов, как только вы вступаете на путь, ведущий в подсознание. Оно пугает вас так, что вы больше не хотите спускаться. Оно стучит снизу. Кто это там, в глубине? Кто это там, наверху? Очень, очень таинственно и пугающе.

Если ваша собственная личность слаба и незначительна — если вы слишком многое похоронили в себе, там, где живет ваша тень, — ваши силы скоро иссякнут. Большая часть вашей энергии останется вам недоступна, ведь там, в глубине, можно обрести столь многое. А в конце концов энантиодромия нанесет свой удар, и непризнанный демон, которому не придавали значения все это время, с ревом вырвется на белый свет.

Тень — это та часть вашей личности, о которой вы не подозреваете. Но ваши друзья ее замечают, и потому некоторым людям вы не нравитесь. Тень — это вы, такой, каким могли бы быть, это та часть вас, которой вы бы стали, если бы позволили себе задействовать те свои возможности, которые заставили бы вас совершать неприемлемые поступки.

Общество, безусловно, не признает эти аспекты вашего потенциального Я. Вы их тоже в себе не признаете, вы даже не знаете, что они есть или что вы подавляли их.

Если вы представите себя в виде огромного круга, где эго находится наверху, в самом центре сознания, а тень, напротив, окажется гораздо ниже, в области глубокого бессознательного. У этого есть причины; тень — тот аспект вашей жизни, о котором эго не знает, который вы похоронили так глубоко потому, что он не соответствует вашим представлениям о себе самих. Тень — часть вас, которую вы не хотите показывать. В ней скрывается и хорошее — я имею в виду активное, — и опасное, разрушительное содержимое вашего потенциала.

Как правило, архетипы проявляются в персонифицированном виде в ваших мифах, мечтах и снах. Мы персонифицируем тайну вселенной как Бога. Эго становится героем или героиней. Подсознательное Я становится мудрецом или ведуньей. Тень персонифицируется в том числе и в образе, напоминающем Мефистофеля. Очевидно, что тень несет в себе не только то, что хорошо для вас, но и то, что для вас плохо. Тень скрывает как нереализованный потенциал, так и все, что опасно выразить, включая желание прибить вон того мерзавца, который весь вечер вас перебивает, украсть, обмануть, разрушить.

В ваших мечтах и снах, как и в мифах вашей культуры, эти стремления представлены в виде тени — эта тень всегда того же пола, что и вы, и всегда представляет угрозу.

Вы можете узнать, кто это, просто подумав о людях, которые вам не нравятся. Они похожи на человека, которым и вы могли бы быть, иначе они не значили бы для вас так много. Люди, которые ярко запоминаются вам с положительной или отрицательной стороны, до некоторой степени являются проекцией вас самих:

Я не люблю вас, мистер Фелл.
За что — сказать я б не сумел.
Но все, что я б сказать хотел,
Я не люблю Вас, мистер Фелл37.
(Перев. О. Чекчуриной)

За что не люблю? За то, что он — моя тень. Я не знаю, бывало ли с вами такое, но

лично мне доводилось встречать людей, которые вызывали у меня презрение с первой же минуты знакомства. Эти люди воплощают те мои черты, существование которых в себе самом я отказываюсь признавать. Эго имеет тенденцию идентифицироваться с обществом, забывая о своей тени. Оно считает, что оно и есть вы. Вот положение, в которое общество нас ставит. Обществу совершенно все равно, сломаетесь ли вы, когда тень набросится на вас, — это ваша проблема.

Помню, как один священник сказал мне: «Если бы я не верил в Бога и Церковь, то был бы отвратительным человеком». «Ну и что бы Вы тогда стали делать, как вы думаете?» — спросил я. Он не смог ответить. Я продолжил: «А я уверен, что знаю, что бы Вы сделали, но Вам этого не скажу. Зато могу сказать, что Вам бы это очень скоро надоело и Вы бы поняли, что Вы — еще один старый зануда в этом мире и что все оно того не стоит. И даже если бы Вы и не перестали делать гадости, процесс скоро бы сошел бы на нет сам собой, и Вы бы не представляли для общества такой серьезной угрозы. Так что отпустите себя на волю. Сделайте что-нибудь из этих отвратительных вещей. Вы поймете, что не такие уж они и плохие, и больше не скажете ничего подобного».

Вы должны найти способ сделать то, чего требует ваша тень.

Следующая проблема — это проблема пола. Каждый мужчина должен быть настоящим мужиком, а все, что общество запрещает ему делать, он приписывает женскому началу. Такие области своей личности он подавляет и отправляет в область бессознательного. Это — противоположность персоне. Такие аспекты личности превращаются в то, что Юнг называет «анима»: женский идеал мужского подсознания.

Точно так же женщина носит в своем подсознании анимуса — свою мужскую часть личности. Общество требует от нее определенных действий, и все, что в ней ассоциируется с мужским началом, репрессируется в анимуса.

Интересно вот что: с биологической и психологической точек зрения, в каждом из нас живут и мужчина, и женщина, однако в любой культуре нам разрешается быть лишь кем-то одним. Другой уходит вглубь нашей души. Более того, наши образы и представления об этом другом — производные нашей биографии, включающей два аспекта. Первый является общим для всех представителей человечества: почти у каждого есть мать и отец. Другой аспект для каждого человека свой: ваши мама и папа были именно такими, а не другими. Точное представление о роли мужчины и женщины складывается в соответствии с опытом человека и предопределяет качество основ из основ наших переживаний. У каждого была Мать и у каждого был Отец.

В обоих случаях похороненный в глубине души идеал имеет тенденцию проецироваться вовне. Мы обычно называем эту реакцию влюбленностью: мы проецируем наш собственный идеал в отношении противоположного пола на конкретного человека, который, в силу какого-то магнетизма, вызывает к жизни нашу аниму или анимуса. Иногда, придя на танцы, вы видите там порядочную, милую девушку, которая сидит в абсолютном одиночестве, в то время как все увиваются вокруг бойкой девчонки неподалеку. Что в ней такого? Что-то такое в ее глазах вызывает к жизни проекции анимы у всех мужчин в округе. Существуют способы подавать себя именно таким образом, но мы не всегда знаем, каковы они. Я видел людей, которые представляли собой идеальные объекты анимы и при этом считали, что ни к чему подобному не способны.

Два человека встречаются и влюбляются друг в друга. Потом они женятся, и сквозь фантастическую оболочку начинает проступать реальный Сэм или реальная Сьюзи, вот так потрясение. Многие супруги просто забирают назад своего анимуса или свою аниму, разводятся и ждут, когда же появится человек, более подходящий на эту роль. Затем они снова влюбляются, потом следует очередное потрясение. И так далее. И тому подобное.

Неоспоримый факт: разочарование неизбежно. У вас был идеал. Вы вступили с ним в брак, а потом проявились факты, которые идеалу не соответствуют. Вы вдруг заметили нечто, что не соответствует вашим представлениям. Что делать, когда такое произойдет? Есть только одно решение: снисходительность. Это несчастное обстоятельство, на котором я

женился, не соответствует моему идеалу; это всего лишь человек. Ну что же, я ведь тоже человек. Встретив наконец другого человека, я буду жить с ним и постараюсь вести себя по-доброму, проявляя снисхождение к слабостям, которые и мне как человеку присущи.

Совершенство представителям человечества не свойственно. Люди несовершенны. Нашу любовь — я имею в виду именно любовь, а не влечение — вызывает именно человеческое несовершенство. И когда несовершенство реального человека по сравнению с идеалом вашего анимуса или анимы начинает проявляться, скажите себе: ну что же, надо быть милосерднее. А потом попробуйте так и поступить, и что-то начнет получаться. Вы перестанете так зацикливаться на идеальной аниме. От чрезмерной привязанности к ней нужно избавляться, точно так же, как от чрезмерной фиксации на персоне. Урок жизни, который Юнг называет индивидуацией, в этом и состоит: научиться видеть и людей и самого себя не с точки зрения архетипов, которые вы проецируете вокруг себя и которые проецируют на вас.

Конечно, святой Павел говорит: «Любовь все превозмогает», но вы не можете быть равны Богу38. Слишком рассчитывать на собственное милосердие может оказаться разрушительным для вашего собственного существования. Но даже если так, по крайней мере, попытайтесь — не ради конкретных людей, а ради самой жизни. Это так просто. Распространенная юношеская глупость — утверждать, что мир не соответствует ожиданиям. «Что такое? Я пришел, и вот это — все, что они приготовили для меня?» Оставьте. Имейте сочувствие к этому миру и тем, кто живет в нем. Не только политика, но и вся наша жизнь — дело грязное, и вы должны отнестись к этому снисходительно.

В одном из своих первых романов «Тонио Крюгер» Томас Манн дал нам ответ на вопрос, что делать, когда реальность начинает проступать через маску, которую мы на нее надели39. Он поведал историю о молодом человеке, который совершает это открытие и обнаруживает, что снисходительность необходима. Тонио Крюгер родился в северной Германии, в городке, все жители которого — голубоглазые светловолосые люди, сильные, смелые хозяева своего мира. Мать Тонио была итальянкой или была откуда-то из Средиземноморья. По его имени уже понятно, какая в нем гремучая смесь кровей. У него темные глаза и волосы, в наследство ему досталась тонкая нервная организация, благодаря которой из него может получиться деятель искусства или писатель. Хотя Тонио влечет к приземленным, светловолосым соседям, ему с ними не по пути, и по отношению к ним он постоянно находится в позиции наблюдателя — отмечая, впрочем, как они чудесны. На танцах от этих людей не оторвать взгляд: девушки так хорошо танцуют, да и парни — не хуже. Но когда танцевать идет сам Тонио, он думает, что по-настоящему хотел бы только мечтать, — а девушки желают лишь плясать. Поэтому он приглашает только тех, кто падают во время танца, и вскоре оказывается не у дел.

Став старше, Тонио решает сделаться художником и уезжает; он хочет оказаться в другом мире. Он отправляется на юг, возможно, в Мюнхен, и там попадает в богемную среду, которую мы бы назвали коммуной хиппи. Среди богемы ему встречаются люди с величественными жизненными идеалами и манерой отпускать обличительные едкости так, чтобы обесценивать все хорошее, что происходит в этом мире. Эти люди полны идей и считают, что этот мир не соответствует этим идеям, они уже не проецируют на мир свой идеал и свою любовь, мир их разочаровал. Они холодны, полны презрения, они циничны. Тонио понимает, что ему и это не подходит. Он тоже интеллектуал, он уважает идеи, но любит тех, далеких — голубоглазых со светлыми волосами.

Тонио — молодой человек, который застрял между двумя мирами: миром трудяг-обывателей без воображения, в котором он родился, и миром интеллектуальных богемных критиков, в компанию которых он случайно попал. В конце концов он приходит к выводу, что все живущие в этом мире несовершенны, и именно благодаря этому несовершенству человек остается здесь. Он осознает, что ничто живое не соответствует идеалу. Если вы хотите охарактеризовать человека как художника, ваше описание должно быть безжалостно объективным. Именно это несовершенство отличает живых. Именно это несовершенство

вызывает нашу любовь.

То качество, благодаря которому автор превращается из *литератора* — так Манн называет человека, пишущего статьи, например, в журнал «Нью-Йорк Мэгэзин», — в поэта или художника, создающего образы, помогающие жить, заключается в способности принимать несовершенство тех, кто его окружает, с сочувствием. Принцип, на котором основано милосердие, заключается в умении превратить разочарование в дружеское участие. И когда реальный факт начинает просвечивать через анимус или аниму, вы должны отреагировать на это снисходительно. Это и есть та любовь, которая лежит в основе всего, превращая критика в живого человека, которому есть чем поделиться с миром, кроме своих претензий.

Именно так следует вести себя, если вы утратите иллюзии относительно анимуса и анимы. Вы испытаете разочарование. Это реальность, которая открывает новую глубину знаний о себе, потому что и вы несовершенны. Вы можете и не подозревать об этом. Мир — это созвездие несовершенств, а вы, возможно, самое несовершенное из них. Ваша любовь к этому миру помогает вам подобрать для него слова, без сожалений и того, что вы считали любовью раньше. Манн называет эту противоположность эротической иронией. Такое открытие может спасти ваш брак.

Итак, что есть у нас в распоряжении? Собственное Я, эта огромная, не заполненная текстом страница. Собственное эго, сознание, которое все больше и больше распространяется на окружающий мир опыта и света. У нас есть персона, поле для *Volkergedanken,* этнически детерминированный способ проживать свою жизнь в конкретном социуме. Если образы общества не помогают вашему бессознательному пробиться к сознательному миру, то вы попадаете в мертвое пространство; вы словно заблудились в пустыне.

Первый, самый угрожающий из всех архетипов — тень. Скрывая тень в глубине, вы можете вести ту жизнь, которой общество требует от вас.

Следующая угроза — это противоположный пол. Он волнует и завораживает. Здесь Фрейд был, конечно, прав. Особенно это относится к пубертатному периоду жизни, когда весь ритм и тайна жизни сфокусированы в представителях противоположного пола.

И здесь возникает важнейшее психологическое явление. Человек влюбляется с первого взгляда. Но что же это значит, боже мой? Вы даже не знакомы с этим человеком. Надеюсь, все переживали подобное. Кто-то входит в комнату, и ваше сердце останавливается.

Томас Манн приводит красивые примеры того, как это происходит. В его первом опубликованном рассказе «Маленький господин Фридеманн» этот самый маленький человек переживает катарсис. Господин Фридеманн никогда не умел справиться с жизнью, и когда перед ним возникает потрясающая блондинка, похожая на статую, он говорит лишь: «Боже мой, Боже мой». Его сердце замерло; он понял, что раньше и не жил. Ему открылся целый мир. Вот так возникает анима-путеводительница40.

Нравится вам или нет, но это работает именно так — в том числе и с вами. Возможно, одним из самых смелых поступков в вашей жизни стало бы вступить в брак с идеалом, в который вы влюбились. Самое серьезное начинается позже — ведь все предыдущее было проекцией. Это больше, чем желание. Анимус или анима — словно удочка, на которую попалось ваше подсознание, и чем глубже вы спускаетесь вниз, тем больше всплывает на свет. С этим-то змеем Уроборосом[32] (ну, или змеей) вы вступили в брак.

Я был знаком с одним господином, который впоследствии стал психологом-юнгианцем. Как-то раз он пересказал Юнгу свои сон. Ему приснился огромный утес, над самой вершиной которого показалась голова змеи. Змея поползла вниз — она была просто громадная, — ползла и ползла, казалось, что она бесконечна. Выслушав, Юнг сказал: «Это

---

[32] Уроборос (греч. «пожирающий (поглощающий) свой хвост») — змей, кусающий себя за хвост, древний и очень распространенный символ вечного возвращения, бесконечности жизни и циклической природы Вселенной.

мисс Такая-то. Женитесь на ней». Мой знакомый так и поступил. Брак оказался очень счастливым.

Но что происходит, если вы женитесь по любви с первого взгляда? Какой педагогический совет можно дать в подобной ситуации? Через спроецированную маску идеала просвечивает факт, который не соответствует идеалу. Что вам делать с этим несовершенством?

Юнг был убежден, что нужно отбросить все проекции. Не отождествлять женщину, которую вы встретили, с вашей проекцией анимы. Не отождествляться с собственной проекцией анимы. Освободиться от всех проекций и идеалов. Именно это Юнг назвал индивидуацией. Человека, который отождествляет себя со своей персоной, Юнг называет *«мана»* — а мы бы назвали «надутым формалистом». Он или она — всего лишь роль, которую играет. Такой человек никогда не позволяет проявиться своему истинному характеру, оставаясь вечной маской. Постепенно его силы иссякают: он совершает ошибку за ошибкой, начинает сильнее бояться самого себя и больше энергии тратит на то, чтобы удержать маску на месте. Происходит разрыв между персоной и собственным Я, и тень все глубже погружается в бездну.

Вам нужно принять свою тень, вобрать ее в себя. Не обязательно делать то, чего она требует, но вы должны знать о ней и с ней примириться.

Вам не нужно ассимилировать аниму или анимуса — вот еще один вызов, с которым вы должны справиться. Вам нужно установить с ним связь через Другого Человека.

Единственный способ стать человеком — это устанавливать отношения с другими людьми, мужчинами или женщинами, для которых вы, в свою очередь, станете Другим. Мужчины всегда будут так или иначе ассоциироваться для женщин с анимусом, а женщины для мужчин — с анимой.

А первый путь к этому — это сострадание. Не похоть. Не страх. Будда, Христос и все остальные очень ясно указывали на то, что мы должны избегать и того, и другого.

Погружаясь в область подсознания, вы вытягиваете на поверхность не только тень и аниму, но и те способности переживать опыт и строить суждения, которые раньше были не востребованы в вашей жизни. Вы сможете интегрировать низшие функции и отношения, так что любая возможность возникновения энантиодромии станет лишь способом реализации вашего полного потенциала, и вы не рухнете изувеченными на скалы, где обитают Сирены.

Есть четыре вида кризисов, которые могут вызвать серьезную энантиодромию. Первый происходит, когда вы переходите от одного этапа жизни к другому, не осознавая этого, — джентльмен весьма зрелого возраста, который так сосредоточен на своих успехах в гольфе, что не сумел вступить в последний, заключительный этап жизни.

Юнг утверждает, что жизнь похожа на ход Солнца по дневной орбите. В первой половине — подъем, движение от рождения к обществу. Во второй — спад, путь вниз, уход от мира и движение к смерти. И если в первой половине угрозу представляла жизнь, то во второй половине пугает смерть, и у всех символов меняется смысл.

Юнг считает, что на финальном этапе жизни сложнее всего интегрировать внутренние и внешние функции. Это самая важная задача, которую вам предстоит разрешить в преклонном возрасте. Поэтому давайте подумаем об образах, в которых воплощается воссоединение противоположностей. Один и тот же символ, который для экстраверта будет связан с сексуальным подтекстом, для интроверта будет связан со сражением. Когда человек начинает добиваться индивидуации и интеграции, он воссоединяет два аспекта собственной души.

Кризис перехода от одного жизненного этапа к другому, если человек не готов к нему, блокирует этот процесс. В этом заключается проблема сорокалетнего малыша и шестидесятилетнего человека, который считает, что ему тридцать пять. Жизнь вознесла вас в солнечный зенит, а затем вы начинаете двигаться к закату — но считаете, что вы все еще наверху? Ох, нет, дружище. Вы уже гораздо ниже. И как же резко вам придется падать! Гораздо лучше поймать тот момент, когда начинается движение вниз, чтобы с

удовольствием скользить с горки; внизу тоже есть много приятного.

Второй тип кризиса — это ослабление требований, которые предъявляет вам жизнь. Вы работали как проклятый, чтобы стать царем шнурков для ботинок во всей Вселенной. Вам принадлежат все фабрики шнурков в мире, вам сорок с небольшим, и больше не надо лезть вон из кожи. Все делается само собой, и, кроме того, у вас есть секретарши, которые не только ведут дела, но и кажутся вам гораздо привлекательнее, чем должны бы быть, по вашему мнению, молодые девушки, так что вам есть на что отвлекаться от работы. У вас в запасе есть неизрасходованное либидо. И что с ним делать?

Эротически ориентированный экстраверт оглядывается вокруг и вдруг становится владыкой-монстром. Старый добрый дядя Гарри, король шнурков для ботинок, в душе человек власти, превращается в старого развратника. Но трагедия такого кризиса заключается в том, что, по сути, уже слишком поздно. Все идет не так — оттого, что оба делают не то, что надо.

Третий кризис — это разочарование в нравственных идеалах; такая форма энантиодромии часто происходит с молодыми студентами колледжа. У молодого человека есть сосед по комнате, который принадлежит к совершенно иному социальному кругу: он бедняк, а вы обеспечены, он христианин, а вы атеист, вы буддист — а в соседи вам достался иудей. Вы понимаете, что он тоже очень достойный человек; и не то чтобы он соблазнял вас совершить нечто плохое; просто, познакомившись с ним, вы можете усомниться в собственных принципах морали. А поскольку именно такие принципы — комплекс персоны — помогают вам сохранять свое эго неизменным, то стоит им ослабеть, и все остальное выходит на поверхность. Возникает угроза или искушение стать ужасным человеком: это стучится ваша тень из глубин — тук-тук-тук... Заговорила ваша темная сторона личности. А еще с вами может произойти то, что я называю мерцанием вашей анимы или анимуса: пойдем. Пойдем со мной, мои мальчик, там, за углом, так интересно. Вы никогда раньше не смотрели на девушек с такой точки зрения.

Ну и позвольте это себе, говорит Юнг. Позвольте. Но не надо предаваться этому занятию с таким самозабвением, чтобы ваше эго разлеталось в щепки. Например, вот что произошло с одной из моих студенток в колледже. После нескольких занятий по социологии она осознала, что ее отец построил свою карьеру на крови и костях других людей. И вот она приходит домой на праздничный ужин в День Благодарения, а семья не понимает, что с ней такое. Девушка появляется на лекциях и семинарах — и не способна работать. Она становится распущенной. Она переходит в другой лагерь и теперь играет на другой стороне. Это энантиодромия заставляет ее демонстрировать свою принадлежность к противоположному лагерю, размахивая знаменем угнетенного пролетариата. И это — такая же крайность, как и пребывание в блаженном неведении внутри прежнего лагеря.

Не так уж все плохо: каждому нужно испытать и то, что происходит там, на другой стороне. Это словно оборотная сторона ковра, которую стало видно, и мои студенты иногда немного напоминали такую изнанку. Удачно, если подобные вещи происходят с молодым человеком в заведении вроде колледжа, который хоть как-то может защитить его персону, — потому что в конечном итоге задача-то в том, чтобы интегрировать, воссоединить обе стороны.

Еще один кризис является очень серьезным испытанием и происходит, когда требуется принять невыносимо трудное решение или совершить что-то неприемлемое для вас с нравственной точки зрения, сделать нечто постыдное, унижающее ваше достоинство постыдное. Прекрасный пример — история про принесение в жертву Авраамом Исаака. Голос Господа повелел Аврааму принести в жертву своего сына, и человек оказался перед лицом неразрешимой проблемы. Его вынуждали либо ослушаться того, кого он считал Богом, либо убить своего ребенка. Если бы Авраам отказался, он бы ослушался Господа, а если бы он убил Исаака, то нарушил бы главную заповедь человека. Отцы не должны убивать своих сыновей.

Да, это невыносимо тяжелое решение. И вы можете с таким столкнуться. У некоторых

моих друзей во время Великой депрессии были семьи, но не было работы; чтобы обеспечить своих родных, им приходилось делать то, на что они бы никогда не согласились, если бы отвечали только за себя. Подобные решения разрушают ваше эго и вызывают к жизни целый пласт явлений из области бессознательного.

Проблема индивидуации, как ее трактует Юнг, испытания, с которыми человек сталкивается в период кризиса среднего возраста, заключается в том, чтобы разрушить проекции и отпустить их на свободу. Когда вы понимаете, что ваши нравственные идеалы — те моральные принципы, которые вы исповедуете, — являются составной частью персоны, то осознаете всю глубину и опасность подобной позиции. Вам необходимо вооружаться моральными принципами или отказываться от них в соответствии с тем, насколько это уместно в данный момент; вам *нельзя* отождествлять эти моральные нормы с космическими истинами. Законы общества — это социальные конвенции, а не вечные заповеди, и обращаться с ними, как и судить о них, нужно с учетом того, насколько они в данный момент полезны для того, ради чего их создавали.

Человек сам принимает решение, как действовать. Конечно, ему необходимо удостовериться, что ревнители общественного порядка правильно истолкуют его поведение и не усложнят ему жизнь за то, что он не играет по их правилам. Но основная проблема интеграции заключается в том, чтобы установить отношения с окружающим миром и жить полной жизнью.

По сути, человек должен научиться проживать свой собственный миф.

Глава 5. Личный миф

Юнг: Каким мифом я живу?

В течение долгих лет я рассуждал о мифологии в довольно абстрактной манере — какая мифология бытовала здесь, какая мифология сформировалась там. Теперь, похоже, настало время принять вызов и порассуждать о том, какая мифология подошла бы вам и мне. Итак, речь идет о том, чтобы прожить свои собственный, личный миф — найти его, понять, что он собой представляет, и позволить ему вести вас по жизни — эта мысль впервые посетила меня, когда я прочел автобиографию Юнга «Воспоминания, сны, размышления». В одном ее фрагменте он рассказывает о личном кризисе, который ему довелось пережить.

В 1911-1912 годах Юнг работал над своей выдающейся книгой «Символы трансформации». В то время он был крайне огорчен, осознав, насколько его предыдущая работа строилась на поверхностном представлении о психологии пациентов, страдавших тяжелым психозом, с которыми ему довелось тогда иметь дело. Он начал карьеру в клинике Бургхольцли в Цюрихе, под руководством Югена Брюлера. Именно Брюлер ввел термин «*шизофрения* », и значительное количество его пациентов действительно были шизофрениками.

Проработав там какое-то время и защитив под руководством Брюлера докторскую диссертацию, Юнг познакомился с Фрейдом, которого больше всего интересовали невротики. Невротик — это человек, который все еще способен функционировать в окружающем мире, сохраняя достаточно рабочее, сознательное состояние, чтобы жить в нем, пусть и мучаясь от неадекватных взаимоотношений с собственным подсознанием. А личность психотика совершенно разрушена. И Юнг, работая с психотиками, довольно близко подошел к пониманию явления, которое можно было бы назвать архетипологией бессознательного воображения.

Он стал изучать труды по сравнительной мифологии: Фробениуса, Бастиана, Фрезера. Он вдруг понял, что образы, которые возникали в душе его пациентов, были абсолютно такими же, как те, что описывались в трудах по сравнительной мифологии и истории религии. Фантазия его пациентов создавала точные параллели с мифологическими

сюжетами. Затем Юнг обратил внимание на то, что эти параллели были актуальны не только для психотиков, но и для невротиков и относительно уравновешенных людей.

Это открытие поразило его и вдохновило погрузиться в изучение мифологии. Работа «Символы трансформации», посвященная взаимодействию сознания во сне и мифологическому сознанию видений, послужила причиной того, что Фрейд отказался дальше сотрудничать с Юнгом. Из этой книги стало понятно, что Юнг больше не считал секс началом, центром и концом символической системы подсознания, а регрессивный психоанализ — единственной возможной формой психотерапии. Для Фрейда и его последователей это было равносильно анафеме.

Окончив книгу, Юнг не перестал размышлять на эту тему. «Едва я закончил работать над рукописью, — пишет он в книге «Воспоминания, сны, размышления», — как осознал, что значит жить вместе с мифом, а что — жить без него»41. Юнг спросил себя, в соответствии с каким мифом живет сам, — и понял, что не знает этого. «Итак, самым естественным образом, я начал изучать свой собственный миф сам на себе, именно это и стало для меня задачей из задач»42.

Убежден, что больше не существует одной единственной мифологии, которая годилась бы для всех и каждого в какой-то определенной стране, не говоря уже о западной цивилизации. Я считаю, что устройство общества сейчас преимущественно светское. Оно не утверждает, что законы были даны свыше и должны трактоваться с помощью мифологических понятий. В стародавние времена законы исходили от Бога, были продиктованы Моисею и изложены в разделах Библии — Числа, Второзаконие и Левит. У нас нет ничего подобного. Даже законы физической Вселенной, как я уже упоминал, более чем непостоянны. Мы многого не знаем и постоянно делаем открытия, но не имеем произвольной модели Вселенной, которая могла бы использоваться в течение достаточно продолжительного времени.

В отношении формирования индивидуальной психологии каждого человека мы располагаем такими разнообразными ресурсами и возможностями, что никакая единая мифология не может объяснить личность. В рамках светского общества, представляющего собой нейтральную рамку, внутри которой люди могут самостоятельно выстраивать собственные жизни при условии, что причиняют не слишком много неудобств соседям, каждый из нас полагается на индивидуальный миф, который помогает нам двигаться вперед, о котором мы можем знать, а можем и не догадываться. В этом и заключался смысл вопроса, который сформулировал Юнг: каким мифом живу я?

Не думаю, что рано или поздно возникнет единая мифология для человечества, которая просуществует достаточно долго. Наша общественная жизнь, которая выполняет третью функцию мифа, сейчас организована иначе и, на мой взгляд, эффективнее. Однако я убежден, что в наши дни человек потерял контакт со своим сознанием и областью бессознательного, общаясь с себе подобными.

Именно с помощью мифологических образов сознание получает доступ к подсознанию. В момент, когда ваше сознание по какой-то причине отвергло ваши мифологические образы, вы потеряли контакт с самой глубинной частью собственной личности, а в нем и заключается цель той мифологии, которой мы живем. Нам нужно понять, на какую мифологию мы уже полагаемся, чтобы уверенно пользоваться ею.

Итак, многие живут, полагаясь на мифы, которые ведут их на протяжении всей жизни. У тех, кто живет подобными мифами, не возникает проблем с их идентификацией: это та или иная величайшая религиозная традиция, доставшаяся человеку в наследство. Весьма вероятно, что ее будет достаточно, чтобы вести человека по дороге жизни.

Но в мире есть и другие люди, лишенные подобных дорожных указателей. Таких особенно много среди студентов университетов, профессоров, горожан — тех, кого русские называют «интеллигенция». Для таких людей старые идеи и старые наставления просто не имеют смысла, и когда в их жизни наступает кризис, толку от всего этого мало.

Есть и те, кто считает, что живет в соответствии с определенной системой, но это не

так. Они ходят в церковь каждое воскресенье и читают Библию, но все эти символы ничего им не говорят. Движущая сила исходит для них из какого-то иного источника.

Вы можете задать себе вопрос: если бы вдруг в моей жизни произошла страшная катастрофа, если бы все, что я любил, все, ради чего я жил, в одночасье обратилось в прах, то в чем бы тогда я нашел смысл жизни? Если бы я вернулся домой и обнаружил бы, что всех моих родных убили, или моя карьера вдруг рухнула бы в силу каких-то трагических обстоятельств, что дало бы мне сил жить дальше? Мы читаем о подобных вещах каждый день и думаем, что крах — это то, что бывает с другими. Но если бы это произошло со мной? Что бы убедило меня жить дальше и не сломаться, решив, что все кончено?

Я знаком с верующими людьми, которые попадали в такую ситуацию. Они бы сказали: «На все воля Божья». Их поддерживает вера.

А что есть в вашей жизни, что могло бы сыграть такую роль для вас? За какое великое дело вы бы отдали свою жизнь? Что заставляет вас поступать именно так, а не иначе? Каково ваше призвание? Старые традиции поддерживали людей с помощью мифологии; она объединяла целые культурные миры. Любая великая цивилизация выросла на основе мифа.

В наши дни все так перепуталось. Мы предоставлены сами себе, и нам приходится самостоятельно искать эффективную помощь. И как же это сделать?

Я думаю, что одна из величайших проблем современности заключается в том, что религии, которые достались нам в наследство, все время настаивают на том, что их символы суть исторические реальные факты. Рождение от непорочной девы или вознесение на небеса — символы, распространенные в мифах всего мира. Они имеют отношение к психической, внутренней жизни, где и зародились, они сообщают нам нечто новое о нас самих. Они не могут быть в первую очередь историческими событиями. Авторитет социальных институтов, от которых исходят эти символы, — религии, которые мы взрастили, — стали вызывать недоверие, утверждая историческую достоверность подобных ключевых событий. Образ Рождения от Непорочной Девы — к чему он относится? Это историческая, биологическая проблема? Или это психологическая метафора, которая относится к области духовности?43

Я бесконечно восхищаюсь Абрахамом Маслоу[33], составившим список пяти базовых человеческих ценностей: выживание, безопасность, личные отношения, престиж и саморазвитие. Но, глядя на этот список, я все не мог понять, отчего он кажется мне странным, — пока наконец не осознал то, что меня поразило: именно эти ценности миф трансцендирует.

Выживание, безопасность, личные взаимоотношения, престиж, саморазвитие — по моему опыту, это те самые ценности, от которых миф призывает человека *отказаться.* Они относятся к базовым биологическим процессам, как их воспринимает сознание человека. Мифология начинается там, где начинается безумие. Человек, который всей душой откликнулся на зов, на призвание, посвятил себя чему-то, верит во что-то, к чему-то стремится, пожертвует своей безопасностью и даже жизнью, он пожертвует близкими отношениями и престижем, он совсем не будет задумываться о развитии своей личности; он полностью посвятит себя мифу. Христос говорит об этом же, когда провозглашает: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее»44.

Пять ценностей Маслоу — это ценности людей, которым нечему посвятить свою жизнь. Ничто не захватило их полностью, не привело в состояние благородного безумия и не сделало притчей во языцех. Они — зануды. (Есть замечательное примечание Ортеги-и-Гассета[34] к «Дон Кихоту»: «Зануда — это человек, который лишает нас нашего уединения,

---

[33] Абрахам Харольд Маслоу (1908-1970) — американский психолог, автор знаменитой диаграммы, наглядно представляющей пирамиду базовых потребностей человека.

[34] Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1995) — испанский философ, публицист, теоретик модернизма и представитель философии антропологии. Написал краткий трактат «Размышления о Дон Кихоте».

но не дает взамен дружбы»45.)

Самое главное здесь — пробуждение благоговения, которое Лео Фробениус, замечательный исследователь африканских культур, назвал словом *Ergriffenheit,* способность увлечься чем-то до такой степени, что жизнь полностью изменится.

Не всегда бывает легко или вообще возможно понять, что именно увлекло вас. Вы вдруг замечаете, что делаете глупости и отдались какому-то потоку, но не понимаете, в чем тут дело. Вас потрясло это пробуждение благоговения, восхищения, ощущение таинственности и в конечном итоге благодати. При этом просыпается и ваш ум, нацеливаясь на то, для чего предназначен. Вы можете использовать свой мозг для того, чтобы создать свой бизнес и обеспечивать семью, а также завоевать престиж и уважение окружающих; если правильно настроиться, он может очень хорошо с этим справиться. Но мозг может и подтолкнуть вас расстаться со всем этим только потому, что вас очарует какая-то тайна.

Один из самых ярких известных мне примеров такого явления — жизнь французского художника Поля Гогена. Он был абсолютно процветающим бизнесменом, семейным человеком и домовладельцем; и вдруг этот человек увлекается живописью, которая открывает для него совершенно иной мир. Вы начинаете баловаться такими вещами, как живопись, а они, играючи, уводят вас в новую жизнь — именно это и произошло с Гогеном. Он просто отправился на поиски приключений, забыв о семье и обо всем остальном. Это озарение привело его на Таити, где появились его прекрасные картины. Он забыл о ценностях из иерархии Маслоу и просто следовал по пути к благодати.

Когда Юнгу захотелось узнать, какой миф руководит его жизнью, на самом деле он заинтересовался тем, какая подсознательная, сублимированная сила заставляла его совершать эти особенные, нерациональные поступки и ставила проблемы, с которыми затем приходилось разбираться его сознанию. Именно с пробуждением сознания и трансценденцией ценностей, о которых рассказал Абрахам Маслоу, и начинается то, о чем мы здесь рассуждаем.

Я упоминал о *кундалини*- йоге, индийской системе, которая сравнивает духовное развитие со змеей, ползущей через семь узлов человеческого тела, они же *чакры.* Три нижние узла отвечают за механизмы выживания, сексуальное влечение и стремление к власти.

Итак, иерархия ценностей Маслоу соответствует этим трем нижним *чакрам.* Это ценности, которыми обладают и животные. Наше тело — конечно, не такое, как у собаки или газели, — все же является телом человекообразного животного. И мы ведем животную жизнь по-человечески. Давайте не будем обольщаться, что, делая это, мы находимся в высшей точке человечности. Мы цепляемся за жизнь, и животные делают то же самое. Мы испытываем сексуальное влечение, как и животные. Мы стремимся победить соперника и разрушить то, что нам мешает, как и животные. Вот и вся иерархия ценностей доктора Маслоу.

Когда змея *кундалини* доползает до четвертой *чакры,* в душе пробуждается благоговение, по индийским представлениям это состояние символизирует священный слог *аум.* Ничего такого животные не слышат. Восприятие этого звука открывает таинственное измерение, путь во Вселенную, и стремление понять эту тайну — начало духовной жизни. В системе *кундалини* четвертая *чакра* отвечает за сердце. Именно в сердце, говорят, руки искренне верующего прикасаются к ступням бога. Даже на этом уровне вы находитесь всего лишь у его ног; а нужно подниматься дальше. Как раз тогда, когда мы начинаем этот путь, и появляется чувство таинственного.

Давайте отдадим должное животным — и они отчасти способны на нечто подобное. Животные ночью, видя свет, приблизятся к нему, чтобы понять, что это такое. Это начало. Вы можете сказать, что в своей следующей инкарнации они поднимутся на человеческий уровень. Это пробуждение благоговения. Но свет, за которым мы сейчас пытаемся

последовать, приведет нас к чистому, разлитому везде свету трансценденции. Вот в чем смысл слога *аум.*

Поэтому давайте оставим позади первую, вторую и третью *чакры,* которые просто отвечают за повседневную, рассудочную жизнь. Про них нельзя сказать ничего плохого, поскольку никто не испытает *аум* или благоговение, пока не удовлетворит потребности, связанные с выживанием. Но они всего лишь закладывают основу для более сложной структуры, а мы хотим двигаться вверх.

Желание узнать об аум — об источнике благоговения и тайны — больше, приблизиться к нему в системе кундалини ассоциируется с пятой *чакрой,* которая находится на уровне глотки, там, где начинается мир. Сюда животному дороги нет. Звери не могут говорить. Они способны издавать звуки, но — насколько мы знаем — им не подвластна ни вербальная коммуникация, ни само представление о ней.

С общением начинается мистический опыт46.

В начале любой мифологии лежит момент вмешательства силы извне — нечто такое, что вырывает вас за рамки привычного, за пределы самих себя, за пределы всего разумного. Именно в моменты такого вмешательства извне были созданы наши цивилизации. Достаточно только взглянуть на созданные ими памятники, и вы увидите, что это самые странные и нелепые вещи, какие могли бы возникнуть в человеческом воображении. Посмотрите на Пирамиды. Попробуйте объяснить, что это такое, с рациональной точки зрения и с точки зрения экономической целесообразности; подумайте, что они значили для общества Египта с технологией того времени — которая практически отсутствовала — и о том, как египтяне смогли построить такие монументальные сооружения. Соборы, величайшие храмы мира, произведение искусства любого мастера, который посвятил всю свою жизнь созданию подобных творений — все это результаты мистического озарения, а не удовлетворения ценностей Маслоу. Пробуждение благоговения и интереса — вот начало, которое объединяет людей.

Люди, живущие пятью базовыми ценностями, разобщены. Две вещи объединяют людей и цементируют общество: стремление к чему-то и ужас. Подумайте о мифологической основе средневекового европейского общества: великий миф об изгнании из Рая, искупление грехов человечества на Кресте, Церковь, назначение которой в том, чтобы стать сосудом благодати для Искупления грехов и спасения человечества. У вас есть целое общество, которое сплотилось вокруг мысли о том, что все люди изначально запятнаны первородным грехом и единственный путь очищения душ от скверны — таинства института Церкви, которую, как предполагается, создал Христос, воплощение Бога, прежде всего спасший все человечество. У вас есть удивительная культура, цель которой — в очищении души каждого человека от страшного греха ослушания в Эдемском Саду[35].

Апостол Павел, кажется, первым сумел объединить все эти идеи. Вся структура средневекового общества была основана на мифах о жажде Бога и ужасе. Разумеется, в социуме существовали экономические отношения и тому подобное, но все это не имело никакого отношения к строительству Шартрского собора. Генри Адамс рассуждает об этом в своей работе «Мон-Сен-Мишель и Шартр»[36],47: все великие соборы Европы были построены в безумном веке между 1150 и 1250 годами. У людей тогда не хватало денег, чтобы купить даже двух коров, я не говорю о паре телег, — на что они вообще жили?

И не нужно рассуждать о рабском труде; не он был главным в строительстве соборов. Это был единый порыв всего сообщества, мистическое рвение. И куда же оно делось потом?

---

[35] Здесь Кэмпбелл не совсем точен. Согласно христианским представлениям, в избавлении от первородного греха как раз заключается смысл Распятия (спасение всего человечества).

[36] Мон-Сен-Мишель — это средневековый собор-крепость на острове, недалеко от французского побережья в провинции Бретань, Шартр; город во Франции, в котором возведен величественный собор, прославивший город и вдохновлявший многих художников.

Исчезло. Когда сомнение заменило миф об исторической правдоподобности Творения, все общество развалилось. Экзистенциальная жажда и ужас поблекли, а вместе с ними — и мистические грезы.

Как ни жаль, все это настолько ослабло в наши дни, что мы разбредаемся кто куда. У нас нет ни общего стремления к чему-то, которое бы объединило нас, ни всеобъемлющего ужаса, который бы заставил нас сплотиться в одно целое. Но давайте оставим в покое общество и не будем беспокоиться о нем. Нас интересует сейчас, как сделать целостной собственную личность.

Как найти в себе то, что заставит двигаться вперед? Я уже упоминал об общих мотивах в мифах по всему миру. Следовательно, мифологические образы не имеют отношения к историческим событиям. Они принадлежат душе — духу, если точнее, — а не описывают хронику происшествий.

Несомненно, существуют ощущения, которые спонтанно активизируют определенные реакции в человеческом теле. Человек не нуждается в специальных разъяснениях о том, что такое сексуальные сигналы; во множестве культур об этом вообще не говорят, однако биологический императив берет свое, и все прекрасно получается. Все начинает происходить как положено, а родители недоумевают, что происходит. В этой области никто не нуждается в обучении — хотя, конечно, оно не повредит. Некоторые запахи точно так же активизируют слюнные железы. Вас охватывает сон, как только вы нашли, где прилечь. Существуют врожденные сигналы, на которые реагирует человеческое тело. В этом мы похожи на животных: оцепенение, активность, сексуальное влечение, материнская любовь к новорожденным, агрессия по отношению к тому, кто на тебя нападает, и так далее.

В человеческой душе существует еще один уровень сознания, который я бы ассоциировал с этим чудесным явлением — человеческим сознанием — от сердца до темени. Когда мы испытываем благоговение, испытываем духовную жажду, когда стремление человеческого ума к познанию просыпается, рождается новое понимание того, что значит «быть человеком». У всех нас одинаковые человеческие тела, и мы одинаково реагируем на одни и те же запахи. У нас — человеческие души, которые реагируют на определенные сигналы, — в сущности, представление об архетипах основано на понятии о том, что человеческий мозг и симпатическая нервная система обладают структурами, создающими готовность на них реагировать. Это структуры, общие для всего человечества, с некоторыми индивидуальными вариантами, но в основном довольно схожие друг с другом. И когда они активизируются, отзываясь на сигналы извне, то реакция будет автоматической, например как реакция на аромат бананов, исходит ли он из африканской кастрюли или из фруктовой корзинки в моем красивом гостиничном номере. В течение тысячелетий мы развивали определенный опыт реакций людей на духовные символы — и созерцание определенного символа настраивает ум на определенную волну, пробуждая глубинные духовные силы. У каждого из нас есть свои любимые символы, каждый готов пережить встречу индивидуально, не так, как это сделают другие. Символ, к восприятию которого вы готовы, и вызовет в вас ответную реакцию.

Три образа нашей традиции — три символа — однозначно оценивались как исторические реалии. В рамках христианства мы интерпретируем мотивы Непорочного Зачатия, Распятия, Воскресения и Вознесения как особые события, которые произошли в определенный момент времени. Если вы станете сомневаться в том, насколько это было возможно в действительности, ваша вера пошатнется. Вы утратите этот символ, потому что вы отвергли его. Вам предоставили символ как статью в газете, рассказывающую о том, что произошло там-то и там-то, — а теперь вы изучили биологию и даже думать не хотите, было ли непорочное зачатие или нет. Но разве в этом состоит чудо? Нет, чудо не относится ни к какому определенному событию, которое привязано к дате и месту. Этот мотив можно обнаружить в мифах по всему миру, и он должен быть обращен к человеческой душе совершенно иначе.

Когда такие символы исчезают, то мы утрачиваем средство общения между нашим

пробуждающимся сознанием и нашей глубинной духовной жизнью. Нам необходимо наполнить этот символ новой энергией, вернуть его к жизни и понять его смысл, чтобы он так или иначе имел к нам отношение.

Итак, что же сделал Юнг, когда решил искать свой собственный миф? Его стиль исследования интересен своей детской простотой. Человек тридцати семи лет от роду спросил себя: что я больше всего на свете любил, когда был маленьким мальчиком и мне разрешали делать, что мне вздумается? Он вспомнил, что ему нравилось складывать камушки и строить из них маленькие города.

Тогда Юнг сказал себе: теперь я взрослый человек, и буду играть с большими камнями. Он купил себе участок в красивом месте у озера неподалеку от города Цюриха, разработал чертеж и построил дом в Асконе[37] своими руками. Так он разбудил собственное воображение.

Это очень важно. Вы не можете разбудить свое воображение, следуя тому, что вам предлагают другие. Вам нужно прислушаться к голосу подсознания. Когда воображение Юнга заговорило, он обнаружил, как у него появляются все новые мечты и сны. Он стал записывать их и развивать с помощью разных ассоциаций.

Так он стал исследовать собственный миф. Он обнаружил, что его сновидения приобрели для него огромную значимость и стали очень яркими; он стал вести небольшой дневник снов. Он фиксировал самый незначительный и глупый импульс, каждый сюжет, возникавший во сне. Юнг записывал сновидения, чтобы сделать их доступными сознанию, и, по мере ведения дневника, постепенно осознавал образы, которые лежали в их основе. Потом он зарисовывал образы из этих снов — очень старательно. Такие книги никто не захочет публиковать; это слишком личное. Это было церемониальное, ритуальное исследование, проведенное человеком, желающим узнать, откуда берется тайна его жизни.

Если вы начнете вести дневник снов, вы обнаружите, как на вас нахлынули образы. Вы захотите снова заснуть, чтобы узнать об этом побольше. И вы обнаружите, как из них складывается какая-то история. Конечно, на это потребуется немного свободного времени.

Мы с женой приезжали в гости к Юнгу и его жене в Аскону в 1954 году. Дом был впечатляющий. Это было не просто здание, это был живой организм, словно выросший из земли, а не построенный. Хозяин этого дома был швейцарцем до мозга костей. Он родился в этой прекрасной горной стране. Он рос на земле. Его предки, особенно по материнской линии, жили в сельской местности Швейцарии. Его дедушка, врач, приехал из Германии, где в те годы господствовала преимущественно земледельческая культура. И в нем самом очень сильна была крестьянская жилка. Конечно, сегодня для многих из нас это чуждый мир. Нам нужно найти свой собственный.

Вскоре после того, как Юнг стал вести свой дневник сновидений, он понял, что его сны перекликались с великими мифологическими сюжетами, которые он изучал, работая над книгой *«Символы Трансформации* ». Стали возникать мандалы — Юнг первый заинтересовался ими в качестве психологических инструментов самопознания. Два близких друга Юнга, которые внесли большой вклад в развитие его гениальных озарений, — это Генрих Циммер, выдающийся индолог, который стал и мне другом и наставником, и Ричард Вильгельм, великий китаист. Эти двое очень много знали о мифологическом наследии Индии и Китая и помогли Юнгу установить связь между символическими замысловатыми очертаниями, которые он рисовал по памяти после того, как увидел их во сне, восточными мандалами и китайской медитацией на золотом цветке. Ощутив новый прилив вдохновения, Юнг понял, что его сновидения можно разделить на две категории: маленькие и великие.

Маленькие сны появляются из того пласта сонного сознания, которое отражает глубоко личные переживания. Они возникают на уровне, который известен как фрейдистский или как подсознание. Маленькие сны автобиографичны по своему характеру, о них вы навряд ли

[37] Аскона — коммуна на юге Швейцарии.

могли бы кому-то рассказать — вы копаетесь в потоке сознания, когда оно наталкивается на табу и «не смей», относящихся к вашему детству, в том числе самому раннему.

Но есть и другая категория снов, где вы сталкиваетесь с проблемой, которая не характерна для вашей обычной жизни, — или, вернее, относится к глобальным проблемам человечества. Именно это Юнг и называл великими сновидениями.

Например, давайте вернемся к вопросу, который я уже поднимал здесь: что именно поддерживает вас, когда вы сталкиваетесь с глобальной катастрофой? В подобные моменты и душа, и сознание эго должны столкнуться с двумя величайшими тайнами — с тем, как устроен космос, и что такое смерть. Ни одно другое животное не осознает своего противостояния этим двум величайшим тайнам. Глубоко в вашей душе живет тайна вашего собственного бытия, с которой вам предстоит столкнуться. Когда сознание вашего эго сталкивается с этими всеобъемлющими тайнами — космосом, смертью и глубиной вашей собственной души, а не бьется над вопросом, переспать с кем-то или нет, — вы решаете глобальные проблемы, о которых говорят величайшие мифы.

Как уже говорилось, эти темы универсальны. Конечно, они возникают в различных исторических вариантах то тут, то там; они появятся в вашей жизни в какой-то конкретной форме, а в жизни другого человека *будут* выглядеть несколько иначе. Для каждого мифологического символа существует два отличительных аспекта: универсальный и локальный (Elementargedanken и Volkergedanken Адольфа Бастиана).

Полагаю, что существование этих аспектов признает и индийская философия. В этой традиции они называются соответственно *марга* и *дези.* В корне слова *марга* — «след животного», оно обозначает «путь». Так в Индии обозначают, как именно определенный аспект символа приведет вас к личному озарению; это — путь к просветлению. «*Дези* » обозначает «из провинции». Поэтому все мифологические символы действуют в двух направлениях: в направлении *марга* и в направлении *дези. Дези* , или локальный аспект, связывает человека с его культурой.

Культура, основанная на мифологии, дает вам символы, которые немедленно вызывают в вас отклик, это жизненно необходимые связующие элементы, соединяющие вас и с тайной, которая с ними связана, и с самой культурой. Но если культура пользуется нежизнеспособными символами, которые больше не действуют, то она обрывает эти связи. *Марга,* или *Elementargedanken,* обеспечивают путь назад, к самой сути. Если рассматривать символ с точки зрения его вселенского значения, а не локальной специфической референции, вы окажетесь на пути к открытию самих себя и к озарению.

Чтобы найти свой собственный миф, нужно определить те традиционные символы, которые пробуждают в вас отклик, и использовать их, так сказать, как основу для медитации. Пусть они работают для вас.

Ритуал — это всего лишь яркая, наглядная, активная манифестация или представление мифа. Участвуя в ритуале, вы включаетесь в миф, и миф начинает работать для вас — при условии, конечно, что образ для вас значим.

Но если вы просто автоматически принимаете участие и это не вызывает в вас живого отклика, но при этом рассчитываете, что ритуал волшебным образом вознесет вас на небеса — просто потому что вам сказали, что раз уж вас крестили, то в конце концов вы будете в раю, — вы отвернулись от правильного использования ритуалов и образов.

Вспомните свое детство, как это сделал Юнг, — символы, которые тогда вложили в ваше сознание, продолжают жить. Подумайте, каким образом они связаны с каким-либо социальным институтом, который, возможно, утратил актуальность и навряд ли заслуживает уважения. Поразмышляйте о том, как эти символы воздействуют на вас. Пусть они разбудят ваше воображение, заставят его работать. Включив свое воображение, вы ощутите *марго,* мощь символов, открывающую путь к самому сердцу тайны.

Я на собственном опыте убедился, что нет ничего лучше сравнительных исследований мифологии, в рамках которых вы выбираете крупную, глобальную форму образа и разными способами осмысливаете ее. Образы сами по себе выразительны; они говорят с вами. Когда

интеллект пытается объяснить образ, то значения этого образа будут неисчерпаемы, интеллект не в состоянии ограничить его возможности. Образы не обязательно что-то обозначают: они *существуют,* точно так же, как существуете и вы. Они обращаются к чему-то важному внутри вас, к чему-то, что *есть.*

Спросите у художника: «О чем ваша картина?» Если он достаточно сильно презирает вас, он вам даже не объяснит.

Дело в том, что если вам нужно объяснять, что изображено на картине, значит, вы ее не увидели. А что обозначает закат? Что обозначает цветок? Что обозначает корова?

Будду называют *татхагата,* «тот, кто пришел таким». Он такой, какой есть. Вселенная тоже «пришла такой». Любая ее частица взрастает на той же самой почве. Это называется Доктриной Взаимного Возникновения.

Я понял, что это такое, в Японии, когда приехал в Нагасаки, город, на который мы сбросили вторую атомную бомбу. Если первая бомбардировка была трагедией, то вторая — безобразным поступком, не имеющим смысла. На месте падения бомбы возвели огромную статую, указующий перст которой направлен в небо, откуда упала смерть. В местном музее есть экспозиции, настенные панно и картины, наглядно демонстрирующие, что случилось со всеми в результате бомбардировки. Музей находится в городе, который смели с лица земли и который был отстроен заново, — новый, современный... Кроме этого парка, где сохранили место для воспоминаний и размышлений.

Я, американец, — один из тех, кто сбросил бомбу, — общаясь с японцами, никогда не сталкивался с обвинениями в свой адрес, потому что в те времена обе стороны имели причины быть смертельными врагами. Вы участвуете в том, что происходит с вами. То, что вы сделали с другими, вы сделали с самими собой. Японцы знают об этом и в это верят. То был настоящий урок.

Все догматические рассуждения о значениях и моральных ценностях не имеют ничего общего с этой главной тайной. Она заключается в том, чтобы *быть,* и способ ощутить собственное «быть» в отношении к тайне тайн — применять элементарные мистические образы.

Существует уровень сонного сознания, корни которого уходят в природу человека, а не в вашу личную биографию. Наша суть — двойственна. Первая половина основана на животной системе инстинктов, одинаковой для всех. Вторая, называемая жизнью духа, начинается, как бы сказали кундалини-йоги, на уровне шеи и выше.

Ни одно животное не обладает такой двойственностью и таким сознанием. Когда доктор Фрейд начинает интерпретировать стремления и влечения верхней части позвоночного столба в терминах нижней, он впадает в глобальное заблуждение. Вся суть системы мифологических образов состоит в том, чтобы вознести вас в царство духа, и если интерпретировать эти явления в чисто физиологическом, биологическом смысле, то это снова тянет вас вниз; символ становится похож на воздушный шарик, который проткнули иголкой, и он сдулся. Как и животные, мы хотим жить, стремимся к выживанию и безопасности. Как и животные, мы испытываем сексуальное влечение, стремление к победе и престижу. Но в нас есть потенциал для абсолютного иного поля деятельности, и путь к нему всегда открыт.

Данте описывает такой момент просветления в своей «La Vita Nuova»[38]: обретя Беатриче, он в ту же минуту перестал быть просто человеком и превратился в поэта. Ее можно было воспринимать как эротический объект, но он увидел воплощение красоты; он ощутил ее присутствие на совершенно ином уровне.

«Он замер, — как бы сказал Джеймс Джойс, — попал в плен эстетики»48. Так начался его духовный путь. Это и есть начало духовной жизни. Как Данте сам повествует в своей

---

[38] «La Vita Nuova» (ит. «Жизнь новая») — небольшое произведение Данте, в котором он воспел Беатриче вскоре после ее смерти. Оно написано в форме прозиметра, чередования стихотворных и прозаических отрывков, в начале 90-х годов XIII века.

чудесной книге: «Душа моих глаз сказала: “У тебя есть радость”. Дух жизни в моем сердце сказал: “Ты обрел госпожу”, а дух моего тела сказал: “А теперь ты будешь страдать”»49.

Престиж, положение в обществе, безопасность — все эти потребности исчезли. Она, словно таинственный луч, исходящий из глубин Вселенной, коснулась его. И когда он последовал за эти лучом, то он привел в самое сердце тайны мира (как это выражалось в культуре Данте) — к Святой Троице.

Итак, прежде всего вам нужно понять, что именно вызывает в вас душевный отклик. Конечно, это уведет вас от животных желаний к следующему уровню — к жизни души, но произойти это должно в той форме, которая соответствует определенному этапу вашего существования. Вы должны узнать, каков архетип, соответствующий вашей стадии жизни, и прожить его. Пытаться жить в соответствии с архетипом предыдущей стадии означает создавать себе невроз. Я уже упоминал о сорокалетних детях, рыдающих на кушетке Фрейда. Таким людям не хватает уверенности, чтобы рассуждать самостоятельно, и они вечно оглядываются в поисках авторитета.

Каждый сталкивается с этой проблемой, когда его персона пытается удержаться в состоянии апогея. Жизнь начинает клониться к закату, но человек уверен, что по-прежнему находится на пике возможностей. Как мы уже видели, он идет на рыбалку. Ну что же, когда человеку за шестьдесят, он может рассчитывать на то, что поймает на крючок кое-что получше холодной рыбины, верно? Хотя бы одну-двух русалок. И он знает об этом.

Когда маска, которую вы носите, начинает разваливаться, когда вы перестаете в нее верить, ваша психика может вернуться в любую стадию жизни. Когда целое общество теряет значимые для него образы, оно, что называется, остается в пустоте. Именно в такой ситуации мы оказались в прошлом или позапрошлом веке. Ничто больше не имеет смысла, потому что все символы нашей религии относятся к предыдущему тысячелетию, а энергией мира, в котором мы живем сейчас, воспользоваться мы не можем. Вот задача для современного поэта или художника.

Один из самых примечательных примеров того, что происходит, когда твоя система социальных символов уничтожена, — социум североамериканских индейцев. Их культура подверглась значительному разрушению во второй половине XIX века. Религиозные культы и духовная жизнь сообществ охотников на просторах великих прерий строилась на поклонении бизонам; именно бизон был их основным символом. Животное, которое должны были убить, предлагало себя племени людей в качестве царственной жертвы, понимая, что потом они совершат определенный ритуал, вернут его кровь и жизнь земле — чтобы он смог возродиться. Именно об этом повествует история о девушке из племени черноногих, ставшей женой вожака бизонов. Мирный договор между племенем людей и племенем бизонов — центральный мотив в охотничьих культах. В этом ритуальном цикле были воплощены все образы коллективного сознания племени.

В последней трети XIX века бизоны подверглись массовому истреблению по двум причинам: чтобы, пробегая перед паровозом, эти крупные животные не мешали поездам пересекать континент и чтобы (что еще важнее) индейцам было не на кого охотиться и те согласились жить в резервациях. Вот и все. Мифология целого общества утратила свой центральный символ. И ритуалы, и песни, и танцы больше не были связаны ни с чем, существующим в реальности. Теперь все это относилось к навсегда ушедшим в прошлое временам.

И что же произошло? Именно тогда культ пейота[39] проник с юго-востока и распространился в прериях. Добавьте еще ритуальный танец призраков. Индейцы утратили символ своего сообщества и обратили взгляды внутрь себя, чтобы восполнить то, что у них отняли.

---

[39] Пейот (пейотль) — маленький коричневый кактус (Lophophora williamsii. В нем содержится психотропное вещество мескалин, которое вызывает богатые визуальные галлюцинации. Использование пейота входит во многие ритуалы аборигенов северной Мексики и юго-западных Соединенных Штатов.

С нами то же самое происходит прямо сейчас. Когда внешний мир оставляет вас безучастными, вы уходите в себя с помощью пейота, мескалина, ЛСД или медитаций иного рода.

Конечно, лучше всего медитировать, выбрав для себя религиозный символ, и не волноваться о том, есть ли у него какие-то исторические корни или нет, а просто знать, что он имеет отношение к чему-то важному для вас. Наш мир сейчас похож на мемориальную свалку мифологических традиций. Множество людей бродят по ней в поисках — а некоторые откопали там символы египтян, или ацтеков, или какой угодно другой культуры, и пользуются ими в качестве душевной опоры. Чем плохо, спрашивается?

У поэта Йейтса есть замечательная книга «Видение». Будучи уже зрелым человеком, он вступил в брак с двадцатипятилетней Джорджи Хайд-Лиз. Вскоре после того, как Джорджи стала его женой, она вдруг увлеклась автоматическим письмом: начала записывать все, что приходило ей в голову, не особенно задумываясь о том, что появляется из-под пера. Так она создала философию Йейтса — еще до того, как об этой философии узнал сам Йейтс. Вот на каких девушках нужно жениться!

То, что она написала, — то, что у нее написалось, — удивительно. Йейтс словно получил эту информацию от духов-помощников — сам он был близок к оккультизму. «Видение» — довольно сложная вещь, однако в ней отражена система образов, которые кажутся мне очень важными в контексте нашего разговора. Речь идет о так называемых масках, которые вам нужно носить, чтобы жить. Совершенно очевидно, что это перекликается с юнговскими «персонами». Вам нужно надеть маску; вы должны носить костюм; вам приходится кем-то выглядеть и чем-то притворяться. Но это еще не все.

В этой книге Йейтс рассуждает о явлении, которое он называет первичной маской, — роли, навязанной обществом. Как только вы родились, родители начинают передавать вам правила жизни, свойственные обществу, жить в котором для них важно. Они надеются, что усвоенное в детстве поможет вам в дальнейшем. Первая часть жизни посвящена тому, чтобы найти свое место в мире. Так вы обретаете *дези:* образы конкретной культуры, соединяющие вас с миром, частью которого вы решите стать. Общество и родители поощряют вас постараться жить в гармонии с теми возможностями, которые общество за вами признает.

Когда я был маленьким, мы играли пуговицами, приговаривая: «Богач, бедняк, нищий, вор».

«Кто ты будешь такой?»

«Я буду мусорщиком».

Отличная перспектива — первичная маска, которую вы получили от общества.

Есть и вторая маска, которую Йейтс и его жена называют антитетической. С ней дела обстоят более захватывающе. В среднем подростковом возрасте, взрослея, вы вдруг понимаете, чего бы хотели в жизни сами, — и это может здорово отличаться от общественных ожиданий. «Они никогда не понимали, кто я! Я уникален! Я чувствую, что во мне скрыто нечто великое, бога ради, я собираюсь понять, что это такое!» — вот так вы сталкиваетесь с проблемой поиска своего собственного мифа.

Супруги Йейтс сравнивали этот конфликт между первичной и вторичной масками с двадцатью восемью днями лунного месяца. В первый день темно — вы только что родились. Вы начинаете расти в этой темноте. Природа и общество подталкивают вас вперед, пока на вас надета первичная маска.

В конце первой недели — восьмой день луны — наступает фаза неполной луны, время отрочества и, что еще более важно, пробуждение полной силы — антитетической маски. Вы вдруг ярко осознаете свои собственные стремления, чувствуете желание найти свою собственную судьбу и прожить ее. В этот момент вы начинаете яростно сопротивляться первичной маске и обществу, которое надело ее на вас. Вы хотите вырваться вперед: «Позвольте мне быть самим собой!» Человек начинает движение, к счастью или к несчастью.

На пятнадцатый день мы оказываемся в фазе полной луны: зенит карьеры, вершина жизненных сил. Если вы собирались кем-то стать, то добились этого как раз сейчас. Затем

тьма начинает сгущаться вновь. К двадцать первому дню первичная маска снова побеждает; природа берет свое. Остатки вашей индивидуальной жизни мельчают, и большую часть времени вы проводите, бегая по врачам или во сне.

И, наконец, наступает двадцать восьмой день — исчезновение с лица земли.

Вот тайна жизни и ее масок. Как вы поступите, когда все треснет по швам и жизнь пойдет под откос? Превратитесь в развалину, будете стареть и стареть, погружаясь в собственное тело? Или в зените полной луны совершите прыжок к солнечному свету?

В Великих прериях Центральной Америки человек получает возможность испытать нечто подобное вживую каждый месяц. На пятнадцатый день каждого лунного цикла солнце садится на западе как раз в тот момент, когда полная луна восходит на востоке. Они кажутся одинаковыми по размеру, по цвету, они видны одновременно. Это словно момент расцвета ваших сил в период среднего возраста, когда жизненные стремления достигли апогея. Он должен остаться в вашей душе, в вашем разуме. Луна символизирует жизнь тела, которое несет в себе свою смерть. Солнце символизирует чистый дух, в котором нет тьмы и смерти. Именно этот чистый дух способен с состраданием наблюдать за тем, как тело следует путем, предназначенным всем телам. Именно тело объединяет вашу духовную жизнь с жизнью всех живых существ.

Я часто предлагаю тем, кто присутствует на лекции, поднять голову и посмотреть вверх. Мы можем назвать систему освещения светом или осветительными приборами. Каждый из этих способов смотреть на свет отражает общий принцип, понимание того, что такое свет.

Представьте, что одна из лампочек разбилась, никто же не скажет: «Боже мой, мы же так любили эту лампочку, какое несчастье». Если она вам так уж нравилась — из-за какой-то особой формы или чего-то еще, вы можете забрать ее с собой и положить на свой рабочий стол, но очень горевать не будете, просто поменяете лампочку.

Вы можете размышлять об окружающем мире как о нескольких лампочках или как о свете в целом, который исходит из лампочек. Если я посмотрю на присутствующих в аудитории, я увижу не лампочки, а головы. А что в головах? Сознание. Каждая голова — это проводник сознания. А с чем вы отождествляете себя? С конкретным телом или с сознанием в целом? Я сейчас рассуждаю о главных мифологических мотивах. Молодежь волнует вопрос, как заставить это средство — тело человека — полностью реализовать себя в зрелом возрасте так, чтобы оно наилучшим образом было носителем сознания. Размышляя об этом, человек переносит внимание с вместилища сознания на само сознание. Если вы отождествили себя с самим сознанием, вы сможете понять, на что способно тело. Это — великое противоречие полной луны.

Именно такой кризис пережил Данте на тридцать пятом году своей жизни; это — его видение в «Божественной комедии», когда вся Вселенная становится не столько местом сознания, сколько, с его точки зрения, любви. Он отождествил себя с этой любовью, этой благодатью, которая исходит от трансцендентного трона и воплощается в прекрасной Беатриче.

Ни одна культура, кроме современной и относящейся к позднему Средневековью, не позволяла индивидам развивать антитетическую маску. Мифы западного мира обычно стремятся пробудить антитетическую маску Йейтса — прекрасный термин, отражающий противопоставление первичной маске. Именно она — подсознательное Я в модели подсознательного, предложенной Юнгом, — символизирует возможность вашей самореализации.

Все восточные культуры требуют, чтобы вы жили в соответствии с требованиями, которые налагает конкретная культура. Иными словами, от вас требуют отождествиться с первичной маской, с тем, что Фрейд обозначил как суперэго. В Индии эго называют дхарма, долг, в Китае — Дао, путь или направление движения, но везде под этим идеалом понимается полное слияние с определенным культурным образом.

Итак, подытожим: в восточной философии место того, что в западной культуре

называют «отдельной личностью», занимает повторение уже бывшего раньше. Перед вами — общество людей, которые являются теми, кем им велит быть культура. Они умирают, и их место занимает следующее поколение, которое делает абсолютно то же самое: это полностью реализованное статичное общество. Сам характер западной культуры заставляет нас идентифицировать себя с антитетической маской.

Мы все слышим, что у нас происходит революция: революция, революция, революция. Но революции устраивают не для того, чтобы просто сокрушить старое: их цель — привнести нечто новое. Если вы все время тратите на разговоры о том, против чего выступаете, у вас формируется негативная привязанность. Гораздо важнее понять, к чему вы стремитесь, и воплотить это в жизнь. Она у вас одна, и прожить другую не удастся. Маркс учит нас обвинять в наших пороках общество, Фрейд — родителей, астрология — Вселенную. Но единственное осмысленное обвинение может быть направлено только против себя: вам не хватило мужества вызвать к жизни полную луну и прожить жизнь так, чтобы реализовать свой потенциал.

Традиционная и современная функции мифологии

Позвольте мне снова обобщить основные функции, которые выполняет традиционная мифология. Мне бы хотелось понять, насколько они актуальны в нашей современной жизни.

Первая функция заключается в том, чтобы пробудить в человеке чувство благоговения, тайны и благодарности за высшую тайну бытия. Старые традиции — очень старые — подчеркивали, что необходимо принимать жизнь такой, какова она есть. Это нелегко; вы смотрите на этот мир, вы видите, как живущие в нем существа поедают и убивают друг друга, и понимаете, что жизнь — это нечто такое, что пожирает само себя.

У вас, как и у множества других людей, может возникнуть чувство, что этот каннибализм чудовищен и мириться с ним невозможно: «Не буду, я так не играю». Такое изменение в стиле мышления я называю «Великим Поворотом». Исторически он возник около VI века до н. э. вместе с изречением Будды: «Вся жизнь есть страдание». Ну что же, можно уйти от страданий.

«Я так не играю».

«Хорошо. Выходи из игры. Бери свой мяч, биту и иди домой».

Мы сталкиваемся с двумя видами отношения к этой главной ужасной тайне, этому явлению по ту сторону добра и зла: принятие и отрицание. Зороастризм предложил третий вид — идею о существовании двух божеств, доброго и злого. Доброе божество воплощает благо и свет, злое божество — тьму и обман. Доброе божество создало прекрасный мир, а злое исказило созданное. Теперь мы живем в испорченном мире, где непрерывно идет борьба: вам предлагается присоединиться к силам добра в их противостоянии силам тьмы и бороться за восстановление мироздания. Это не утверждение и не отрицание существующего порядка вещей, а своего рода компромисс, который представляет прогрессивный взгляд на мир.

Вы можете жить, безусловно принимая все в мире. Как замечательно гласит один буддийский афоризм: «Этот мир — такой, каков он есть, со всем его ужасом, тьмой и жестокостью — это золотой лотос совершенства». Если вы не видите его таким, то не мир в этом виноват. Невозможно сделать лучше то, что и так совершенно. Вы должны лишь созерцать его и осознать свое собственное совершенство — погрузиться в глубину себя, где уже нет ни боли, ни забот. У вас есть божества, которых зовут *бхайравананда:* «блаженство и экстаз ужаса»50. Вот что такое жизнь: ужасное, чудовищное испытание.

Выбор, отрицающий жизнь, направлен на поиск чистоты: «Я так духовен, что пройду через солнечную дверь и не буду участвовать во тьме лунного цикла, вы меня больше здесь не увидите».

Прогрессивный взгляд на жизнь, направленный на ее улучшение, гласит: «Давайте останемся здесь и сделаем этот мир лучше». Это все равно что вступить с кем-то в брак,

чтобы исправить своего супруга. Это не назовешь приятием. Обычно вы занимаете позицию сверху: «Если бы Господь обратился ко мне за советом, я бы высказал ему пару дельных предложений».

Вторая функция мифологии — создать такой образ Вселенной, чтобы взгляду в каждой мелочи открывалось великое таинство мироздания.

Произведение искусства показывает вам привычные объекты так, что их вдруг словно окружает сияние. Усилиями художника и благодаря его мастерству то, на что вы мимоходом бросали небрежный взгляд, предстает чарующим, и вы попадаете в «плен эстетики».

Современная космология открыла нам огромную Вселенную, которую не вмещают детсадовские сказки религиозного воспитания. Для меня высадка человека на Луну — это самое главное мифологическое событие XX века. На наших глазах это событие изменило фундаментальные представления о Вселенной и нашем месте в ней. Раньше Луна, Меркурий, Марс, Венера и остальные воплощали сияние высшего бытия, совершенно отличного от всего, что существует на нашей бедной Земле. Когда Галилей осознал, что законы, управляющие земными объектами, распространяются и на космические тела, он положил начало тому, что сделало возможным эти прогулки по Луне.

Я помню, как услышал великую, космически важную заповедь от участников экспедиции «Аполлон-11». Когда корабль облетел Луну и возвращался — как раз после того, как астронавты прочли строки из Книги Творения, — их спросили, кто же управляет всем там, наверху. Они ответили: «Ньютон».

Во вступлении к «Метафизике» Кант задавался вопросом: «Как, производя расчеты в конкретной точке пространства, я могу быть уверен в том, что они будут верны в любом пространстве вообще?»51 Как я, зная о бесконечности Вселенной, могу быть уверен, что законы, которые я вывел в уме, будут применимы на всем протяжении космоса? Когда дело дошло до высадки на Луне, никто не знал, какой глубины там пыль.

Я никогда не забуду, как впервые нога человека ступила на ее поверхность; это был невероятный момент. Никто не был уверен в том, что там будет, но астронавты уже знали, сколько топлива нужно потратить, чтобы космический корабль смог вернуться назад и приводниться в радиусе нескольких миль от поджидавших спасателей.

Иными словами, законы массы и энергии были в точности известны человеку; мы держим эти законы в уме. Законы времени, места и причинности находятся в нашем сознании, все, что мы видим или знаем, строится по этим законам. Что такое Вселенная? Пространство. Из пространства образовался сгусток, который стал туманностью, миллионом галактик, а в одном из созвездий этих галактик находится Солнце, вокруг которого вращается наша планета. А потом из Земли вышли мы, глаза, сознание, уши и дыхание самой Земли. Мы — дети Земли, а поскольку Земля сама вышла из космоса, так ли удивительно, что его законы живут в нас? Существует чудесное согласие между внешним и внутренним миром, и не то, чтобы Господь вдохнул нечто в нас; боги, которых мы знаем, — это проекции наших собственных фантазий, нашего сознания, нашего глубинного бытия. В определенном смысле они — вылитые мы.

Третья, социологическая, функция мифа предоставляет нам законы жизни в конкретном обществе. Конечно, сейчас в мире нет общества, которое в точности знает, по каким законам будет жить через десять лет. То, что мы раньше считали благом, стало причинять нам неприятности. У нас глобальный экологический кризис и все прочее. С каждым прожитым днем мы осознаем, что законы жизни должны согласовываться с ходом самой жизни. У нас нет уверенности ни в чем. Нам приходится постоянно импровизировать.

Последняя, педагогическая, функция мифологии заключается в том, чтобы предоставить человеку способ соединять свой внутренний мир и мир внешний, феноменологический. Я предполагаю, что педагогика унаследованных нами традиций эффективна не для всех из нас, так что каждому придется придумывать свою.

Со мной произошел забавный случай, когда я читал лекцию на севере тихоокеанского побережья США. Я излагал взгляд Данте на этапы жизни человека — он тоже использовал

астрологическую схему для описания жизненного цикла. В отличие от Йейтса с его лунной метафорой, Данте уподобил жизнь человека ежедневному движению солнца по небосклону. Он называет четыре возраста, каждый из которых соответствует времени дня и имеет свои особенности. Первый — детство, длящееся до двадцати пяти лет (представьте себе). Детству свойственны послушание, чувство стыда, «приличный вид» и «хорошее поведение». Это — утро жизни.

В двадцать пять вы, по Данте, вступаете в возраст зрелости, длящийся, пока вам не исполнится сорок пять. Вы достигли пика своей жизни, для которого характерны качества средневекового рыцаря: умеренность, мужество, любовь, изысканная вежливость и верность. Если вы прожили свою жизнь так, как этого требовало общество, то в середине карьеры, примерно в тридцати пять, когда вы полностью выполните все то, чему вас учили, вы обретаете право учить кого-то сами. Это — полдень.

Данте называет возраст от сорока четырех до семидесяти лет временем мудрости. В Индии мудрых отправляли в лес; на Западе так не поступают. Здесь предполагается, что люди в возрасте останутся в обществе, будут смотреть на все вокруг критически и делиться своим опытом. На этом этапе жизни основные качества — мудрость, справедливость, великодушие, а также юмор или жизнерадостность. В конце концов, вам нечего терять: для вас наступил вечер жизни.

Возраст от семидесяти лет и старше он называет периодом дряхлости, и в этом возрасте нужно с благодарностью оглядываться на свою прожитую жизнь, а смерть рассматривать как возвращение домой. Теперь для человека наступила ночь.

Эта небольшая схема, охватывающая весь жизненный путь, — безусловно, миф.

Когда я закончил свою лекцию в Сиэтле, одна молодая дама подошла ко мне и сказала с очень серьезным видом: «О, доктор Кэмпбелл, вы просто не знаете, что такое молодое поколение. Мы от детства переходим сразу к мудрости». Я ответил: «Прекрасно. Тогда Вы упускаете только одно — всю жизнь».

Итак, я утверждаю: для того, чтобы найти свой миф, необходимо найти, к чему вы стремитесь, обрести необходимую вам поддержку и понимать, на каком жизненном этапе вы находитесь. У юности и зрелости разные задачи. Не пытайтесь прожить свою жизнь слишком быстро. Слишком прислушиваясь к гуру, вы пытаетесь перепрыгнуть через самое важное и оставить его позади, став мудрецом до того, как испытали то, ради чего нужно вести себя мудро. Эта штука, мудрость, должна приходить постепенно.

В одном только мозге находится около 18 миллионов клеток. Два одинаковых мозга найти невозможно; две одинаковые руки найти невозможно; встретить двух одинаковых людей невозможно. Вы принимаете указания и советы от других людей, но вам нужно найти свой собственный путь, словно рыцарю короля Артура, отправившемуся на поиски Грааля.

Именно это свойство западного духа поражает представителей других культур, кажется им таким неразумным и романтичным. На поиски чего мы устремляемся? На поиски возможностей, которые скрыты в нас самих. Такой поиск — не путешествие эго, а исполненный приключений путь, который поможет принести ваш дар этому миру, и этот дар — вы сами.

Нет ничего важнее самореализации. Вы становитесь знаком, вы становитесь сигналом, выражающим нечто высшее; таким образом вы найдете свой собственный миф, проживете его и станете его воплощением.

Часть III. Путешествие героя

Глава 6. Собственное Я как герой52

На западе у вас есть право и обязанность выяснить, в чем ваше предназначение53. Вы

можете открыть его самостоятельно. И как, вы заняты этим?

Конечно, ничего страшного, если вам повезло, и у вас много денег, и вам гарантирована определенная поддержка, обеспечивающая некоторое количество свободного времени. Но давайте признаемся: люди без денег часто решаются рискнуть, прожить жизнь по-своему, — и так и поступают. Деньги не играют большой роли в нашей культуре, действительно не играют.

Я обучал студентов с разным уровнем достатка, и самые счастливые из них были далеко не самыми обеспеченными. Фактически у самых обеспеченных жизнь складывается наименее удачно, потому что у них нет стимула для борьбы. Чаще всего студент, у которого есть много возможностей, талантов и, в особенности, неограниченное количество денег, становится всего лишь дилетантом. Он не чувствует необходимости следовать одним путем, приняв решение: «Я собираюсь сделать это». Как только такой человек сталкивается с трудностями и дело принимает серьезный оборот, он или она хватается за что-нибудь еще. Начав разбрасываться, такие люди проводят свою жизнь впустую, а молодой человек, которому неоткуда ждать помощи, принимает разумное, мужественное решение и воплощает его в жизнь.

Я не утверждаю, что в Соединенных Штатах или на Западе в целом все идеально. Но в нашей культуре у каждого человека есть возможность понять, в чем его судьба. Существует несколько способов выяснить это.

Один из способов — ретроспективный. В замечательном эссе «Об очевидном узоре в судьбе человека» Шопенгауэр указывает на то, что как только вы, как и я, достигнув почтенного возраста, начинаете оглядываться на собственную жизнь — возникает впечатление, что в ней есть определенный сюжет, словно она является результатом творчества какого-то романиста54. События, которые казались абсолютно случайными или не имеющими особого значения, оказываются принципиально важными для композиции этого «романа».

Кто же придумал сюжет? Мысль Шопенгауэра заключается в том, что, подобно нашим сновидениям, наши жизни направляет то, что он назвал «волей, то «собственное я», о котором мы зачастую не подозреваем. Мы, говорит он, сами создаем мечту о своей жизни, как Вишну, которому привиделся семиглавый змей.

Я составлял свою книгу «Мифы, которыми мы живем» из лекций, которые читал в Купер Юнион в течение двадцати четырех лет55. Вначале мне казалось, что я очень вырос за эти годы, что мои представления с тех пор изменились и сам я тоже стал намного лучше. Лишь собрав записи воедино, я понял, что в течение несколько десятков лет их тема оставалась прежней. В тот момент я узнал больше об источнике своего вдохновения. У меня даже не было ясного представления о том, что это такое, пока я не увидел общего, лежащего в основе всей моей книги. Двадцать четыре года — довольно большой отрезок времени; столько всего произошло, а я все бормотал об одном и том же. Вот таким и был мой тогдашний миф.

Еще один удивительный способ обернуться назад — перечитать свои заметки или дневники, которые вы вели давным-давно. Вы будете поражены. Те мысли, которые, как вы думали, пришли вам в голову относительно недавно, будут ясно прослеживаться в этих записях. В вашей жизни, как в произведении, существуют основные темы.

Но как понять, каков ваш миф, если вы проживаете его как раз сейчас? Еще один способ разглядеть свое предназначение — собственный миф — последовать примеру Юнга: размышлять над своими снами и осознанными решениями, вести дневник и обращать внимание на то, какие истории и образы появляются там снова и снова. Рассмотрев их тщательно, можно понять, что действительно значимо для вас.

Я бы хотел сделать обзор архетипического мифа о путешествии героя, который я рассматривал в книге «Тысячеликий герой»56. Именно это явление Джойс назвал мономифом: архетипическая история, которая проявляется в коллективном бессознательном. Ее мотивы могут возникать не только в мифах и литературе. Если вы восприимчивы к ним,

они могут составить сюжет вашей собственной жизни.

Основной смысл путешествия героя заключается в том, чтобы перестать быть тем, кто ты есть, отправиться на поиски приключений, совершить некое символическое деяние и затем вернуться к нормальной жизни.

На первом этапе вы перестаете быть тем, кто вы есть, где бы вы ни находились. Вы можете покинуть свою привычную обстановку оттого, что среда слишком давит на вас и вы хотите уйти из-под ее гнета. Или, допустим, вы можете *откликнуться на зов странствий,* ощутив растущую тягу к приключениям, которая вдруг охватывает вас. В европейских мифах этот зов обычно воплощен в образе зверя — оленя или кабана, — который сумел ускользнуть от охотника и завести его в незнакомую часть леса. Герой не знает, где очутился, как отсюда выбраться или куда теперь отправиться. Тут-то и начинается приключение.

Еще один распространенный зачин — похищение: нечто ценное (или некто ценный) пропали, и вам нужно отправиться на поиски в мир, наполненный неведомыми силами и могущественными существами.

Можно и не откликнуться на этот зов. Вы услышали или ощутили призыв, может быть, даже последовали за ним, но по той или иной причине отказались идти дальше. Один находит причину, по которой не следует уходить, второй испугался или произошло что-то еще в этом роде, и человек остается там, где был; конечно, результаты радикально отличаются от тех, что получает тот, кто на этот зов откликнулся.

Я думаю, что кризис шамана — это наиболее живой и увлекательный пример зова в реальной жизни. В исследованиях, которые приводятся в первом томе моего «Исторического атласа мировой мифологии»57, есть множество примеров такого кризиса у разных племен. Обычно молодой человек, бродя в одиночестве по берегу океана, или в горах, или в лесу, слышит неземную музыку; за этой музыкой следует некое видение, усиливающее призыв.

Вообще-то быть шаманом — это штука малоприятная в любом обществе, и многие молодые люди просто не соглашаются на это. Увы, тех, кто решает не откликаться на зов, ждет несчастье. Они или погибнут, или попытаются вести обывательскую жизнь, но словно перестанут существовать, став теми, кого Т. С. Элиот назвал «полыми людьми»58.

Ранее я уже упоминал о случае с одной женщиной из Западной Вирджинии, в преклонном возрасте обратившейся к психоаналитику. Ее преследовало чувство, что она так и не прожила свою жизнь, что она сама — пуста, как скорлупа от ореха. В процессе психоанализа, заглянув в глубины прошлого, она вспомнила, как гуляла в лесу и услышала чудесную музыку; к сожалению, она не знала, что делать с этим опытом. И с того момента она словно бы не жила. А вот в архаическом обществе ее семья и шаман племени знали бы, как поступить.

Если не ответить на зов, вы словно иссыхаете, и смысл жизни потерян. Если ответить — вас ожидает опасное путешествие. Оно всегда так опасно оттого, что вы покидаете привычное окружение. В мифах это представлено как выход из известного мира в огромное внешнее пространство. Я называю это «переступить порог». Это переход от сознательного в бессознательный мир, который предстает в огромном множестве образов, в зависимости от культурной среды мифа. Это может быть погружение в океан, путь по пустыне, блуждание в темной чаще, наконец, приезд в незнакомый город. Это может описываться как восхождение, или как спуск, или как движение за горизонт, но всегда остается приключением, шагом в неизведанное через ворота ли, через пещеру или сомкнутые скалы.

Можно спросить: в чем смысл образа сомкнутых скал? Это замечательный символ. Мы живем в царстве противоположностей: истинного и ложного, света и тьмы, добра и зла, мужского и женского — словом, бинарных оппозиций, которые включает в себя дуалистический взгляд на мир. Интуиция, которая находится по ту сторону добра и зла, выходит за рамки этих пар противоположностей — и открывает путь к тайне. Однако интуитивное озарение заканчивается, поскольку сознание возвращается назад и закрывает за собой дверь. Смысл приключений героя в том, чтобы, оставаясь в своем теле, протиснуться

туда, где дуалистические правила неприменимы.

Когда я был в Индии, то захотел встретиться с настоящим, первоклассным духовным наставником. Мне не хотелось слушать рассуждения про *майю,* уход из мира и тому подобное. За пятнадцать-двадцать лет мне это порядком поднадоело. Я стал искать такого человека и услышал об одном наставнике из Тривандрума, милого городка на юго-западе Индии. Звали учителя Шри Кришна Менон59.

Не без сложностей я сумел получить согласие этого замечательного человека принять меня. И вот мы сидели в креслах, друг напротив друга. Конечно, первым делам он осведомился: «У вас есть вопрос?»

Мне повезло, как я выяснил позже. Я задал ему именно тот вопрос, с которым и *он сам* когда-то впервые обратился к своему гуру. А спросил я вот что: «Если все, что нас окружает, есть *брахман* и все пронизано божественным сиянием, как же получается, что часть этого мы отвергаем? Говорим же мы “нет” жестокости? Невежеству?»

На это он ответил: «Что до нас с вами, мы не отвергаем». Потом он задал тему для небольшой медитации — хорошую тему: «Где находитесь вы сами в промежутке между двумя вашими мыслями? Вы думаете о себе самом, что бы вы ни делали. У вас есть образ вас самих — ваше эго. Итак, где вы находитесь в промежутке между двумя вашими мыслями?»

Вот что показывает вам интуитивное озарение. Эта мысль, та мысль, рябь на поверхности вашего разума — бывает ли хотя бы слабый проблеск чего-то, трансцендирующего все, что вы можете помыслить о себе самом? Это и есть место силы. И тогда переход героя через порог — это просто путь туда, где не существует бинарности, где вы оказываетесь по другую сторону добра и зла. В этом, несомненно, заключен смысл образа смыкающихся скал.

Этот мотив давно известен как образ волшебной двери. Он возникает в историях американских индейцев, в греческих историях, в эскимосских историях, в историях со всего света, — архетипический образ, означающий движение к отказу судить что бы то ни было.

Другим испытанием на границе двух миров может стать встреча с темной противоположностью, с тенью, где сияющий герой встречает тьму. Она может принять образ дракона или злокозненного врага. В любом случае герой должен убить того и другого и войти в иной мир живым.

Еще один образ перехода на ту сторону — расчленение героя на куски. В этом случае он попадает в царство приключений мертвым. Вам знакома египетская легенда о боге Осирисе: его убивают, разрубают на части, а потом собирают вновь. Это типичный мотив; вспомните отца невесты бизона из мифа черноногих индейцев, того самого, которого затоптали в клочья, а затем воскресили.

После того как жестокое испытание окончено, вы воскресаете из мертвых. Можно очень по-разному представлять этот путь и очень по-разному испытывать его. Иногда это описание персонифицировано — как противостояние демонам или богам в *Тибетской Книге мертвых.* Во многих мифах и сновидениях оно представляется путешествием через темный океан или горный путь.

В любом случае неважно, что с вами случилось, разрубили вас на части, распяли вас на кресте или вас проглотил кит, — вы входите в царство смерти. Христос на Кресте совершил такой переход: Крест — это порог, за которым он чудесно воссоединится с Богом Отцом.

Как только вы шагнули за порог, вас ждет приключение. Если этот путь соответствует вашей глубокой психологической потребности или готовности, на этом пути появятся помощники, чтобы поддержать вас с помощью волшебства. Это могут быть маленький лесной эльф, или мудрец, или фея-крестная, или животное, которое появляется перед вами как спутник или советчик, рассказывая об опасностях, которые подстерегают вас на пути, и советуя, как их преодолеть. Вам дарят талисманы, которые будут защищать вас, образы, с помощью которых вы можете медитировать, показывают *мудры* (жесты или положения руки) и мантры (слова для заклинаний и размышлений), которые направят вас и позволят не сбиться с пути. Путь этот узок, это меч, переброшенный через пропасть вместо моста;

шагнув в сторону, вы останетесь без всякой помощи и без всякого представления о том, что делать дальше.

После того как вы получили волшебную помощь, вам предстоит пройти целый ряд все более страшных проверок и испытаний. Чем дальше вы на этом опасном пути, тем яростнее вам сопротивляются. Вы попадаете в те области бессознательного, которые подавляли: тень, анима/анимус и вся остальная часть не интегрированного собственного я; вам нужно пройти именно сквозь систему его подавления. Безусловно, именно здесь больше всего нужна волшебная помощь.

И тогда эти испытания символизируют самореализацию, процесс посвящения в тайны жизни. Существует четыре вида препятствий на этом тернистом пути, которые, я думаю, представляют всю полноту возможностей.

Первое из них — эротическая встреча с идеальной возлюбленной: я называю эту встречу встречей с богиней. Это испытание должно служить интеграции анимы/анимуса. В мифологическом словаре алхимиков это называется священным браком *(hieros gamos).* Юнг много пишет о символизме такого союза60. В мифах о приключениях священный брак — союз с богиней мира или с каким-то менее значительным воплощением ее власти. Это история о принце, который находит Спящую Красавицу, о женитьбе Рамы на Сите в «Рамаяне»[40].

Но если вы не готовы к этой встрече, богиня может предстать перед вами в менее привлекательном виде. Актеон, потерявший связь со своей анимой, случайно видит обнаженную Артемиду в купальне, и эта встреча оказывается для него роковой. Она превращает его в оленя и до смерти затравливает своими охотничьими псами. Богиня может предстать и в образе искусительницы, как суккуб[41], который хочет сбить вас с истинного пути.

Что касается женщин, то этот божественный союз часто представлен как зачатие от бога. В «Метаморфозах» Овидия многие боги преследуют нимф; бог появляется в образе быка или золотого дождя — и вот уже вы носите под сердцем драгоценную ношу. Потом этот ребенок становится символом союза противоположностей, мужского и женского. Безусловно, в этом и заключено подлинное значение Непорочного Зачатия: женщина входит в новую жизнь после того, как ее посетил Бог.

В подобных мифах следующий этап приключения — это, конечно, рождение ребенка и затем передача его приемным родителям, подобно тому, как Иоахевед[42] воспитала Моисея. Но помните, что это дитя — не обычный ребенок в физиологическом смысле этого слова; он является воплощением духовной жизни.

Итак, первый этап на этом пути — это священный брак. Волшебная сказка всегда так и заканчивается: влюбленные обмениваются поцелуем, а затем живут вместе долго и счастливо. Что же, поверьте человеку, который более полувека счастливо прожил в браке: я моту с уверенностью заявить, что «с *тех пор долго и счастливо* » — это только начало. Как и

---

[40] «Рамаяна», «Сказание о Раме» — часть индуистского канона смрити, эпос на санскрите, действие которого происходит примерно в III тысячелетии до н. э. В основе сюжета — история царственного изгнанника Рамы и его верной супруги, кроткой Ситы.

[41] Суккубы, или суккубусы (лат. «суккубаре» — лежать под чем-либо), — демоны-обольстительницы, являющиеся мужчинам во сне и совращающие их.

[42] Иоахевед, или Йохевед, — мать Моисея. Фараон приказал бросать в Нил всех новорожденных иудейских мальчиков, так как видел в них угрозу своему царствованию. Йохевед скрывала сына от слуг фараона три месяца, а потом положила в осмоленную корзину и пустила по Нилу вниз, в то время как его сестра Мириам, прячась в тростниках, следила за тем, чтобы с ребенком ничего не случилось. Корзину выловила дочь фараона, которая забрала младенца во дворец. Позднее, по совету Мириам, дочь фараона нашла ребенку еврейскую кормилицу — то есть саму же Йохевед, родную мать Моисея.

сама жизнь, многие мифы с этого момента только начинаются.

Второе испытание на этом трудном пути — то, что называется воссоединением с отцом, и это испытание, безусловно, является мужским обрядом инициации. Сын рос отдельно от отца; он жил не в соответствии со своим уделом. Возможно, он жил как девочка, подобно Ахиллесу, или как крестьянский мальчик в истории про Парсифаля[43]. Возможно, его усыновили как принца, но совсем не те люди, которым следовало, что и произошло с Моисеем. И когда он отважно отправляется на поиски, то находит отца, пребывающего в мире хаоса за пределами материнского мира, — можно сказать, он минует мир матери, чтобы обрести отца.

В историях о примирении с отцом женщина или указывает дорогу, или является в образе соблазнительницы, преграждающей путь. У индейцев *майя* — это женское начало, которое воплощает зримую Вселенную, и открывая истину, и скрывая ее. Ее темная сторона — ведьма, а светлая — указательница пути, окутанная сиянием Леди Озера.

В символике христианства центральным образом является воссоединение с отцом; Христос отправляется к Отцу после Распятия. Часто на изображениях Распятия вы видите Марию, стоящую у основания Креста. Во многих культурах крест — это одновременно и символ земли, и символ женского начала. Мария — это крест; она была теми воротами, через которые Христос вошел из вечности в пространство времени, а теперь она воплощает путь назад. Рождение в мир — это распятие духа, а распятие тела отпускает дух назад в вечность.

В фильме Джорджа Лукаса «Возвращение джедая» Люк Скайуокер, рискуя жизнью, искупает вину отца, Дарта Вейдера. Мифологический мотив обыгран по максимуму: при воссоединении сын спасает отца, а отец — сына.

Третий пункт назначения к самореализации — это апофеоз, где вы осознаете, что вы сами и есть то, что вы искали. Ярчайший пример тому — это минута, когда Гаутама Шакьямуни достигает просветления и понимает: «Я — Будда».

Вот три главных свершения, выраженные с помощью символов: *hieros gamos* — священный брак, воссоединение с анимусом или анимой; воссоединение с отцом; и апофеоз, познание самого себя, подобно Гаутаме, сидевшему под деревом Бодхи[44] и познавшему самого себя как воплощение вселенского буддистского сознания.

Четвертое свершение — совершенно иного порядка. Вместо того чтобы медленно продвигаться вперед, следуя от тайны к тайне, совершается яростный прорыв, преодоление разом всех препятствий на пути к желанной цели: похищение огня Прометеем. Вариантом этого сюжета является поиск невесты — у героя отняли возлюбленную, и он отправляется спасти ее от похитителя, чудовища-людоеда. Жену Рамы Ситу похитил Равана, повелитель демонов. Значительная часть «Рамаяны» посвящена спасению Ситы — это история о поисках невесты.

В любом случае, как только сокровище вырвали из рук врага, примирение с силами потустороннего мира невозможно — никакого священного брака, никакого воссоединения с отцом, никакого апофеоза — и следует яростная реакция всей системы подсознательного на этот поступок: герою нужно бежать.

Это психотическое состояние. Вы силой вырвали какую-то часть знания из глубочайших недр подсознания, и теперь демоны вырвались на свободу, чтобы отомстить.

Здесь вы сталкиваетесь с мотивом полета — излюбленным сюжетом волшебных сказок и североамериканских легенд. Летящий по небу герой через плечо швыряет в своих врагов гребешки, которые превращаются в леса, камни, которые становятся горами, зеркала,

[43] Согласно легенде, мать Парсифаля, будущего рыцаря Круглого стола, скрывала от него его рыцарское происхождение и воспитала как крестьянского мальчика, чтобы Парсифаль не погиб в бою, защищая честь какой-нибудь прекрасной дамы (как его отец и старшие братья).

[44] Бодхи в буддизме — легендарное дерево, медитируя под которым, принц Гаутама достиг просветления и стал Буддой.

которые разливаются озерами, — и так далее. Чудовище, кипя от ярости, преследует его, часто это бывает людоедка, которая гонится за ним по пятам. Таким образом подсознание стремится проявить материнскую волю в ее агрессивном, негативном аспекте.

Теперь снова нужно перейти черту — я называю это «возвращением через порог». Граница, которую вы преодолели, когда погрузились в бездну, — это та же самая черта, через которую нужно перейти, когда вы оставляете позади свою мощь. Но можно ли вернуться в мир света? Произойдет ли спонтанная ремиссия, назовем ее так, или вы останетесь за чертой, став добычей потусторонних сил?

Нет, произойдет кризис, связанный со спуском и возвращением. Если вы вошли туда после того, как вас проглотил кит, например как Иону, которого поглотила бездна, в конце кит извергнет вас. Если вы совершили путешествие по воде — как Иосиф в колодце или Одиссей в темном море, — вы вернетесь по воде: как Моисей, главный герой Ветхого Завета, который провел свой народ через Красное Море, или Одиссей, которого волны выбросили на берег Итаки. Если ступаете на тропу приключений, проходя через Симплегады[45], смыкающиеся скалы, то и вернетесь назад похожим образом.

Вся мысль заключается в том, что вы должны вынести оттуда свою находку — ваш собственный нереализованный, неиспользованный потенциал. Весь смысл путешествия — в том, чтобы снова принести этот потенциал в мир; самому себе, живущему в этом мире. Вам нужно вернуть себе это сокровище, это понимание и интегрировать его в рациональную жизнь. Несомненно, это очень сложно. Присвоить драгоценную добычу бывает еще гораздо сложнее, чем погрузиться в собственные глубины.

Предположим, молодой человек приезжает в Нью-Йорк, чтобы изучать искусство. Он покинул Висконсин и погрузился в потусторонний мир Гринвич Виллидж[46], где встречает нимф, которые соблазняют и вдохновляют его, наставника, который учит его, и так далее. В конце концов, с их помощью и благодаря собственному усердию и таланту он вырабатывает свой собственный стиль.

Первый кризис происходит, когда он должен перестать копировать своего учителя и найти свою манеру. Это очень важный момент в любом творчестве. Я сталкивался со множеством забавных ситуаций. Иногда бывает так, что наставник не желает, чтобы у его учеников был собственный почерк. И кто-то из студентов в порыве вдохновения навлекает на себя бешеную ненависть человека, который раньше был его учителем.

Наконец, выработав индивидуальный стиль, наш молодой человек приходит на 57-ю улицу[47], чтобы продать свои картины, а галерейщик оказывает ему весьма холодный прием. Дело в том, что вы должны предложить нечто такое, в чем нуждается этот мир, — зрители за этим и приходят, но никто под этим солнцем и не догадывается, что им нужен именно тот дар, что предлагаете вы. На эту ситуацию есть три возможные реакции — если вы готовы перешагнуть назад через порог, принося свой великий дар миру.

Первая реакция — полное равнодушие. Ах, никому и дела нет до великого дара, что вы принесли? Можно сказать себе: «К черту их всех. Я возвращаюсь в Висконсин». Потом вы заводите собаку, покупаете трубку, и у вас под забором разрастаются сорняки. А вы пока рисуете свои картины, которые обнаружат через тысячу лет и признают величайшими

---

45 Симплегады (греч. «сталкивающиеся») — скалы, плававшие у входа в Понт Эвксинский; сталкиваясь, они уничтожали корабли. Когда аргонавты смогли проплыть между ними, Симплегады застыли и перестали угрожать мореплавателям. (Источник: «Мифы Древней Греции. Словарь-справочник», EdwART, 2009.)

46 Район Нью-Йорка Гринвич Виллидж (Greenwich Village) находится в западной части Нижнего Манхэттена. Географически расположен между рекой Гудзон и Бродвеем. Долгое время был излюбленным районом богемы — молодых художников, писателей, артистов (сейчас снимать там жилье намного дороже, и Гринвич Виллидж превратился из «богемного» в «богатый» район).

47 Улица в Нью-Йорке, знаменитая своими арт-галереями.

шедеврами двадцать первого столетия. Вы возвращаетесь в свой заново обретенный целостный рай, а окружающий мир пусть себе догнивает.

Второй вариант — спросить: «Чего же они хотят?» Теперь у вас есть мастерство и вы можете дать людям то, о чем они просят. Это называется искусством на продажу. Вы твердите себе: «Вот заработаю побольше денег, и тогда — все, начну создавать шедевр». Конечно, этого никогда не произойдет, потому что вы уже создали определенный стиль, в котором самовыражаетесь, и он не позволит вам вернуться к тому, что было прежде; оно утрачено. Но у вас, по крайней мере, есть общественное признание, а это чего-то да стоит.

Третий возможный вариант — попробовать найти какой-то аспект, место, область, куда вы можете встроиться так, чтобы отдать хотя бы немногое из того, что у вас есть. Это — педагогическое отношение, когда вы помогаете людям осознать свои нужды — то, в чем когда-то нуждались вы сами и что теперь готовы передать другим.

Первая опция — это отказ от возвращения. Вторая — это возвращение в общество, но без проклятого дара: они получают лишь то, чего хотят. А третий вариант — обучение: вы стараетесь найти способы или верные слова, которые помогут вам поделиться с другими обретенным вами чудом, сформулировав свое послание в терминах и пропорциях, доступных их уровню восприятия. Вы всегда можете выбрать третий путь, но для этого требуется много снисходительности и терпения.

В крайнем случае можно стать преподавателем.

Вы увидите: если вы не оборвете связь с обществом, то рано или поздно сможете донести до людей то, что хотите сказать. Я в этом убедился.

Художник, который открыл свой собственный стиль, заговорил своим собственным голосом, возвращается и становится учителем, учит искусству. Может быть, он отдает не все, что у него есть, но делится чем-то таким, что соответствует его убеждению, чем он должен поделиться и что общество готово воспринять. Он получает адекватный доход, чтобы было на что жить, создавая свои картины и постепенно формируя круг благодарных зрителей в художественной галерее.

Лично я провел время Великой депрессии в лесах, и мне не оставалось ничего делать, кроме как читать книги. Я так и читал пять лет, сидя без работы. Видите ли, когда я был молод, в годы Депрессии, люди, которых можно было бы назвать представителями альтернативной культуры, были полностью отвергнуты обществом. Для них там просто не было места. Это не тот случай, когда с человеком не общаются, потому что недолюбливают его или потому что хотят сделать его лучше.

Что же я стал делать? Я читал. Я следовал от одной книги к другой, от одного мыслителя к другому по пути своей благодати, хотя и не знал в тот момент, что именно делаю.

Потом у меня появилась работа. Я погрузился в Шпенглера и Юнга, Шопенгауэра и Джойса, а потом ко мне обратились со скромным предложением: не хотите ли вы вести литературу в колледже Сара Лоуренс? И когда я увидел, какие там учатся девушки, я понял, что эта работа мне по душе. А зарплата составляла 2200 долларов в год[48].

Я стремился вернуться в этот мир и поделиться с ним тем, что я узнал. Я следовал за своей путеводной звездой, я действительно нашел за те пять лет все то, чем я сейчас делюсь с вами.

Примерно в то же время, когда я начал преподавать, вышла в свет замечательная книга «Поминки по Финнегану». И никто не понял, о чем она, — кроме меня и нескольких безумных ирландцев. Все, о чем в этой книге написал Джойс, было непосредственно связано с тем, во что я был погружен в течение этих пяти уединенных лет.

Я обратился к одному такому же ненормальному, как и я, моему коллеге Генри

---

48 Примерно 183 доллара в месяц, очень скромная сумма (в районе 10-12 тыс. рублей на сегодняшние российские деньги).

Мортону Робинсону[49], и сказал: «Нужно, чтобы какие-нибудь безумцы объяснили всем, о чем это. Может быть, это будем мы с тобой». Так и родилась моя первая книга, «Отмычка к “Поминкам по Финнегану”»61.

Но даже в той ситуации мы, проработав над книгой еще пять лет, не могли продать ее. В какой-то момент мы даже подумывали издать ее на свои средства — а это бы стоило кучу денег, — но как раз тогда я увидел пьесу Торнтона Уайлдера «На волосок от гибели»[50], недавно ставшую хитом на Бродвее. А я услышал в ней отголосок «Поминок по Финнегану». Я, единственный в городе, понимал это и жадно ловил цитаты из пьесы, которые появлялись одна за другой. Вот так и возвращаешься в реальный мир.

Я позвонил Робинсону и сказал ему: «Господи, этот Уайлдер гребет деньги лопатой и купается в славе благодаря своей пьесе, а ведь она — ничто иное как “Поминки по Финнегану”». Джойс только что умер, и его семья очень нуждалась. Я сказал: «Думаю, нужно написать в “Нью-Йорк Таймс”».

И мой коллега позвонил Норману Казинсу[51], редактору еженедельника «Сатедей Ревью», и спросил: «“На волосок от гибели” — это же “Поминки по Финнегану”, вам это интересно?» Казинс ответил: «Приносите свою статью сегодня вечером».

Итак, мы передали работу Казинсу, он прочел ее, и первое, что он сказал, было: «Давайте назовем ее “На волосок от чего?”» Статью опубликовали, и о нас написали в передовицах по всей Америке62.

И тут на нас набросились, словно пикирующие бомбардировщики, журналисты. Мы оказались на войне, где Уайлдер был Капитаном Уайлдером, Майором Уайлдером, практически Генералом Уайлдером. «Да кто они такие, эта пара ирландцев?! Да и этот парень, Джойс, со своими *Улиссами* и *Финнеганами,* — это не та культура, за которую мы боремся. Не та». Но никто не сумел прочесть «Поминки по Финнегану», так что никто не мог понять, правду мы написали или нет. И когда журналисты шли к своему паршивцу Уайлдеру и спрашивали его мнение о нашей статье, он отвечал: «Ну что же, посмотрите мою пьесу, ознакомьтесь с “Поминками по Финнегану”, а потом скажите, что думаете об этом». Конечно, у них не получалось.

Он претендовал на титул великого американского писателя, на то, что созданное им произведение возросло на американской почве, утверждая, что идея пьесы возникла у него на представлении дешевенького мюзикла «Ад раскрылся»[52], пьеса просто упала ему на колени, как новорожденная Афина, вышедшая из брови Зевса.

Это была полная чушь. Я сказал Робинсону: «Подожди, остынь немного. Пусть он

---

[49] Генри Мортон Робинсон (1898-1961) — американский романист. Как и Кэмпбелл, закончил Колумбийский университет. Помимо работы «Отмычка к “Поминкам по Финнегану”» в соавторстве с Кэмпбеллом, известен своим романом «Кардинал» и многолетней редакторской работой в «Ридерз Дайджест».

[50] Торнтон Найвен Уайлдер (1897-1975) — американский драматург и романист, автор знаменитых романов «Мост короля Людовика» и «Мартовские иды», множества других романов и пьес. Неоднократный лауреат Пулитцеровской премии. Его пьеса «На волосок от гибели» *(“By the skin of teeth",* 1942) «представляет в драматической форме вечную борьбу человечества за существование и охватывает весь путь цивилизации — от ледникового периода через библейские времена к современному Нью-Джерси». (Энциклопедия «Кругосвет».)

[51] Норман Казинс (1915-1990) — врач, писатель и журналист, старший преподаватель медицинского факультета Калифорнийского университета, редактор газеты «Сатедей Ревью», тираж которого, благодаря его усилиям, вырос с 15,000 до 650,000, специалист по биохимии эмоций. Автор шестнадцати книг, покровитель американских интеллектуалов-интернационалистов.

[52] «Ад раскрылся» (англ. “Hellzapoppin”) — мюзикл-комедия 1941 года о бродвейских актерах. Отличается запутанными любовными перипетиями и довольно сложным сюжетом, где перемешаны реальность представления, в котором играют герои, реальность самого мюзикла и даже реальность зрителя. По крайней мере, мюзикл к этому эффекту стремится.

прокричится».

И вот выходит «На волосок от гибели» в виде книги. Она номинируется на литературные премии — Пулитцера и Тони[53]. Я прошелся по ее тексту с микроскопом и обнаружил около двухсот пятидесяти аналогий: характеры, темы и наконец дословную цитату, слово в слово, длиной в четыре строки.

И тогда появилась наша «На волосок от чего? Часть II». Мы проанализировали параллели, строка за строкой. Все было кончено. Премий Уайлдеру не досталось[54].

Тогда Казинс спросил: «Ребята, а у вас есть еще что-нибудь?» — и мы подумали: «А дадим-ка мы ему первую главу от “Отмычки к «Поминкам по Финнегану»”». Он передал ее в издательство «Харкорт Брейс»[55], которое уже однажды отказалось публиковать нашу книгу. Они отправили текст Т. С. Элиоту[56], и тот ответил: «Покупайте».

Вот так мы ее и продали. Вот так и возвращаются в мир обыденного. Мы много потрудились, но удача нам пришлась очень кстати.

Существует и еще одна возможность. В Вудстоке, где я долго жил во время Великой депрессии, я познакомился с одним художником. У него было признание, он выставлялся в художественной галерее и писал в манере, типичной для коммерческого искусства. Однажды с ним произошла кардинальная перемена. Он пережил душевный срыв, и у него стал проявляться более яркий, дерзкий стиль. Он принес свои новые работы в галерею и услышал: «Нам такого не надо. Публике нравятся такие картины, как вы рисовали раньше».

Успех может превратиться в ловушку. В Соединенных Штатах так оно и бывает — я не думаю, что везде дела обстоят одинаково. Так случилось со всеми романистами, которые публиковались в двадцатые годы: Синклером Льюисом, Теодором Драйзером, Эрнестом Хэмингуэем, Френсисом Скоттом Фитцджеральдом и остальными. Они создавали свое первое произведение, явно показывающее талант автора, за ним следовало другое, еще более яркое, затем шло третье — которое вдруг привлекало внимание читателей. Потом они пытались творить все в том же стиле, получалось хуже и хуже... И Синклер Льюис — прекрасный тому пример. Его ранние работы становились все лучше и лучше, а затем, после романа «Эрроусмит», случилась катастрофа. С Хэмингуэем произошло нечто подобное. Его ранние вещи просто чудесны. Но после «Прощай, оружие!» что от него осталось?

Так бывает и с художниками. Я думаю: зачем тратить время на создание картины, которая в точности повторяет то, что вы уже рисовали? Смысл картины не в объектах, которые на ней изображены, а в экспериментах с формой. Если все время повторять одну и ту же форму, вы мертвеете, из вашего творчества уходит жизнь.

Позвольте мне рассказать несколько историй, которые дают пример того, что такое

---

53 Премия «Тони» (англ. Tony Award) — популярное название премии, ежегодно присуждаемой за достижения в области американского театра.

Пулитцеровская премия, основанная медиамагнатом Джозефом Пулитцером, — престижнейшая американская награда, которая присуждается за выдающиеся достижения в области литературы и журналистики. Ее сумма составляет 10,000 долларов.

54 Здесь Джозеф Кэмпбелл не точно сообщает факты. В 1943 году Уайлдер все-таки получил Пулитцеровскую премию за «На волосок от гибели».

55 «Харкорт, Брейс энд Уорлд» (Harcourt, Brace and World) — концерн, возникший в 1960 году в результате слияния издательств «Харкорт, Брейс энд К°» (основано в 1919) и «Уорлд бук К°» (основано в 1923). Издает учебную литературу для высшей школы, учебные пособия по естественным наукам, художественную литературу, аудиовизуальные пособия («Советская энциклопедия»). В «Харкорт Брейс» издавались многие знаменитые авторы, включая Дж. Оруэлла и А. Сент-Экзюпери, но многим и отказывали — например, без основательной переделки издательство не решилось работать с книгой «Над пропастью в ржи» Д. Сэлинджера.

56 Томас Стернз Элиот (1888-1965) был не только знаменитым поэтом, автором «Бесплодной земли» и критиком, но и директором крупного издательства «Фабер и Фабер».

путешествие героя. Пусть они станут для вас пищей для размышления.

Первая история — это «Принц-лягушка», самая первая из сказок Братьев Гримм. Мы начнем с этой маленькой девочки — принцессы, конечно, — у которой был маленький золотой шарик.

Золото — это материал, не поддающийся коррозии, а сфера — это идеальная форма. Она *принадлежит* принцессе — это сфера ее души. Итак, принцесса любит уходить на опушку леса. Дело происходит в Германии, где лес — это глухая чаща, как я уже упоминал. Принцесса сидит и играет у небольшого озерца, на дне которого бьет лесной источник, у этого входа в потусторонний мир. Она любит играть со своей душой, подбрасывать вверх и ловить. Она все бросает и ловит свой маленький шарик, подбрасывает и ловит, подбрасывает и ловит, пока, наконец, не роняет прямо в озеро.

Теперь ее собственное я, ее потенциал, поглощено потусторонним миром. Когда это происходит, подземные силы призывают маленького дракона, хранителя порога — уродливого лягушонка. Да, лягушонок со дна пруда — в каком-то смысле сказочный дракон.

Принцесса потеряла шарик и расплакалась; она потеряла свою душу. Я думаю, что это депрессия, это потеря энергии и радости жизни; что-то очень важное утрачено. Похожая утрата упоминается в *Илиаде,* когда похищена Елена Прекрасная, и с этого момента раскручивается все эпическое приключение, поскольку властители и воины Греции должны вернуть ее.

Лягушонок, житель подземного мира, всплывает на поверхность и спрашивает: «Что случилось, малышка?»

Она отвечает: «Я потеряла мой золотой шарик».

Он с изысканной вежливостью говорит: «Я достану его для тебя».

Но будучи разумным лягушонком, тут же интересуется: «А что мне за это будет?»

За драгоценность, так нужную принцессе, придется что-то отдать взамен; требуется заключить сделку. И маленькая принцесса говорит: «Я подарю тебе мою золотую корону».

Он качает зеленой головой: «Я не хочу твою золотую корону».

«Я подарю тебе мое красивое шелковое платьице».

«Я не хочу твое красивое шелковое платьице».

«А чего же ты хочешь тогда?» — удивляется она.

«Я хочу есть с тобой за одним столом, и играть с тобой, и спать в твоей постели».

Недооценив лягушонка, принцесса соглашается на это.

Лягушонок ныряет в глубину и достает оттуда шарик. Интересно, что он тоже герой, и происходящее — приключение и для него.

Лягушонок отдает шарик девочке, а она, даже не сказав «спасибо», хватает драгоценность и со всех ног бежит домой.

Он скачет за ней вслед, приговаривая: «Подожди меня!» — но, к сожалению, прыгает слишком медленно. Принцесса прибегает домой, думая, что он отстал.

Вечером она, Папа-Король и Мама-Королева ужинают. Похоже, что в том дворце обеденный стол располагался очень близко к входной двери, поскольку за ужином они вдруг слышат, как кто-то шлеп-шлеп-шлепает к ним вверх по ступенькам. Принцесса при этих звука немного бледнеет.

Папа спрашивает: «Что такое, дорогая, кто это?»

«А это лягушонок, с которым я познакомилась».

Король был мудрым и сразу задает вопрос: «Ты ему что-то пообещала?» Так появляется норма морали, комплекс персоны, — вы знаете, что необходимо соотносить их друг с другом.

Конечно, принцесса вынуждена признаться, что действительно кое-что пообещала.

Король говорит: «Открой дверь и впусти его».

И вот лягушонок запрыгивает внутрь. Принцессе неловко, и она освобождает для него немного места под столом; но его это не устраивает. Он говорит: «Нет, я хочу быть на столе; я хочу есть из твоей золотой тарелки». Как вы понимаете, папа испортил юной леди весь

ужин.

Наконец, трапеза закончена, и принцесса идет укладываться спать. И снова лягушонок шлепает за ней вслед по ступенькам и громко стучится в дверь. Он говорит: «Я хочу войти». Делать нечего, принцесса впускает его.

«Я хочу спать в твоей кровати вместе с тобой».

Вот уж это она стерпеть не в силах.

Фрейдистам эта история очень нравится.

У этой истории есть несколько вариантов окончания, самый знаменитый из которых — «принцесса целует его, и происходит превращение». Но мне больше нравится вариант, где она хватает его и швыряет об стену. Лягушонок разваливается на части, и из него выходит прекрасный принц с ресницами, как у верблюда.

Тут мы понимаем, что он, оказывается, тоже попал в беду. Его прокляли, и ведьма превратила его в лягушонка. Маленький мальчик, который не посмел вырасти, и маленькая девочка на пороге взрослой жизни, оба они отказывались взрослеть, но каждый из них помогает другому преодолеть этот невротический застой. Конечно, они немедленно влюбляются друг в друга, и анима объединяется с анимусом.

На следующее утро принцесса знакомит жениха с Папой и Мамой, и влюбленные женятся. Вдруг к парадному входу подъезжает королевская карета. Оказывается, что бывший лягушонок и вправду принц, а это — его карета, прибывшая, чтобы забрать его в собственное королевство, которое так долго горевало, когда его превратили в лягушонка. Это — мотив пустоши, центральный мотив в средневековых легендах о Граале. Король — сердце земли, и пока с ним что-то не так, страна в запустении.

Итак, новобрачные садятся в карету и в пути вдруг слышат громкий *хлопок.* Принц спрашивает кучера: «Что случилось, Генрих?»

Кучер отвечает: «Понимаете, с тех пор, как вы пропали, любезный принц, сердце мое от горя сдавили четыре железных обруча, и вот один из них лопнул».

По дороге еще три раза слышатся эти хлопки, и наконец сердце кучера начинает биться нормально. Очевидно, сам кучер — это символ королевства, нуждающегося в принце, от которого исходит сила, и который управляет ею. Он пребывал в потустороннем мире против своей воли, но там, в этом ином мире, он нашел свою маленькую невесту. Так что все хорошо, что хорошо кончается, уж простите за каламбур.

Мне особенно нравится эта история оттого, что оба героя были в беде, и оба побывали в бездне, и каждый спас другого. А тем временем мир ждал возвращения принца.

Еще одна история, которая укладывается в эту схему, — легенда индейцев навахо. Она называется «Как двое пришли к своему отцу», и я анализировал ее в первой книге, над которой я работал, редактируя и составляя комментарии для антрополога Мод Оукс[57].

В историях североамериканских индейцев часто фигурируют герои-близнецы. Один из них — деятель, а другой — задумчивый созерцатель: экстраверт и интроверт.

Первого из молодых людей зовут Убивающий Врагов. Он общителен и агрессивен. Имя второго — Дитя Воды. Он мудрец. Их мать, Меняющаяся Женщина, зачала их, когда солнце проникло в ее утробу, проходя по небосклону.

Вокруг их дома живут чудища, и мать говорит им: «Не уходите далеко от дома. Вы можете идти на восток, на юг, на запад. А на север не ходите».

Конечно, братья отправляются на север. Нельзя изменить ситуацию, не нарушая правил. Ее запрет — это зов, с которого начинаются приключения.

Они хотят прийти к своему отцу и взять оружие, чтобы помочь матери и одолеть всех чудищ. Человек Радуги переносит их на край света, на порог. На каждом направлении, указанном на компасе, путь им преграждают по стражу: Мальчик Голубых Песков, Мальчик

---

[57] Мод Оукс (1903-1990) — исследовательница и этнограф, писательница и художница, изучала культуру индейцев.

Красных Песков, Мальчик Черных Песков и Мальчик Белых Песков. Близнецы льстят этим кровожадным существам, восхваляют их и рассказывают, что отправились за оружием к своему отцу, солнцу; стражи пропускают их.

И вот пределы знакомого мира позади. Братья попадают в место, напоминающее пустыню, где ничего не растет. Они встречают маленькую старушку: ее зовут Старость. Она спрашивает: «Что вы здесь делаете, мальчики?»

И они рассказывают, что идут к своему отцу, солнцу. «Это долгий путь, — говорит старушка. — Вы состаритесь и умрете, прежде, чем доберетесь туда. Я хочу дать вам совет. Не ходите туда по этой тропинке. Сверните направо».

Братья пускаются в путь, но забывают, что идут по тропе, и вдруг понимают, что устали и состарились; им приходится взять палки и опираться на них, как на посохи, иначе они совсем не смогут идти.

Старушка снова появляется и начинает причитать: «Ах-ах, я же вам говорила».

«Ну, а ты можешь исцелить нас?»

Она проводит руками у себя под мышками и между бедрами и этим натирает тела мальчиков. Они вновь оживают. Старость говорит им: «Теперь ступайте и держитесь подальше от моей тропы».

Братья блуждают вдоль дороги и вдруг замечают, как из-под земли курится дымок: это огонь, который развела Женщина-Паук, еще одна волшебная помощница, воплощение матери-земли.

Она приглашает их в свою маленькую подземную нору и угощает пищей, придающей силу. Она рассказывает мальчикам об опасностях, которые их подстерегают; дарит им волшебный талисман, перо, и провожает в путь.

Потом на пути им встречаются три препятствия: колючий кактус, сомкнутые скалы и режущий тростник. Но Женщина-Паук подарила им перо, которое нужно крепко держать, и оно защитит их от всех опасностей, так что они благополучно пробираются дальше.

В конце концов они приходят к океану, который окружает мир, — вы видите, существуют разные уровни неизведанного.

Теперь братьям предстоит переплыть океан; они отправляются в полет, усевшись на волшебное перо. Там, где океан и небо встречаются друг с другом и видно голубое на голубом, стоит восточный дом солнца. Тут-то героев ждут приключения — а все, что было раньше, оказывается лишь подготовкой к настоящему испытанию.

У дома стоит дочь солнца — а само солнце, конечно, далеко, совершает дневной путь. Дочь солнца спрашивает близнецов: «Кто вы, мальчики?»

Они отвечают: «Мы — сыновья солнца».

Она удивлена и говорит: «Да? Когда отец вернется, он очень рассердится. Давайте я вас спрячу». И она закутывает их в облака четырех цветов и прислоняет к двум разным дверям.

Вечером солнце возвращается и слезает с коня. У него щит из солнечного диска. Солнце вешает щит на стену и идет: кленг-кленг-кленг-кленг-кленг-кленг-кленг-кленг. Потом поворачивается к дочери и спрашивает: «Кто эти два молодых человека, которых я видел, когда они направлялись сюда?»

Она говорит: «Ты всегда говорил мне вести себя хорошо, пока ты обходишь вокруг света. Эти двое заверяют, что они — твои сыновья».

«Так, — отвечает он, — сейчас проверим».

Он находит их, спускает вниз, а потом начинается та процедура, которая знакома вам по многим-многим сказкам: отец устраивает испытание для сына — в данном случае, сыновей. Солнце швыряет их на острые пики на все четыре стороны. Они крепко держат перо Женщины-Паука. Солнце дает им курить отравленный табак. Они крепко держат перо. Солнце загоняет их в баню, чтобы они насмерть задохнулись в клубах пара, а они все крепко держат перо. Наконец Солнце говорит: «Вы мои дети, теперь проходите в другую комнату».

Там он расстилает две шкуры бизона и ставит мальчиков на каждую из них. Сверкает молния, слышится страшный гром, и Солнце нарекает близнецов подлинными именами. Они

обретают свои подлинный рост и получают оружие, которое им нужно. Так происходит примирение с отцом и обретение сокровища.

Теперь братьям пора домой. Солнце подводит их к отверстию в небе, и необходимо выдержать последнее испытание: он спрашивает, как их зовут. Как называется Северная Гора? Как называется Восточная Гора? Как называется Центральная Гора?

Они правильно отвечают на все вопросы, потому что два маленьких духа шепотом подсказывают им, что говорить. Одного зовут Черная Муха, а другого — Ветерок. Мне говорили, что если, проходя по пустыне, вы увидите, что черная муха уселась вам на плечо, — возможно, к вам пришел Священный дух, нашептывающий все ответы.

Итак, братья прошли все испытания и затем спускаются к Центральной Горе — axis munch[58], — которая у индейцев навахо ассоциируется с горой Тейлор. У ее подножья находится великое озеро, а рядом с ним обитает архетипическое чудовище — вы не способны убить физически существующих чудовищ, пока не сокрушили архетип. Зовут его Большое Одинокое Чудовище. Что интересно, оно тоже сын солнца.

Чудовища обычно путают тень и то, что ее отбрасывает. Большое Одинокое видит отражение мальчиков в озере, принимает эти отражения за своих врагов и решает выпить озеро, чтобы переварить и убить их. Выпив озеро до дна, Чудовище старательно переваривает все, что внутри его, а потом выплевывает назад. Но мальчики снова там, стоят на противоположном берегу и снова отражаются в воде. Чудовище четыре раза предпринимает ту же попытку, пока наконец не устает совсем.

И тогда мальчики идут и с помощью отца убивают чудовище — что и требовалось доказать, Папа всегда любил их больше всех.

После победы мальчики отправляются в путь к дому; они минуют границу. И здесь с ними происходит очень, очень интересная вещь; небольшой поворот сюжета, который встречается во многих мифах, — потеря сокровища. Близнецы побывали в области чистой солнечной энергии. Теперь им нужно вернуться туда, где властвует женское начало, где яростная энергия солнца должна быть взята под контроль, чтобы не погубить жизнь.

Вы никогда не задумывались, отчего это Зевс всегда маскировался, посещая земных женщин? Потому что полное выражение божественной силы убьет все вокруг, и жизнь исчезнет. Чтобы уравновесить солнечный огонь, нужна сила воды.

Покончив со своими мифологическими подвигами, герои должны окунуться в реальную, повседневную жизнь. И вот, когда они перешагивают через порог, оба спотыкаются, и волшебное оружие, которое им дал отец, разбивается на мелкие кусочки — братья остаются ни с чем.

И тут появляется божество по имени Говорящий Бог; это мужской предок всех богинь в роду, воплощающий одновременно и мужское, и женское начала. У него нос из початка кукурузы, верхние веки — это мужской дождь, а нижние веки — это женский туман. Этот андрогинный персонаж дарит им новое оружие и дает новые советы. И вот братья принимаются за чудовищ, которые безобразничают рядом с их домом, и всех их истребляют. А когда им удается покончить с последними четырьмя большими чудовищами, их силы иссякают настолько, что мальчики оказываются на краю гибели. Тогда боги спускаются с небес и проводят над ними воскрешающий ритуал. Как? Разыгрывают историю, которую я только что рассказывал вам, историю жизни близнецов. Именно этим занимается психиатр, который пытается понять, что с вами случилось, отчего вы потеряли контакт со своим подсознанием. Боги проводят для близнецов небольшую процедуру психодрамы, возвратив героям силы, необходимые, чтобы жить дальше.

Такой же ритуал проводил в присутствии антрополога Мод Оукс старый знахарь по имени Джефф Кинг в землях навахо, в начале Второй мировой войны. В США юношей из племени навахо забирали в армию, потому что их язык невозможно было расшифровать, а у

---

58 Лат. «ось мира».

немцев и японцев не было никого, кто говорил бы на этом языке. Когда молодой человек получал повестку, Джефф Кинг совершал над ним обряд посвящения в воины. Ритуал длился три дня и три ночи, за все это время легенда воспроизводилась полностью, с песнями и рисунками — целой серией из восемнадцати удивительных рисунков на песке, которые иллюстрируют миф. Задача ритуала — превратить мальчиков-пастухов в воинов, поскольку для войны требуется иной менталитет, чем для жизни в деревне.

У нас такого обряда нет, поэтому происходит столько нервных срывов: души воинов не подготовлены как следует. А в такой подготовке как раз и заключается функция мифа.

Старый Джефф Кинг теперь похоронен на Арлингтонском кладбище[59]. Он был разведчиком на стороне США во время войны с апачами. Он владел древним ритуалом, который сумел приспособить для решения практических жизненных задач и помощи юношам, отправлявшихся на войну. В чем состояло приключение этих юношей навахо? Они уходили из общины и были готовы перейти к действиям, стать воинами. Для этого с ними должна была произойти трансформация — преодоление порога, через который их заставляла шагнуть полученная повестка на фронт.

В *Одиссее* рассказывается абсолютно противоположная история — о возвращении героя и о том, что ему удалось совершить. Ему нужно оставить позади свои военные подвиги и вернуться в мир домашний, в супружескую постель, где властвует женщина. У нас не так много мифов, которые помогли бы осуществить такие превращения. Мы можем обратиться к обломкам старых сказаний или обратиться к искусству.

Недавно я посмотрел «Звездные войны». Джордж Лукас пригласил нас с Джин к себе в гости, в округ Марин, чтобы я посмотрел эти фильмы, потому что, по его признанию, они строились на моих книгах, на идее о путешествии героя. Ну что же, я не был в кино тридцать лет, и мне стало интересно.

Это было что-то потрясающее. Утром я посмотрел фильм «Звездные войны». Днем мы посмотрели «Империя наносит ответный удар», а вечером — «Возвращение джедая». Все три фильма перекликались с моими идеями, я абсолютно уверен. В конце концов я стал поклонником этого молодого режиссера, он меня просто восхитил. Он обладает художественным воображением и большим чувством ответственности перед зрителями, стремясь предложить им нечто важное. И все его галактики, о которых идет речь, похожи на открытое пространство, с которым имели дело поэты далекого прошлого. Например, когда греческие аргонавты приплыли в Черное море, где до них никто не бывал, они могли повстречаться со всякими странными чудищами и незнакомцами, амазонками и всеми остальными. Есть где разгуляться воображению.

Когда я смотрел фильмы Лукаса, то увидел, что он действительно систематически прибегает к использованию архетипов, о которых узнал из моих книг (так он, во всяком случае, говорит). Например, в фильме «Империя наносит ответный удар» Люк Скайуокер сталкивается с тем, кого он считает Дартом Вейдером, — с темным воплощением отцовской силы. Он убивает это существо, а когда откидывает забрало шлема, то видит под ним свое собственное лицо[60].

Как я уже упоминал, в конце «Возвращения джедая» ярко проявляется мотив воссоединения с отцом, что является логическим завершением всего этого фильма. Эта серия фильмов напоминает пьесу в трех актах: призыв отправиться на поиски приключений; путь, исполненный испытаний; и последнее испытание, где происходит примирение с отцом и, переступая через порог, возвращение в обыденную жизнь.

---

59 Арлингтонское национальное кладбище — военное кладбище близ Вашингтона, где хоронят павших солдат, национальных героев, астронавтов и президентов.

60 Имеется в виду эпизод с обучением Люка. Магистр Йода отправляет молодого героя в пещеру, чтобы сразиться с неизвестным врагом, а там его поджидает созданный Йодой фантом.

Мне было очень приятно осознавать, что моя книжка оказывает именно тот эффект, на который я рассчитывал, вдохновив человека искусства, чьи произведения становятся популярны во всем мире. «Тысячеликого героя» отвергли два издательства, во втором меня спросили: «Ну и кто будет это читать?» Теперь мы знаем, кто.

Люди искусства — это волшебные помощники. Вытягивая на поверхность символы и мотивы, которые открывают для нас доступ к глубинам нашей души, они помогают нам совершить собственное путешествие героя.

У литературных критиков и выпускников университетов есть любимая забава — обсуждение, кто оказал влияние на писателя, где автор почерпнул идеи и как нашел свой стиль. Ну что же, творение проявляет себя в действии: автора окружает та среда, в которую он всегда был погружен, — все ситуации, в которые он попадал в детстве, все песни, которые он слышал ребенком, а еще каждая книга, каждое стихотворение или брошюра, которые он прочел. Его творческое воображение вытягивает все это на поверхность, придавая новую форму.

Вы откликаетесь на все мифы, которые слышали и которые резонируют с вашей душой. Они — те элементы, из которых вы строите очертания своей жизни. Пожалуй, стоит задуматься о том, каким образом они связаны друг с другом в контексте вашего пути, а не с чем — с североамериканскими прериями или азиатскими джунглями — они были связаны сотни лет назад. Впрочем, размышляя об их прежнем значении, вы можете отчетливее представить себе, какую роль они играют сейчас в вашей сегодняшней жизни. В подъеме *кундалини* вверх по позвоночнику — а это еще одно путешествие героя — последнее препятствие возникает при переходе от шестой *чакры* к седьмой: это барьер между вашим собственным я и его объектом любви, Повелителем Вселенной — богом, который и сам является миром, и трансцендирует его. Но что за черта отделяет одно от другого, за которой нет ни бытия, ни небытия? Это наша старая подруга, *м ӑйя.*

Слово *м ӑйя* происходит от слога мӑ, который означает «строить или измерять то, что впереди». Мӑйя обладает тремя силами: одна называется затемняющей силой; она затемняет наши представления о чистом свете. Вторая называется преображающей силой. Она преображает чистый свет в формы зримого мира, подобно тому, как призма расщепляет белый свет на цвета спектра. Эти силы превращают трансцендентное во временное, в пространственный мир, который мы знаем, и все вещи вокруг нас.

А если вы раскрасите диск в разные цвета и раскрутите его, то все они, сливаясь, снова будут восприниматься как белый цвет. Цвета окружающего мира тоже могут преломляться подобным образом, их можно так искусно расположить, что они позволят различить белый свет, исходящий от них. Это называется открывающей силой майи, а искусство служит именно этой цели. Предназначение художника заключается в умении так расположить предметы окружающего мира друг относительно друга, чтобы вы смогли различить этот свет, это сияние, этот свет разума, который скрыт во всем вокруг нас и проявляется, если смотреть с правильной точки зрения.

Путешествие героя — одна из наиболее распространенных схем, благодаря которой можно различить это сияние особенно отчетливо. Я считаю, что хорошо прожитая жизнь — это путешествие героя, за которым следуют другие путешествия. Снова и снова вы ощущаете призыв отправиться на поиски приключений, вас манят новые горизонты. Каждый раз вы задаетесь вопросом: решусь ли я на это? И если вы решитесь, вас будет подстерегать опасность, но и помощь вы тоже получите, вас ждет воплощение задуманного или фиаско. Всегда есть вероятность того, что вы потерпите фиаско.

Но есть и возможность обрести благодать.

Часть IV. Диалоги63

Глава 7. Диалоги

МУЖЧИНА: ***Вы упоминали о пирамидах и храмах. Какие из наших современных достижений и памятников вы считаете величайшими?***

КЭМПБЕЛЛ: Одним из величайших достижений, я считаю, была высадка на Луну. И, конечно, она произошла не потому, что люди стали спрашивать: «А в чем экономическая выгода от этого?» Если следовать по этому пути, экономика выигрывает, а духовность будет всякий раз проигрывать, и все вдохновение разом улетучивается, для меня по крайней мере.

Я думаю, что мир опирается на безумные идеи. От экономики тоже будет потом польза — вы можете на это рассчитывать. У нас на кухне есть много предметов, создание которых стало возможно благодаря космической программе, например металлы, на которых удобно готовить, и тому подобное. Но главное — это сила духа.

МУЖЧИНА: ***Как вы относитесь к статуе Озаркского Христа*** [61]***? (Смех) Там такое огромное распятие, и музыка играет, и прожекторы на горе64.***

КЭМПБЕЛЛ: Ну что же, кто-то хочет так выразить свои чувства. (Смех) Это прекрасно. Именно так и поступает художник. И он соответствует архетипическому образу. Но что это значит? Когда Апостол Павел говорит: «Я живу сейчас; не я, но это Христос живет во мне» — это одно. Когда Христа воздвигают на холме — другое. Это серьезный жизненный выбор: что вы делаете с Христом, когда он является вам? Вы храните этот образ в сердце, чтобы он стал для вас движущей силой, или изображаете его на стяге и, подняв над головой, издаете воинственный клич?

ЖЕНЩИНА: ***Чем вы занимаетесь, господин Кэмпбелл? Каково ваше представление о Боге?***

КЭМПБЕЛЛ: Знаете, так приятно отвечать на этот вопрос. «Господин Кэмпбелл, чем вы занимаетесь?» «О, я пишу и читаю на темы, связанные с мифологией». «О, как интересно. А я прочитал книги Томаса Буллфинча[62], это тоже было увлекательно».

«Видите ли, — отвечаю я, — меня интересует мифология на более серьезном уровне. А вы верите в Бога?» «Ну да». «А Бог — это он или она?»

Алан Уотс[63] любил рассказывать историю о том, как один шустрый журналист спросил только что вернувшегося с Луны астронавта, видел ли тот на Небесах Бога. «Да, — ответил астронавт. — И это — чернокожая женщина»65.

И вот я обращаюсь к моему собеседнику: «Итак, что вы думаете? Это — мужчина? Прекрасно. А он высоко вверху или глубоко внизу? А рядом с ним еще кто-то есть? Он совсем один? Это — разумная сила? Нравственный закон? Утверждение? Отрицание? Улучшение? Сознательное? Бессознательное? Персонифицированный бог? Безличная сила? Вы считаете, что он принципиально появляется только как существо мужского или женского пола?»

Конечно, в индийском культе Шакти[64] богиня играет главную роль. А в иудейском

---

[61] Имеется в виду монументальная статуя Христа у Юрика-Спрингс, в Арканзасе (где раньше обитал народ озарк, отсюда название). Драму «Great Passion Play», рассказывающую о последних днях Иисуса Христа, ставят в огромном амфитеатре Юрика-Спрингс на вершине холма для огромной аудитории.

[62] Сборник мифов и легенд Томаса Буллфинча был создан в XIX веке и был успешным примером популяризации известных сказаний, мифов и легенд.

[63] Алан Уотс (1915-1973) — переводчик, редактор, философ. Опубликовал более двенадцати книг о сравнительной философии и религии. Сфера его интересов касалась интерпретации восточной мысли для Запада и, в частности, дзен-буддизма.

[64] Культ включает в себя несколько ветвей, каждая — со своими учениями и ритуалами. В вершине и в начале Творения, согласно его мифологии, стоит Великая Богиня, супруга Шивы-Магадева, в образе которой

патриархальном культе главную роль играет Яхве. Вы можете задать себе все эти вопросы. В какие представления укладывается ваше представление о Боге?

Что касается меня, то Алан Уоттс как-то обратился ко мне с вопросом, какими духовным практиками я занимаюсь, и я ответил: «Я делаю подчеркивания в книгах».

Вот все, что я могу сказать по этому вопросу.

Лео Фробениус описывает замечательный ритуал у пигмеев, охотничьего племени в Конго. Фробениус совершил около двадцати экспедиций в Африку, и во время одной из них к нему присоединились три пигмея — двое мужчин и одна женщина. Когда у них закончились все запасы мяса, он обратился к ним: «Вы можете пойти и застрелить для нас газель?»

Те посмотрели на него с негодованием. «Вот просто так пойти и принести ему газель? Для этого нужно пойти и совершить все необходимые приготовления». Исследователь пошел за туземцами, чтобы подсмотреть, как они будут готовиться к охоте. И что же? Они поднялись на небольшой холм с голой вершиной, расчистили свободный клочок земли и нарисовали на нем газель. Потом всю ночь ждали, и когда утром взошло солнце, один из этих маленьких людей встал с луком и стрелой по ходу движения солнца и выстелил в изображение так, что стрела попала газели в шею. В то же самое время женщина воздела руки вверх — вы можете увидеть подобные изображения на многих неолитических наскальных рисунках, где женщина стоит, подняв руки, а мужчина стреляет из лука. Потом они спустились и напали на след настоящей живой газели. Стрела пронзила ей шею.

Иными словами, пигмей не просто стрелял в газель, но делая это, выполнял веление солнца.

Вот так и работает ритуал — необходимо отождествить себя с тем, что происходит. Есть одна история — возможно, вы ее знаете — о самурае, чей господин был убит. Самурай, конечно, приносил ему клятву верности, и теперь его долгом было убить того, кто лишил жизни господина. И вот, преодолев множество трудностей, он наконец загнал своего врага в угол и уже собрался умертвить его своей катаной — японским мечом, символом доблести. Вдруг враг, разгневанный и напуганный, плюнул на самурая. Тот вложил меч в ножны и ушел. Почему он так поступил? Потому что поступок врага разозлил самурая, так что, убив его, самурай просто действовал бы из собственных, личных побуждений, а не по долгу, что испортило бы все дело.

Это очень напоминает эпизод охоты пигмеев. И пигмеями, и самураем движет миф. Вы действуете, руководствуясь соображениями не своей конкретной, личной жизни, а так, словно вы — жрец, который служит, так сказать, вселенской силе, которая действует вашими руками, и необходимо уравновесить себя с этой силой, при этом сохранив себя как личность.

МУЖЧИНА: ***Вы рассуждали о трансценденции дуализма, о мире противоположностей. Достижимо ли это в обыденной жизни?***

КЭМПБЕЛЛ: Не существует в жизни ни одного явления, которое не обладало бы дуализмом и при этом не могло бы характеризоваться и как нечто целостное. Я бы сказал, что основной мифологический мотив заключается в том, чтобы помочь вам испытать то, что Юнг называет *coniunctio oppositorum* — единством противоположностей. Так или иначе, они проникают друг в друга или могут существовать в состоянии прекрасного равновесия по отношению друг к другу — в состоянии танца. Удовольствие от парного танца заключается в том, что пара противоположностей приходит к гармонии.

Мне в связи с этим всегда приходит на ум игра в теннис. В теннис нельзя играть без сетки, которая разделяет площадку на две части. Если вы хотите утвердить свои позиции в теннисе, вам это удастся, лишь если вы постоянно будете находиться лишь с какой-то одной стороны в определенный момент времени. Но вы должны жестко вести себя по отношению к тому, кто находится с противоположной стороны сетки, иначе никакой игры не получится.

слились представления мировой иллюзии Майи и материальной природы Пракрити.

Вам необходимо знать, какова ваша роль в этой игре, и находиться *там , где нужно,* но это не означает, что игрок на противоположной стороне не имеет такой же ценности, что и вы. Понимаете, что я имею в виду?

Может показаться, что мифы функционируют совершенно на ином уровне, но давайте поразмышляем над противоположностями, которые в них описаны. История Зигфрида и дракона Фафнира[65] — типичное низвержение дракона героем, преодолевающим границу. Он и дракон — две противоположности, но только вкусив драконьей крови и приняв в себя частицу драконовой сущности, герой может услышать пение птиц и понять, о чем их песня. Вы не сможете вступить в контакт с силой природы, частью которой являетесь и вы, и тот, другой, пока вы не приняли в себя как неотъемлемую часть то, что раньше отвергали, то, что казалось чуждым. Это связано с событиями вашей жизни — с вашей семьей, с вашим обществом, с вашей болью сердечной и тысячами естественных потрясений, которые унаследовала плоть человеческая, — и все это заставило вас вступить на этот путь и отвергнуть тот, другой. Но у вас внутри сохранился связанный с ним потенциал. В психологии Юнга подчеркивается, что вам не обязательно *идентифицироваться* с другим, чтобы *ассимилировать* другого и признать, что он воплощает противоположный аспект вашей личности.

Единственные мифологические системы, в которых существует абсолютный дуализм, — те, что зародились на Ближнем Востоке под влиянием зороастризма. В них вы сталкиваетесь с представлением о боге света и боге тьмы, которые соперничают друг с другом, и благодаря этому соперничеству возник мир, в котором мы живем сейчас. Вам нужно выступать на стороне бога света против бога тьмы.

В других традициях существуют две силы, свет и тьма, добро и зло — как правая и левая рука одного сверхъестественного существа, которое трансцендирует эту пару противоположностей. Вы можете встретить намеки на это в Библии и других книгах, которые были созданы перед началом вавилонского изгнания, в результате которого иудеи познакомились с зороастрийским учением. В книге Исайи Господь говорит: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это»66. Итак, существует Бог, который трансцендирует дуализм. И, Боже мой, он действительно ведет себя так, что соверши такое человек, его сочли бы злодеем. Например, в книге Иова Господь действует крайне жестоко — с человеческой точки зрения. В некоторые моменты, которые можно назвать *mysterium tremendam et fascinus* (минуты великие и ужасные), величие Господне наводит ужас и поражает одновременно. Обычно Яхве воплощает нравственное начало, разделяющее добро от зла. Но посмотрите на то, как он оправдывает свои действия по отношению к Иову, и вы осознаете, что эта сила существует за пределами представлений о морали.

Помните, что перед тем, как Адам и Ева вкусили плод, они ничего не знали о добре и зле. Фактически именно это знание и есть Грехопадение. Поэтому если вы желаете войти в состояние Адама и Евы до Грехопадения, вам необходимо снова выйти за пределы добра и зла и знать, что добро и зло — лишь формы, через которые действует в пространстве-времени, как в теннисном матче, принцип, находящийся вне морали.

А если вы стремитесь утвердить собственное эго и его ценности таким образом, что это разрушает жизнь других людей, то вам тогда решать. Сказав себе «я нахожусь по ту сторону добра и зла и потому буду вести себя именно таким образом», вы превратитесь в опасного социопата. Но если вы были, так сказать, одомашнены, цивилизованны и вами движут не стремление к насилию и похоть, а любовь, то вы не можете не осознать, подобно Христу, что благодать Господня снисходит на правых и неправых, свет Господа сияет правым и неправым, и если вы хотите быть как Отец ваш в Раю — где бы этот Рай ни находился, — то

---

[65] Зигфрид (Сигурд) и Фафнир (Фафни) — персонажи скандинавского эпоса, средневековой германской эпической поэмы «Песнь о нибелунгах» и тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга».

должны признать, что ваше представление о праведном и неправедном не является окончательным приговором. Это вовсе не означает, что вы не должны отстаивать собственные ценности. Я имею в виду мистику войны: люди сражаются, и убивают, и умирают за свои ценности, понимая при этом, что их противник точно так же заслуживает оправдания перед лицом Господа.

Такова наша западная традиция; она заключена в словах Христа. Но вы должны понимать, что все эти глубокие вещи доступны для перевода на язык практический, язык морали — на «тебе должно» и «тебе не должно», которые годятся для общества и для людей, живущих жизнью в социуме. Сначала вы погружаетесь в жизнь общества. Потом вас увлекает мудрость жизни, которая несколько выходит за рамки обыденного.

В Эдеме с одним Адамом делать было нечего; ему было скучно, Богу было скучно, всему миру было скучно, пока Бог не вытащил, как это назвал Джойс, «подружку-антрекот» из ребра Адама. Ребро отъяли, из одного сделалось двое, и жизнь, и само время начались с этой диады.

Поэтому меня так беспокоит кое-что из того, что я сейчас наблюдаю в жизни молодого поколения, тех, кому я преподаю, — например, идея унисекса: одинаковые прически, одинаковая одежда, одинаковые занятия. Напряжение исчезает. Я думаю, в жизни очень важно сохранять напряжение, не позволяя ему разрешиться, потому что жизненная сила питается этим напряжением. Электричество, которое отправляет наши голоса в телефонную трубку, обладает одновременно и положительным, и отрицательным зарядами: если бы не было этой полярности, то и эхо тоже не существовало бы.

Не важно, доминирует ли мужское над женским или женское над мужским — доминировать должно *coniunctio oppositorum* , соединение двоих.

Что, например, ценно в браке? Сам брак, Том или Джейн? Если Том считает, что самое важное — это Том, а Джейн считает, что это — Джейн, то у них не брак. Но если эти двое — при всем противостоянии, которое между ними существует, — могут сохранить мысль о том, что самое ценное — сам брак, который больше их противостояния, это уже хорошее начало.

Мой друг Генрих Циммер рассуждал об отношениях между мужчинами и женщинами как о творческом конфликте. Баланс заключается в напряжении, и это опять же похоже на игру в теннис. Неплохая аналогия. Понимаете, мяч летает туда-сюда, и каждый игрок постоянно сражается, это и делает игру хорошей. Но если вы выйдете из себя, рассердитесь и начнете драться всерьез — у вас не будет получаться уже не так хорошо, как получалось, пока вы помнили, что это всего лишь игра, делая все для того, чтобы укреплять свою позицию, но не забывая о партнере на противоположной стороне.

Мастер дзен Доген, великий учитель секты Сото, сказал, что признание дуализма не должно мешать воспринимать единство. Вы подчеркиваете дуализм, но он не должен препятствовать реализации единства. Так вы становитесь более человечны.

Такова суть рыцарского поединка: два рыцаря несутся друг другу во весь опор, но каждый признает в другом доблестного рыцаря. Фанатик — это человек, который утратил чувство равновесия и считает, что он прав: П-Р-А-В. С таким опасным чудовищем страшно повстречаться.

ЖЕНЩИНА: ***Можно ли читать Библию, опираясь на мифологию? Могут ли символы христианских и иудейских традиций интерпретироваться как трансцендирующие область противоположностей?***

КЭМПБЕЛЛ: Знаете, в Библии есть такие моменты, которые вы можете выбрать, и они помогут вам сделать вашу жизнь более насыщенной. Вам не нужно отбрасывать Библию, но, безусловно, придется перечесть ее заново, потому что ортодоксальных интерпретаций обычно недостаточно — они слишком буквальные. И у вас может быть две совершенно противоположные мифологии, которые используют один и тот же символ и считают себя иудейскими или христианскими, — ортодоксальная позиция в них обеих заключается в том, что добро противостоит злу, что Бог и человек существуют отдельно друг от друга. Но

каждый из этих символов можно прочесть с точки зрения трансценденции противоположностей. Есть гностические и каббалистические секты, которые рассматривают те же самые символы с более мистической точки зрения. Помните, что сказал Господь Исайе.

Есть кое-что такое, что очень ярко проявляется в Иисусе, но не в самом христианстве, как оно исповедуется. Когда Иисус говорит: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших»67. Любить врагов? Предположим, что этот враг воплощает в себе все, что вам отвратительно. Предположим, что это Гитлер. Вы способны на такую любовь? Если нет, вы собираетесь назвать себя христианами?

Он должен остаться вашим врагом, потому что этого требует система вашей персоны. То, что вас научили считать хорошим и плохим, не соответствует его убеждениям. Поэтому вам нужно отстаивать то, во что вы действительно верите. Но можете ли вы любить его? Вы сейчас находитесь в позиции судьи на теннисном матче, но вам все равно приходится играть с какой-то одной стороны сетки. Это очень интересная проблема.

Христос говорит: «Возлюбите врагов ваших... да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»68. Христос считал откровением эту реализацию практически буддистского принципа единения со всем, что было сотворено, и с Создателем, но в ортодоксальной интерпретации такие откровения не приветствуются. Иисус говорит: «Я и Отец одно»69. Он был распят за это ортодоксами, поскольку человек и Бог не могут быть едины. Аль-Халладж повторил ту же судьбу девятьсот лет спустя, по той же самой причине.

Пытаясь осмыслить это, церковь пришла к выводу, что Христос — это истинный Бог и истинный человек. Но Он говорил о другом; Он всегда называл себя сыном человеческим. Однако при этом и Он, и Отец небесный едины. Все это есть в книге.

ЖЕНЩИНА: ***А как насчет образа Франкенштейна? Моему сыну десять, и он очень увлечен Франкенштейном.***

КЭМПБЕЛЛ: В этой истории переплелось множество мифологических мотивов, и основной из них — образ гомункулуса, искусственно созданного существа. Конечно, лучше всего этот мотив представлен в «Фаусте» Гете. В первой сцене второй части Фауст в лаборатории трудится над созданием Гомункулуса, маленького человечка в бутылке. Это символизирует рождение нового человека, Непорочное Зачатие, как бутыль символизирует девственное чрево. Человек создается не природой, не телом, но с помощью мастерства — дисциплины и духовной техники.

Алхимики всегда считали, что помогают природе выделить золото из породы, но их интересовало не столько золото как металл, сколько золото духа. Таким духовным изысканиям не будет конца, если вы взялись исправлять ошибки, допущенные природой. Маленький горбун в «Франкенштейне» символизирует слабость природы, ошибки и все, что, как считалось, должно остаться позади.

Интересно, сколько человек здесь читали «Нигдед»[66] Сэмюэла Батлера? Это история о людях, которые изобрели машину, автомат, который бы работал за них, подобно богам в старой семитской легенде, которые изобрели людей, чтобы те возделывали для них сад. Но как люди из старых легенд взбунтовались против богов, так и эта машина восстала против людей Нигдеда; аналогично поступает и создание доктора Франкенштейна, которое, кстати, довольно уместно назвали Адамом[67].

Так почему же эта история так нас завораживает? Я думаю, в силу двух причин. Первая

---

[66] Пародийный утопический роман, написанный в 1872 году. Автор, Сэмюэл Батлер (1835-1902), считается одним из классиков викторианской литературы.

[67] Речь идет об экранизациях, в романе Мэри Шелли у чудовища нет имени.

заключается в том, что нам не чужда идея о создании нового мира: оставьте старое позади и постройте новое, где не будет места ошибкам, которых наделали взрослые. Вторая причина — то, что, оставаясь в своем мире, мы любим порассуждать о славном, добром, о том, что Бог есть любовь, и тому подобном, но всегда есть и другая сторона уравнения, и то, что за скобками, что подавлено, всегда манит нас, потому что наши души стремятся к равновесию.

Юнг указывает на то, что в Евангелиях мы читаем о любви, любви, любви. Но у святого Павла вам постоянно попадаются на глаза ужасные наказания, которые предназначены для грешников. То же и в Ветхом Завете. Вы читаете Псалмы, поете славу Господу, а потом обращаетесь к Иисусу Навину и восторгу от грядущих разрушений, ликованию оттого, что Ниневия, или Иерихон, или еще какой-нибудь город один за другим будут стерты с лица земли. Как-то так.

МУЖЧИНА: ***В романе Мэри Шелли чудовище — не страшный монстр, а прекрасное создание* [68]*. Когда киностудия MGM работала над фильмом, они подумали, что должна же быть какая-то причина, по которой это существо так ненавидели, и изобразили его уродливым. На самом деле он был красивым, и что-то в человеке заставило его проявить ту, другую сторону...***

ЖЕНЩИНА: ***А еще это неправильно, что мужчина создает новую жизнь.***

КЭМПБЕЛЛ: Только Господь может создать дерево. Конечно, кто-то еще сказал: «Только Господь мог создать таракана».

ЖЕНЩИНА: ***А вы можете рассказать о странствиях женщины-героини? Это то же самое, что и странствия мужчины?***

КЭМПБЕЛЛ: Все великие мифологии и многие мифологические истории по всему миру рассказаны с мужской точки зрения. Когда я работал над «Тысячеликим героем» и хотел включить туда персонажа-женщину, мне пришлось обратиться к волшебным сказкам. Их рассказывали женщины детям, понимаете, поэтому там возможна иная точка зрения. Именно мужчины создавали большую часть мифов. Женщины были слишком заняты, чтобы сидеть и придумывать истории.

ЖЕНЩИНА: ***Лично я всегда могла легко отождествить себя с героем во всех аспектах. Я всегда устанавливала контакт с моим анимусом. Однажды на Ярмарке Ренессанса* [69] *...Меня очень интересуют рыцари, и что чувствует рыцарь, и серия мечей в картах таро, и в чем заключается их сила. И вот я купила на ярмарке этот нож и какое-то время всегда носила его с собой, а ночью прятала его под юбкой. Так я соприкоснулась с мужской энергией.***

КЭМПБЕЛЛ: В Нью-Йорке вас бы за это арестовали. (Смех)

ЖЕНЩИНА: ***Признаться, многие этого не понимали. (Смех) Я даже заходила в мужской туалет, чтобы соприкоснуться с этой энергией. Я заходила в кабинку и***

---

[68] «А между тем члены его были соразмерны, и я подобрал для него красивые черты. Красивые — Боже великий! Желтая кожа слишком туго обтягивала его мускулы и жилы; волосы были черные, блестящие и длинные, а зубы белые как жемчуг; но тем страшнее был их контраст с водянистыми глазами, почти неотличимыми по цвету от глазниц, с сухой кожей и узкой прорезью черного рта». — Франкенштейн, или Современный Прометей» (Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей / пер. З. Е. Александровой. М.: Терра, 1995.)

[69] «Ярмарки Ренессанса» ежегодно проводятся во многих городах США. По сути, это гибрид ярмарки и исторического фестиваля. Все участники одеты в средневековые костюмы, проводятся рыцарские турниры и соревнования по метанию топора, продаются изделия народных промыслов и аутентичная еда, даются традиционные представления — например, шекспировских пьес и комедий дель арте.

закрывала дверь; я видела оттуда только ноги, но их ноги от женских не очень отличались, только размер был больше.

МУЖЧИНА: ***А в какую сторону они были направлены?***

ЖЕНЩИНА: ***Что направлено, ножи? (Смех) Я в уме какое-то время проигрывала мифологические архетипы, и теперь я думаю, что могу в полной мере отождествить себя с принцем и королем точно так же, как и с принцессой. Фактически большая часть моих душевных процессов сейчас снова соприкасается с женским началом и с богиней: Исидой, и Артемидой, и даже Матерью-разрушительницей Кали Ма.***

КЭМПБЕЛЛ: Ну что же, в вашей истории есть два этапа. Сначала вы открыли мужскую энергию и этот нож, что, конечно, отдалило вас от женского начала. А теперь вы совершаете путешествие назад, чтобы интегрировать свое открытие с вашим женским характером.

ЖЕНЩИНА: ***Поначалу да, это как-то странно, и многие люди этого не понимают, я имею в виду, что я так полюбила этот нож, мне так нравится прикасаться к этому кинжалу, а потом я стала медитировать на картах таро. Сначала мне выпали карты с мечами, одна задругой, а потом выпал король, а потом королева мечей — потрясающий архетип силы, но женский персонаж70. К этому моменту у меня была уже целая коллекция колод таро. Я вынимала примерно двенадцать разных карт с изображением королевы мечей и смотрела на них, держа в руках этот чертов нож, смотрела на них — и трогала нож, и снова смотрела — и снова сжимала нож, пока не ощутила в себе присутствие силы.***

КЭМПБЕЛЛ: Прекрасный пример проблемы отношения женского начала к анимусу. И я вижу здесь разницу в том, что если мужчина найдет место для ножа — инструмента своей полной силы, — он не столкнется с проблемой поиска в себе женского начала, поскольку в мужском теле оно значительно в меньшей степени присутствует, чем в вашем. Понимаете, что я имею в виду? Оно гораздо дальше, чем от вас, потому что ваше тело дало вам это начало. Вопрос степени.

Моя жена Джин всегда говорила, что у нее не возникает проблемы ассоциировать себя с героем-мужчиной, поскольку то, что в нем воплощено, — женское начало, нацеленное на особый способ функционирования.

Но в мужском теле отсутствует тот зов природы, который звучит в теле женщины. Знаете, когда мне было двадцать лет, мы с сестрой Алисой жили в Вудстоке, в Нью-Йорке. Моя сестра была скульптором, и ее друзья были скульпторы, и я жил в среде художников, где было много молодых женщин. Когда они приближались к тридцатилетнему возрасту, проблема брака становилась для них все более и более актуальной. Эта мантра все сильнее овладевала ими: надо замуж, надо родить и так далее. Потом происходил развод, и жизнь превращалась в хаос. Их искусство тоже страдало, потому что искусством можно заниматься всерьез, только если работаешь с утра до ночи, не отвлекаясь ни на что другое. А вот с мужчинами почему-то такая беда не приключалась. Вы нашли нож, да, конечно; а они нашли молоток и резец. А затем их призывает женское начало. И тогда женщина зовет мужчину, и он приходит и женится на ней; феминное начало реализуется естественным образом. Понимаете, о чем я? Это — один из пунктов в странствии женщины, которой природой дана более тяжелая ноша.

Помню, как я читал трактат джайнистов, посвященный йоге. А в джайнизме йога весьма жесткая: она направлена на то, чтобы истребить природу полностью. Они называют это кайвальям — состояние, в котором человек полностью игнорирует свои телесные побуждения. Именно к этому результату должно привести вегетарианство — отказ от убийства, отказ от жизни, которая питается смертью. Никакого убийства, никакого в принципе, кроме убийства самого себя; а в себе вы убиваете желание жить. А конечная цель заключается в том, чтобы умереть в тот момент, когда вас оставили все земные желания и обиды. Так вот, эта разновидность йоги не рекомендуется женщинам. В их телах слишком много жизни. Меня поразило, насколько их влечет жизнь; все тело говорит им: ты

используешь меня не по назначению. У мужчины такой проблемы нет, по крайней мере не до такой степени.

Да, женщина может отправиться в странствия героя, но она чувствует и другие призывы и иначе строит отношения с той, я бы сказал, природной сутью, которую воплощает.

ЖЕНЩИНА: Мне очень помог мой опыт знакомства с шаманизмом. А в культуре шаманов, как вы уже упоминали, действительно нет различия между мужским и женским: мужчина или женщина — какая разница, шаман — это тот, кто откликнулся на зов. Я увидела это, и это ко многому обязывает.

Но кое в чем я не согласна с вами. Я чувствую, что ваша традиционная часть сознания, лично ваша, считает, что женское предназначение отличается от мужского, а я с этим не согласна.

КЭМПБЕЛЛ: Есть два способа чувствовать, я бы сказал, вот и все. Я хотел бы минут на десять превратиться в женщину, чтобы понять, в чем разница.

Сам я долго не женился, в основном потому, что это помешало бы мне читать. (Смех) Это правда. И еще есть одна причина: каждый раз, как только у меня начинались отношения с девушкой, я чувствовал, что на меня давят; жизнь становилась тяжелее. Эта тяжесть, это ощущение, что кто-то чертовски важен для тебя, превращало сиюминутное раздражение в глобальную проблему. Мне надоедало, и вот я уже сбегал, а потом, довольно скоро, возникала другая молодая женщина, и я чувствовал то же самое давление, упс — все начиналось сначала!

МУЖЧИНА: ***Вместе с женщиной в жизни возникают дом, дети и все остальное, за что нужно отвечать. Даже не обязательно возникает, но такое чувство, как будто оно уже рядом...***

ЖЕНЩИНА: ***Но у женщин-то все так же! (Смех) Я то же самое чувствую, общаясь с мужчинами! (Смех) А ведь, между прочим, именно мне придется оставаться в доме. (Смех) Я ухожу оттуда одна и ощущаю себя легкой и свободной.***

КЭМПБЕЛЛ: У меня всегда было такое впечатление, что им хотелось развлекаться, а мне-то это было совершенно не интересно. (Смех)

ЖЕНЩИНА: ***Это правда, я себя ловлю на этом. Они хотели развлекаться, а сами были тяжелыми людьми.***

КЭМПБЕЛЛ: Потому-то им и хотелось развлекаться. (Смех) Так, я думаю, мы все единодушно согласились с тем, что мужчины и женщины — разные. Так или не так?

ЖЕНЩИНА: ***Я думаю, что женщины несогласны. Ну вот эта ваша концепция о том, что женитьба тащила вас вниз. А я вот думаю: боже, неужели мои красивые, умные дочки просто прилипнут к каким-то мужчинам, и все кончится мытьем посуды вместо реализации своего потенциала? Неужели они будут стирать носки, мыть посуду и убираться в доме?***

КЭМПБЕЛЛ: Моя сестра и ее подруги не мыли посуду, они создавали скульптуры и так далее. А потом тело каждой подало сигнал: «Ой, смотри-ка, что еще у тебя есть!» Если ваши дочки не захотят мыть посуду, пусть что-нибудь изваяют, а мы посмотрим, что из этого получится.

ЖЕНЩИНА: ***А зов тела действительно есть. У меня есть подруга, немного старше меня, очень процветающая, очень успешная. Она часто говорит: «Биологические часики тикают, время уходит, может, мне нужно родить? А я могу родить?»***

КЭМПБЕЛЛ: Это неизбежно.

МУЖЧИНА: ***Речь о том, какой потенциал реализовать, биологический или человеческий.***

КЭМПБЕЛЛ: Осуществить то, что тебе предназначено.

ЖЕНЩИНА: ***А можно реализовать и то, и другое? Может ли женщина одновременно быть матерью и реализовать себя? Может ли мужчина быть одновременно отцом и странствующим рыцарем?***

КЭМПБЕЛЛ: О да, конечно. Я не говорю, что эта проблема никогда не была разрешена, но серьезное препятствие на пути к этой цели, которое по-разному проявляется у мужчин и у женщин, — сила и неотвратимость женского желания иметь ребенка и все, что с этим связано. А мужчина может без этого всего обойтись.

Конечно, самая крайняя степень отдаления мужчин от жизни, которую несет в себе женское начало, это гора Афон, греческий монастырь, куда не допускаются женщины. В средневековых монастырях, если женщина подходила к двери и ее впускали, хотя бы и спасая от угрожавшей ей большой опасности, на привратника накладывали наказание — просто за то, что он позволил ей войти.

Зов тела, зов женской природы звучит очень могуче — и в ее собственной жизни, и в жизни мужчины, который переживает с ней этот опыт. В «Поминках по Финнегану» Джойс разделяет мнение индийцев о том, что женщина — воплощение принципа жизненной энергии, а мужчина, можно сказать, хочет, чтобы его оставили в покое. Но когда она появляется рядом с ним, он словно оживает, и женщина является активатором этого процесса.

Это интересно: на севере, в европейских и китайских философских системах, вы слышите про ян и инь. Мужчина — агрессор, он активен, а женщина — восприимчива и пассивна. Но в Индии все наоборот. Мужчина психологически заинтересован совсем в ином, а тут в его поле вторгаются и говорят: «Ох, ну что за радость — жить в прошлом эоне. Давай-ка начнем новый. Было бы мило сотворить мир, как думаешь?» И мужчина думает: «Да, хорошо бы»71.

Так мужчину соблазняют на деятельность. В Индии женский принцип — это *шакти,* змея, ползущая вверх по позвоночнику, проклятый поток энергии во всех его аспектах. Одно из величайших воплощений богини в Индии — это Дурга Пуджа. Дурга — обличье, у которого восемнадцать рук, вооруженных мечами (когда вы взяли свой нож, вы играли в Дургу). Пуджа означает «церемония». Посвященный ей праздник длится три недели.

Основной образ мы находим в мифе «Деви-Махатмья»[70]. В этой истории один йог с головой быка благодаря способности к концентрации превзошел всех богов. Никто из них не мог одолеть его. Тогда они встали в круг, отправили потоки своей энергии назад, туда, откуда они появились. Возникло огромное черное облако, из которого вышла Дурга, восемнадцатирукая богиня. В каждой руке она держала по одному божественному символу. Следовательно, мужская энергия выражает лишь некий специфический аспект и проявление женской энергии. Именно женщина является энергетическим источником, а мужское начало — ее конкретным воплощением в каком-то определенном направлении.

Поэтому женщине гораздо легче отождествить себя с мужчиной, чем мужчине, привязанному к своему образу жизни, своей конкретной форме абстракции, если хотите, к сфере своей деятельности, вернуться к этому обобщенному началу, своим истокам. Именно это совершил Будда, и это был героический поступок высшего порядка. Это напоминает растворение.

Для женщины это движение в другом направлении — лишь вопрос специфики.

---

[70] «Деви-Махатмья» («Величание богини», санскр.) — главный текст культа Шакти, рассказывающий о победе Дурги над демоном. Датируется примерно V веком.

Понимаете? Она стремится к определенной точке.

МУЖЧИНА: ***Мне кажется, применительно к странствиям героя, что мужчина очень часто пытается выяснить, как он относится к жизни в глобальном смысле этого слова, к переживанию апофеоза, например: «Я — это оно». Несложно представить себе женщину, которая следует по пути героя, если у нее нет детей. Когда вы спросили о странствиях героини, я вспомнил*** о ***знакомых мне женщинах и исторических личностях. Вы можете вспомнить о некоторых великих женщинах и рассмотреть их жизнь как странствие героя, и это, наверное, будет, применимо к...***

ЖЕНЩИНА: ***Это не одно и то же. Это — не странствие.*** **МУЖЧИНА:** ***Что?***

ЖЕНЩИНА: ***Женщина может быть очень успешной и работать на высоком уровне в конкретном мире; она не отправлялась в это странствие. Или, по крайней мере, не то, что мы наблюдаем. Странствие совершается в глубине души, и, будь вы мужчиной или женщиной, без такого приключения вы живете лишь наполовину. Я хочу сказать, что целое мифологическое измерение так и не открывается. Оно не имеет никакого отношения к тому, чего вы достигли в реальном мире.***

МУЖЧИНА: ***Ну, мне ничего не приходит в голову прямо сейчас, но, если представить себе женщину, которая, например, была одинаково успешна как во внешнем мире, так и в погружении в мир мифологический, то шесть человек из десяти уверенно заявят, что это и есть странствие героя. Я думаю, главное различие заключается в способности родить детей — у меня это никогда не получится, поэтому мне здесь остается только гадать — но разве нельзя интерпретировать рождение детей как связь с миром вечности? Женское тело уходит в вечную жизнь и каким-то образом возвращается из нее, ничего подобного мужчина не испытает никогда. И это каким-то образом меняет само странствие. Мужчинам нужно отойти в сторону и оттуда смотреть. Им нужно пройти через все эти ритуалы, нырять в озера, испытать инициацию, а женщине достаточно просто оставаться на месте.***

КЭМПБЕЛЛ: Знаете, я тридцать восемь лет обучал женщин. При этом устанавливались очень близкие отношения, фактически я был тьютором[71] и знал своих студенток очень, очень хорошо. Одна за другой они выходили замуж, а их мужья активно интересовались происходящим в мире и участвовали в самых разных делах. Эти девушки активно помогали советом своим мужьям в их сферах деятельности без всяких проблем. Я думаю, что это воплощает идею, связанную с восемнадцатирукой богиней. У женщины действительно не возникает проблем, если ситуация заставляет взять на себя мужскую роль. Ее просто нужно уточнить, направить ту силу, которая ей и так присуща.

А вот у мужчин все по-другому, они лишены женской основы, которая может легко перейти в иное состояние. Это очень серьезная психологическая проблема. Вот, например, ваша история об отождествлении с этим ножом. Лично мне было бы очень, очень трудно отождествить себя с каким-то символом женской жизни, связанным с рождением детей. Мужчина родить не может, мы не связаны с этой энергетической системой жизни так непосредственно. Вы действуете в сфере узко специфического поля деятельности.

Это прослеживается в древнем искусстве, в пещерах кроманьонцев и статуэтках Венеры. Женщина — это просто обнаженная фигурка, и в ней, именно в ней все дело. Мужские фигурки вокруг постоянно выполняют специфические действия, определенные функции — охотничьи или шаманские. Мне снова вспоминается образ великой восемнадцатирукой богини. Каждая рука — это символ одного из богов, но она объединяет их всех.

---

[71] Тьютор — преподаватель в высшем учебном заведении, чья задача — сопровождать студента во время учебного процесса, создавать индивидуальный подход, помогать учащемуся складывать собственную образовательную траекторию, подходящую именно ему.

ЖЕНЩИНА: ***Джозеф, меня всегда так поражает то, что врожденная способность женщины быть терпеливой напоминает образ тяжело нагруженного верблюда.***

КЭМПБЕЛЛ: В книге «Так говорил Заратустра» Ницше описывает три этапа человеческой жизни: верблюда нагружают, и он отправляется в пустыню; там он превращается в льва и убивает дракона (нашего старого знакомого по имени Не Смей), а потом становится ребенком, который сам выбирает свой путь72.

ЖЕНЩИНА: ***А может быть, она застрянет на стадии верблюда из-за своей способности все терпеть, а мужчина, поскольку он нетерпелив и стремится к действию, идет и сразу убивает дракона. Я считаю, что женщины, которые застряли на верблюжьей стадии, не переходят к стадии львицы и не идут дальше. Вот они и застревают в ужасной энантиодромии, о который вы уже рассказывали.***

КЭМПБЕЛЛ: Дамы, послушав в течение пары дней ваши рассуждения, я пришел к мысли, что ключевое качество женщины — это способность все вынести и со всем справиться.

Мужчине нужно вытерпеть лишь краткие моменты сильной боли, выдержать противостояния и преодолеть трудности. Именно это вы должны пережить вдали от всех во время обрядов инициации. Джордж Кэтлин, который жил среди индейцев-манданов в 1830-х годах, сделал сотни зарисовок с ними73. Одна серия рисунков — самая запоминающаяся из всех — иллюстрировала обряды мужской инициации, где молодые мужчины свисали с потолка с воткнутыми в грудь копьями. Один из индейцев объяснил: «Наши женщины страдают, и мы тоже должны научиться страдать». Страданием пронизана вся женская жизнь — это часть женской природы. А мужчине нужно заставить себя страдать — это совсем иная ситуация.

ЖЕНЩИНА: ***Женщине необходимо дойти до определенной черты, чтобы вернуться с обретенной энергией и прекратить страдания, а вот мужчине нужно учиться терпеть дольше.***

КЭМПБЕЛЛ: Ему нужно найти себе проблемы. Я беседовал об инициации мальчиков и девочек в архаических обществах. Женщину жизнь настигает сама. Однажды у девочки начинается менструация, и все — она становится женщиной74. Мужчина подобного опыта не переживает.

ЖЕНЩИНА: ***Разве что во время ритуалов.***

КЭМПБЕЛЛ: Именно поэтому этот ритуал должен быть таким жестоким. Чтобы человек осознал, что он больше не маленький мальчик, и оторвался от материнской юбки.

ЖЕНЩИНА: ***А у нас ничего подобного не происходит. Мой брат жил дома, пока ему не исполнилось двадцать четыре, и он никогда по-настоящему не смог оторваться от нашей матери.***

КЭМПБЕЛЛ: Да, это распространенное явление. Но кому-то сепарация удается. А еще бывают матери, которые понимают важность этого разделения и способствуют ему. Мать, которая вцепилась в своего сына и не желает его отпускать, — ужасное бремя для молодого человека в нашей культуре.

В первобытных и традиционных культурах мать и сын разделяются эмоционально. Я недавно читал об одном индусском ритуале в Бенгалии. Там состояние «женщины-верблюда» проявляется в самой крайней степени. Она должна слушаться отца, пока не выйдет замуж, потом — мужа, пока он не удалится в лес или не умрет, а потом, если она не бросится в погребальный костер, ей придется слушаться своего старшего сына. Она никогда сама себе не хозяйка. Ее единственная эмоциональная и ценная для нее привязанность в жизни — это ее дети, и, конечно, существует ритуал, который помогает женщине отпустить

своего сына. Он проходит на протяжении многих лет. Духовный наставник семьи, гуру, является в дом и просит хозяйку подарить ему какую-то ценную вещь. Для начала что-то из ее украшений, потом что-то из еды и так далее. Ей нужно научиться расставаться с тем, что для нее ценно. Когда приходит время и ее маленький мальчик, повзрослев, становится мужчиной, она уже умеет отпустить самое дорогое, что у нее есть. Это обряд инициации для женщины — уметь отпускать.

А вот мужчину нужно систематически вырывать из мира женщин, забирать в лагерь мужчин, чтобы он нашел свое поле деятельности, заставлять совершать активные действия. Девочку «забирает» сама жизнь. Поэтому инициация для девочки заключается в том, чтобы сидеть в крошечной хижине во время первой менструации[72] и осознавать: «Я — женщина». А однажды она понимает, что беременна, и вот она уже мать.

ЖЕНЩИНА: ***И верблюд.***

КЭМПБЕЛЛ: Ну почему же обязательно верблюд? Никакой она не верблюд. Это ее поле деятельности — она может пройти весь этот путь полностью, так же, как мужчина проходит свой.

ЖЕНЩИНА: ***В идеале хорошо бы изменить все так, чтобы женщина могла продолжать исследовать свой потенциал и при этом быть матерью, и женой, и всем, чем она пожелает.***

КЭМПБЕЛЛ: Если у нее есть семья, ей этим и нужно заниматься; нет никакой работы в мире без рутинных обязанностей.

ЖЕНЩИНА: ***С этим полностью согласна.***

КЭМПБЕЛЛ: Рутина, рутина — что за проблема?

ЖЕНЩИНА: ***Но вы постоянно возвращались к этой мысли в ваших лекциях: очень сложно выполнять творческую работу или заниматься духовной практикой, если вас постоянно отвлекают.***

КЭМПБЕЛЛ: А раньше воспитание детей считалось творческим занятием.

ЖЕНЩИНА: ***Знаете, мне кажется, что странствие героя не связано с мытьем посуды, или выступлением в совете директоров, или участием в войне, или работой в библиотеке. Я думаю, что это психологический путь, который нужно пройти и творчески относиться к тому, что ты делаешь, неважно, что это. Если вы нашли ответы на психологические вопросы к самому себе и интегрировались в пространство мифа, все оживает. Оттенок творчества будет присутствовать во всем, чем вы занимаетесь. Но сомневаюсь, что это произойдете человеком, который всю жизнь моет посуду.***

Думаю, что этот аспект психологического странствия более или менее одинаков и для мужчин, и для женщин. Я знаю, что я многое идентифицирую с тем приключением, о котором вы рассуждали в книге. Когда я узнала о нем, вся моя жизнь осветилась. Если бы я не смогла это воспринять, думаю, я не приехала бы сюда; у меня в душе не было бы радости. Я словно обрела почву под ногами в вечности, я словно научилась воспринимать мир как метафору, стала смотреть на все другими глазами.

КЭМПБЕЛЛ: Когда я обучал тех молодых женщин, я не собирался делать из них филологов или историков. И зачем я тогда учил их всему этому? Можно использовать материал очень разными способами. Ход моих мыслей был таков: большинство из них выйдут замуж, у них будет много хлопот по дому, что сравнимо с моими ежедневными

---

[72] См. об этом в книге Маргарет Мид «Культура и мир детства».

хлопотами, связанными с их обучением, а это тоже не так-то весело, как я выяснил, когда мои первые восторги прошли. (Смех) Но я думал, что они выйдут замуж, и наступит время, когда им стукнет по пятьдесят, и их семья начнет распадаться, как у этой бедной бенгальской женщины. Тогда они останутся сами по себе.

И поэтому я стремился дать им духовный метод для расшифровки мира с точки зрения второй половины странствия, и это получилось. Это было так давно. Я знаю, что происходит с этими женщинами сейчас, двадцать, тридцать, сорок лет спустя, и все в один голос говорят, что все получилось, как надо. Именно эта энергия подпитывает каждую сторону жизни этих женщин.

И у вас есть эта проблема: у вас ушло страшно много сил на работу. Мыть посуду может быть довольно утомительно. Но вот вы достигли возраста, когда подумали, что способны на большее. Вот в чем проблема — вы все еще только думаете об этом, понимаете?

Всякий, кто вступает в брак, сталкивается с этой проблемой. Хозяйство ложится на ваши плечи тяжким грузом, и неважно, мужчина вы или женщина. Если вы собираетесь получать удовольствие, как это делал я, от свободного орлиного полета своего духа и не нести ни за что ответственность, вам следовало давно подумать о том, что вам светит, и не вступать в брак. Правда, женщина, знающая обо всем этом не первый год, чаще всего все равно стремится замуж, когда ей исполняется тридцать.

ЖЕНЩИНА: ***Даже если вы не в браке, посуду все равно надо мыть.***

КЭМПБЕЛЛ: Вы тратите на это всю свою жизнь. Вся ваша жизнь состоит из какой-нибудь рутины.

ЖЕНЩИНА: ***Я хочу сказать, что многие люди называют это говноработой, но я предпочитаю воспринимать ее как своего рода дзен. Я имею в виду, что какие-то вещи все равно нужно делать. Нужно мыть овощи, прежде чем съесть.***

КЭМПБЕЛЛ: Да. В Дзен даже мытье посуды — это медитация и жизненный акт. А не рутина и не то, чем вы его только что назвали.

Иногда самая черная работа может стать частью деяний героя. Задача в том, чтобы не увязать в рутине, а использовать ее как средство для раскрепощения.

А приключение всегда безрассудно. Это касается даже тех мелочей, с которыми я сталкиваюсь, когда переписываю книгу. Есть одно очень интересное письмо от немецкого поэта Шиллера к молодому автору, который страдал от так называемого творческого кризиса75, от собственной неспособности откликнуться на зов. Шиллер объяснил ему причину: «Ваша проблема в том, что вы включаете критику раньше, чем лирика смогла выразить себя». Мы проводим молодость, изучая Шекспира и Мильтона, постигая их гениальность и даже критикуя их в некоторых случаях, а потом начинаем сочинять свои собственные жалкие поэмки и думаем: о, боже, все на выброс!

Когда я пишу, я думаю об академическом мире; я знаю, что они думают, а они не думают, о чем я думаю. Я просто должен сказать что нужно, и пусть обрушится гильотина; ты поймал меня, дружище, но ты услышал, о чем я хотел сказать. Я всегда чувствую себя так, словно прохожу через Симплегады, которые вот-вот сомкнутся, но я проскакиваю сквозь них прежде, чем они раздавят меня. И при этом возникает очень странное чувство, словно я держу — да-да, держу — эти врата открытыми, чтобы сквозь них проскочила мысль. Только *так* это и делается. Не думайте о плохом. Дурные отзывы обрушатся на вас, и это будет похоже на мытье посуды, понимаете? Нужно держать дверь открытой, чтобы делать что-то, чего раньше не делали. Вы должны гнуть свою линию, вы должны оставить критиков в состоянии неопределенности. Я уверен, что такое с каждым случается. Когда занимаешься сочинительством, такое происходит постоянно, едва заставишь предложение выйти из-под пера.

ЖЕНЩИНА: ***Поскольку все остальное — это движение из ниоткуда.***

КЭМПБЕЛЛ: Все остальное. Так убивают дракона. Иногда дракон появляется с красным карандашом в лапе, а иногда приносит с собой кучу немытых тарелок. (Смех) Я хочу, чтобы вы это запомнили, — это красивый образ. Дракон с посудомоечной машиной вместо тела.

ЖЕНЩИНА: ***То есть вы хотите сказать, что герой может отказаться отвечать на зов, потому что должен заниматься своим домом? А к женщине это тоже относится, только ее долгом может быть мытье посуды, а долгом мужчины может быть, я не знаю, например, обеспечивать семью, как бы вы это ни называли?***

КЭМПБЕЛЛ: Достигнув нирваны, Будда столкнулся с тремя искушениями. Повелитель Похоти, Кама, сделал так, что перед ним прошлись три обольстительные девушки; их имена были Желание, Осуществление и Сожаление. Но Будда больше не идентифицировал себя со своим эго. Он отождествил себя со Вселенским Я, сознанием, которое и в них тоже присутствовало. И эти девушки не привлекли его; он оставался невозмутим. Тогда Кама обратился к Повелителю Страха, Маре, и тот наслал на Будду всю мощь своей ужасающей армии. Но Будда больше не был человеком и не испугался. Он отождествил себя со всем, что происходит вокруг, поэтому такие незначительные явления, как мечи и пики, не могли причинить ему вреда. А потом пришло третье искушение, как раз то, о котором вы упоминали, — дхарма, или долг. «Молодой человек, сидящий под этим деревом, ты — принц! Почему ты не сидишь на троне там, где ты должен быть?» Но Будда и на это не откликался. Вытянув палец вниз, он прикоснулся к земле, обратившись к самой природе, чтобы засвидетельствовать, что он находится в правильном месте, в самом центре мира. И он во всем исполнил свой долг.

ЖЕНЩИНА: ***Перемыл всю посуду и заработал деньги.***

КЭМПБЕЛЛ: Да, он выполнил все эти задачи, и теперь он свободен. Помните, что я рассказывал о *кундалини* ? *Чакры* в нижней части тела цепляются за жизнь, за рождение и победу — это первая, вторая и третья *чакры.* Они объединяют нас с животными. И когда просыпается та *чакра* , которая находится в сердце, пробуждается дух; все, что за ним, — метафорически выраженная тайна.

Когда знание приходит из сердца, которое расположено в центре, главным фактором становится любовь. Если она не распространяется на мытье посуды, вы просто завязли в рутине. Если вы любите посуду и понимаете, какую роль она играет в вашей жизни, когда вы — кормилец семьи, основа ее существования, и так далее, тогда все трансформируется в метафору и вы становитесь свободны. А смысл такого понятия, как Бодхисатва, заключается в том, что нет никаких видимых различий между наблюдаемыми действиями, между рабской зависимостью и освобождением. Два человека выполняют одно и то же действие, один находится в подчиненном положении, другой — свободен. Конечно, те работы, которые должен выполнять человек в тюрьме, — крайний случай, но есть истории о святых, которые смогли трансцендировать даже эту ситуацию.

Но простые повседневные обязанности, которые вы выполняете оттого, что они важны для вас, или оттого, что вы любите это делать, или потому, что приняли решение отдаться этому процессу, не должны ложиться на вас тяжким грузом.

ЖЕНЩИНА: ***Я в такой ситуации представляюсь себе Психеей, которая отделяет горох от фасоли, выбирая то, что нужно, и размышляя о том, в чем состоит странствие героини.***

КЭМПБЕЛЛ: Да.

ЖЕНЩИНА: ***И вот еще какая мысль пришла мне в голову. Такое странствие отличается от путешествия героя тем, что самое главное в нем — это время, а в путешествии героя самое главное — пространство. И нужно набраться стойкости,***

остаться там, где ты есть, и выдержать все. Поработать с этим, а ***не просто выдержать. Погружаться все глубже и глубже, становиться все чище и чище. А для мужчины полем деятельности становится то, что вы называете Заколдованным Лесом с Приключениями. Обычно герой — это молодой человек, который отправляется в странствие. Это же обычно не человек среднего возраста, верно?***

КЭМПБЕЛЛ: Да, обычно это молодой человек.

ЖЕНЩИНА: ***Да, верно.***

КЭМПБЕЛЛ: В «Одиссее» вы увидите три странствия. Первое — это странствие Телемака, который отправился на поиски своего отца. Второе — это странствие отца, Одиссея, который обретает гармонию и откликается на женское начало, вступая в равноправные отношения с женщиной, а не устанавливая господство мужского начала над женским, как в «Илиаде». А третье — это странствие самой Пенелопы, которое состоит именно в том, о чем вы только что упоминали: в стойкости. Прогуляйтесь по острову Нантакет[73], и вы увидите площадки с перильцами на крыше домов: там жены ждут, когда муж вернется из плавания. Два путешествия в пространстве, а одно — во времени.

ЖЕНЩИНА: ***Возможно, вы хотели сказать, и это очень интересная мысль, что в странствие героя обычно отправляется молодой человек, а странствие героини предполагает более зрелый возраст, который наступает, возможно, когда уже не надо мыть посуду и рожать детей? А если у женщины нет детей?***

КЭМПБЕЛЛ: У моей жены их нет. Он танцовщица и хореограф. Моя жена Джин работала с Мартой Грэм, у которой в жизни не было ничего, кроме танца. Марте сейчас девяносто, она продолжает работать, все еще занимается танцами.

Ее пришлось пережить очень тяжелый момент в жизни, когда она больше не могла заниматься своим искусством, поскольку тело было ее основным инструментом. Когда она была больше уже не в состоянии это делать, она пережила колоссальный психологический кризис. Джин считала, что танец — это только *часть* ее жизни, поэтому сейчас, когда она перестала танцевать оттого, что тело перестало ее слушаться, как прежде, она сумела с этим справиться. И всегда именно ее жизнь, а не ее искусство, была для нее на первом месте.

ЖЕНЩИНА: Итак, она совершила свое героическое странствие?

КЭМПБЕЛЛ: У нее удачно сложилась карьера.

ЖЕНЩИНА: А как она сама связывает одно с другим? Она воспринимает свою карьеру как странствие героя? Или, допустим, как странствие героини?

КЭМПБЕЛЛ: Скажем так, мифология здесь оказалась отчасти полезной. Кроме того, у нее всегда был муж, который помог ей увидеть, что происходит.

Примечания

Предисловие редактора

1 См. "Эго: восток и запад", глава 3.

---

[73] Нантакет — остров в Атлантическом океане. Расположен в 48,3 км к югу от мыса Кейп-Код и в 24 км к востоку от острова Мартас-Винъярд. Бывшая столица китобойного промысла Америки и центр рыболовства.

Введение

2 Большая часть введения относится к тому разделу лекции, которую Кэмпбелл прочел в 1981 году (гриф L965 в архивах Фонда Джозефа Кэмпбелла). Обсуждение понятия «следовать за своей благодатью» было взято из встречи, состоявшей из вопросов и ответов, после лекции 23 апреля 1983 года, под названием «Переживание тайны» (L830).

3 Карфилд Дюркгейм (1896-1988) был немецким аристократом на дипломатической службе в Японии. Его знакомство с дзен-буддизмом и даосизмом в Восточной Азии открыло для него новые горизонты мысли. По возвращении в Европу он последовал по интеллектуальному пути, который во многом присущ Джозефу Кэмпбеллу и касается изучения мифа и того, что ему соответствует в сфере духовных практик, а также глубинной психологии Юнга. Вместе с Мартой Гиппиус, которая впоследствии стала его женой, он основал центр духовной психологии.

Карл Густав Юнг (1875-1961) был одним из величайших новаторов в области психологии XX века. Более подробно о его биографии и трудах можно прочесть в главах этой книги «Миф и собственное Я» и «Личный миф». Эрих Нойман (1905-1960) был студентом Юнга и психологом. Оба они исследовали связи между мифологией и психологией.

4 Более подробно теории Джойса относительно уместного и неуместного искусства обсуждаются в работе Джозефа Кэмпбелла «*Внутренние пределы внешнего пространства: метафора как миф и как религия»-,* Joseph Campbell, *The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion* (Novato, Calif.: New World Library, 2002), с. 90-91.

5 Lao-tzu, *Tao-te Ching,* trans. Gai-Fu Fung and Jane English (New York: Vintage Books, 1997), p. 1.

6 Waldemar Bogoras, «The Chuckche, Material Culture», *Memoirs of the American Museum of Natural History,* том 11, часть 1 (New York: G.E. Stechert and Co., n.d.).

7 Gareth Hill и др., *The Shaman from Elko: Festshrift for Joseph L. Henderson, M.D.* (San Francisco: The Jung Society of San Francisco, 1978).

8 Alberto M. de Agostini, *I miei viaggi nella Terra del Fuoco* (Turin: Cartografia Flli. de Agostini, 1923).

9 Более подробно о путешествии Кэмпбелла в Индию и Восточную Азию см. Joseph Campbell, «*Baksheesh & Brahman: Asian Journals—India* », Robin and Stephen Larsen and Antony Van Couvering, eds. (Novato, Calif.: New World Library, 2002), а также *Sake & Satori: Asian Journals—Japan,* David Kudler, ed (Novato, Calif.: New World Library, 2002).

10 James Joyce, *Finnegans Wake* (New York: Penguin Books, 1982), p. 230.

11 Epistle of Paul to the Galatians, 2:20.

12 Этот концепт является догматом недуалистической секты Адвайта Веданта (Advaita Vedanta), основанной Шанкаром около 800 года н. э.

13 Этим другом был Джон Моффитт-мл., с которым Кэмпбелл познакомился в центре Рамакришна-Вивекананда (Ramakrishna-Vivekananda Center) в Нью-Йорке. Оба они помогали Швами Никхиланда переводить труды для миссии: Кэмпбелл издал перевод Упанишад, выполненный Никхиландой, а Моффитт помогал переводить «Обращение Шри Рамакришны» и «Познание себя» Шанкара. Моффитт был одним из очень немногих представителей Запада, который принял посвящение от саннься Рамакришны. В 1959 году, приняв имя Свами Атмагхананда, Моффитт подробно описал все, что с ним происходило, когда он принял сан в двух религиозных традициях, в книге *«Journey to Gorakhpur: An Encounter with Christ beyond Christianity* » (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972). Более подробно о Швами Атмагхананде и Обществе Веданта см. Joseph Campbell, *«Baksheesh & Brahman: Asian Journals—India* », там же.

Глава 1

14 Этот раздел в основном построен на основе материалов из прочитанной 9 мая 1968 года в Амхерстском колледже (Amherst College) лекции «Необходимость мифа» («The Necessity of Myth») (L196), ее запись доступна как часть 4 сборника аудиозаписей Джозефа Кэмпбелла *The Joseph Campbell Audio Collection,* том IV: *Man and Myth.* Часть этого раздела взята из лекции, прочитанной 17 апреля 1969 года, в университете Вермонт, под названием «Необходимость мифа» («The Necessity of Myth» (L250)).

15 Arthur Schopenhauer, «On the Sufferings of the World», *Studies in Pessimism: A Series of Essays,* trans. T. Bailey Saunders, M. A. (London: Swan, Sonnenschein & Co., 1892). См. http://etext.library.adelaide.aU/s/schopenhauer/arthur/ pessimism/chapter1.html.

16 Sir Baldwin Spencer, *Native Tribes of Central Australia* (New York: Dover Publications, 1968).

Глава 2

17 В этом разделе в основном используются материалы лекции на тему «Человек и миф», прочитанной Кэмпбеллом 16 октября 1972 года в канадском университете Loyola of Montréal (L435). Аудиозапись была выпущена в собрании Сборника аудиозаписей Джозефа Кэмпбелла *(The Joseph Campbell Audio Collection,* vol. IV: *Man and Myth).* Монография, также озаглавленная «Человек и миф» *(Man and Myth),* тоже относилась к этой лекции и семинару под названием «Воображение и отношение к теологическим исследованиям» (“Imagination and Relation to Theological Enquiry”) (L436) и была издана в департаменте Теологических исследований Лойолы, Монреаль (Department of Theological Studies of Loyola of Montréal (Montreal: Editions Desclée & Cie / Les Editions Bellarmin, 1973)).

18 Первая часть этого раздела построена на материалах из L250. См. примечание 14.

19 Angelus Silesius, *The Angelic Verses: From the Book of Angelas Silesius,* Frederick Franck, ed. (Boston: Beacon Point Press, 2000).

20 Steven Fanning, *Mystics of the Christian Tradition* (New York: Routledge, 2001), p. 103.

21 Эта идея развивается в качестве центральной темы в трудах Кэмпбелла: Joseph Campbell, *Thou Art That: Transforming Religious Metaphor,* Eugene Kennedy, ed. (Novato, Calif.: New World Library, 2001), и Campbell, *The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion.*

22 Это утверждение — которое Кэмпбелл считал противоречивым — очень показательно с точки зрения вопроса, занимавшего его в более поздние годы исследований. По сей день существуют разногласия между социологами, развивались ли цивилизации глобально, путем диффузии (как утверждает здесь Кэмпбелл), на основе дивергенции или на основе параллелизма. См. Campbell, The *Historical Atlas of World Mythology,* vol. 2, part 1 (New York: Alfred van der Marck Editions, 1988), p. 2 и Campbell, “Mythogenesis”, *The Flight of the Wild Gander* (Novato, Calif.: New World Library, 2002), там же.

23 Лев. 17:6.

24 Быт. 1:26.

25 Миннехаха изначально была персонажем из легенд индейцев Дакоты племени сиу, а не из легенд черноногих индейцев. История о ней приобрела известность благодаря знаменитой «Песни о Гайавате» Лонгфелло, которую и Кэмпбелл, и многие американцы его поколения знали очень хорошо. Он использует ее имя ради шутки, что заметно по его юмористическим интонациям в этой лекции.

26 Leo Frobenius, *Paideuma* (Frankfurt am Main: Frankfurter societat-druckerei, 1928).

27 Более подробно эта тема обсуждается в Campbell, *Thou Art That,* pp. 15, 66,111-112.

28 Ис. Нав 1:5.

29 Быт. 3:19.

30 Thomas Aquinas, *Summa contra gentiles,* книга 1, глава 3.

31 Chandogya UpaniBad, глава 12.

32 Развитие этой идеи — один из центральных тезисов Campbell, *Myths of Light: Eastern*

Metaphors of the Eternal, David Kudler, ed. (Novato, Calif.: New World Library, 2003).

Глава 3

33 В следующих разделах в основном используются материалы лекции «Обзор Западной психологии: Фрейд и Юнг», прочитанной Кэмпбеллом в 1962 году в Институте международных отношений Foreign Service Institute (L47); двух лекций по теме «Как прожить свой собственный миф» (“Living Your Personal Myth”), одну из которых Кэмпбелл прочел 17 ноября 1972 года, в Клубе психоаналитиков Нью-Йорка (Analytical Psychiatrists’ Club of New York (L441)), другая была прочитана 3 мая 1973 года, в Университете Арканзаса (The University of Arkansas, Fayetteville) (L483)); и в материалах недельного симпозиума также по теме «Как прожить свой собственный миф» (“Living Your Personal Myth,”), который Кэмпбелл проводил в Институте Эсален в Биг-Сур, Калифорния, с 16 по 20 марта 1973 года (L468-L472).

Глава 4

34 Эта и последующие главы построены на материалах их архива Кэмпбелла под грифом L441, L468-L472 и L483. См. примечание 33.

35 Кэмпбелл комментирует воспринятые, зависящие от культуры различия между полами. Более глубокое изложение его мыслей на тему различий между полами — см. с. 145-159.

36 Мф., 7:1.

37 Это эпиграмма оксфордского студента и впоследствии сатирика Тома Брауна, жившего в 1680 году. Рассказывают, что он сочинил ее в отместку за наказание, которое на него наложил декан колледжа, доктор Джон Фелл. Это транскрипция эпиграммы древнеримского поэта Марциала: *Non amo te, Sabidi, nec possum dicere quare; / Hoc tantum posso dicere, non amo te.* Это еще раз доказывает, что тень от тени всегда сопровождает нас.

38 Кор. 13:7.

39 Thomas Mann, *Tonio Kröger,* David Luke, trans. (New York: Bantam Modern Classics, 1990).

40 Thomas Mann, “Little Herr Friedmann”, *Death in Venice and Other Tales,* Joachim Neugroschel, trans. (London: Penguin, 1998).

Глава 5

41 C. G. Jung, *The Portable Jung,* ed. Joseph Campbell (New York: Viking, 1971), p. XXI.

42*The Portable Jung,* pp. XXI-XXII.

43*The Inner Reaches of Outer Space: Myth as Metaphor and as Religion.*

44 Мф. 10:39.

45 “En un *cuaderno* de La *Critica cita Croce* la *definition gue* un *italiano da* del *latoso* : es — dice — el que nos quita la soledad y no nos da la compania.” José Ortega y Gasset, *Obras complétas* (Madrid: Talleres Grâficos, 1957), p. 378.

46 Более подробно кундалини-йога и священный слог «аум» обсуждаются в книгах Joseph Campbell, *Myths of Light: Eastern Metaphors of the Eternal,* pp. 27-38; *The Inner Reaches of Outer Space,* pp. 36-37,71 -72; и *The Mythic Image* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981), pp. 331-87.

47 Henry Adams, *Mont-Saint-Michel and Chartres* (New York: Penguin, 1986).

48 Более подробно об этом понятии см. Joseph Campbell, *Mythic Worlds, Modem Wordsjoseph Campbell on the Art of James, Joyce,* Edmund L. Epstein, PhD, ed. (Novato, Calif.: New World Library, 2004), pp. 19-25.

49 Это буквальный перевод Кэмпбеллом отрывка из Данте Алигьери (Dante Alighieri,

Vita nuova), глава 2. Его полный текст гласит:

In quello punto dico veracemente che lo spirito de la vita, lo quale dimora ne la secretissima camera de lo cuore, cominciò a tremare sì fortemente, che apparia ne li menimi polsi orribilmente; e tremando disse queste parole: "Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur michi".

In quello punto lo spirito animale, lo quale dimora ne l'alta camera ne la quale tutti li spiriti sensitivi portano le loro percezioni, si cominciò a maravigliare molto, e parlando spezialmente a li spiriti del viso, sì disse queste parole: "Apparuit iam beatitudo vestra".

In quello punto lo spirito naturale, lo quale dimora in quella parte ove si ministra lo nutrimento nostro, cominciò a piangere, e piangendo disse queste parole: "Heu miser, quia frequenter impeditus ero deinceps!".

50 Бхайравананда (*Bhairavànanda*) — это эпитет для описания Шивы. Также обозначение статуса для проходящего инициацию в некоторых тантрических сектах.

51 Immanuel Kant, *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik , die als Wissenschaft wird auftreten können , pp.* 36-38.

Глава 6

52 Следующие разделы построены в основном на материалах двух дней работы продолжительного симпозиума на тему *«* Исследования», который Кэмпбелл проводил в Институте Эсален в Биг Сур, Калифорния, Big Sur, California, с 16 ноября по 20 марта 1973 года (L1183-L1185).

53 Первые абзацы этой главы основаны на материалах L472 из фонда Кэмпбелла. См. примечание 34.

54 Arthur Schopenhauer, “Über die anscheinende Absichtlichkeit im Schicksale des Einzelnen” (Leipzig: Ed. Frauenstaedt, 1851). Кэмпбелл прочитал это эссе в оригинале: он приводит собственный перевод заглавия с немецкого языка. Английский перевод этого эссе опубликован в E. E J. Payne, ed., *Six Long Philosophical Essays,* vol. 1, *Parerga and Paralipomena* (Oxford: Clarendon Press, 2000), pp. 199.

55 Joseph Campbell, *Myths to Live By* (New York: Penguin, 1983).

56 Joseph Campbell, *The Hero with a Thousand Faces* (Princeton, N.J.: Princeton University, 2004, издание к столетнему юбилею Кэмпбелла).

57 Joseph Campbell, *The Historical Adas of World Mythology,* vol. 1, *The Way of the Animal Powers* (New York: Alfred van der Marek Editions, 1983).

58 T. S. Eliot, “The Hollow Men”, *The Waste Land and Other Poems* (New York: Signet, 1998).

59 Упоминание об этой встрече содержится в дневнике Кэмпбелла, который он вел, путешествуя по Индии: *Baksheesh & Brahman: Asian Journals—India,* pp. 277-78.

60 Примечательно, что последнее законченное произведение Юнга было посвящено исследованию символизма *hierosgamos* в мифологии и алхимии: *Mysterium Coniunctionis,* 2-е изд., том 14, *The Collected Works of C. G.Jung* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977).

61 Joseph Campbell and Henry Morton Robinson, *A Skeleton Key to Finnegans Wake (San* Francisco: Harcourt Brace Jovanovich, 1988).

62 Эту статью и послесловие к ней «Skin of Whose Teeth? Part II» и размышления Кэмпбелла о романах Джойса можно прочесть в Campbell, *Mythic Worlds, Modem Words.*

ЧАСТЬ 4

63 Вопросы и ответы на них из этого раздела взяты из лекций, использованных в этой книге.

Глава 7

64 Озаркский Христос — огромная статуя Христа с простертыми руками, которая воздвигнута на Магнитной Горе в штате Арканзас. Высотой в шестьдесят семь футов и весом более миллиона фунтов, эта статуя была построена во исполнение воли Джеральда Л. К. Смита, проповедника-фундаменталиста, известного как «самый выдающийся антисемит в Америке» с 1940-х до его кончины в 1977 году. Смит похоронен у подножия этой статуи. См. Michael Barkhun, *Religions and the Racist Right: The Origins of the Christian Identity Movement,* обновленное издание (Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1966).

65 Alan Watts, “Images of God”, *The Tao of Philosophy,* аудиоизд. (San Anselmo, Calif.: Electronic University Publishing, 1995).

66 Не. 45:7.

67 Мф. 5:43-44.

68 Мф. 5:44-45.

69 Ин. 10:30.

70 Более детальные исследования символики архетипов колоды карт таро см. в Joseph Campbell, *The Hero’s Journey: Joseph Campbell on His Life and Work* (Novato, Calif.: New World Library, 2003), pp. 179-83. Также см. Richard Roberts, *Tarot Revelations* (Fairfax, Calif.: Vernal Equinox Press, 1987), исследование в стиле Юнга колоды Белого Всадника в предисловием Джозефа Кэмпбелла.

71 Это Анна Ливия Плюрабель и Генри Чимпден Ирвикер из «Поминок по Финнегану» Джойса (Anna Livia Plurabelle and Henry Chimpden Earwicker from James Joyce, *Finnegans Wake,* 23).

72 Friedrich Nietzsche, *Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None,* Walter Kaufmann, trans. (New York: Modem Library, 1995), pp. 25-28.

73 Джордж Кэтлин (George Catlin) (1796-1872) был художником, который жил в племени Верхнего Миссури в течение 1830-х годов, изучал их жизнь и рисовал аборигенов.

74 См. Joseph Campbell, *The Masks of God,* vol. 1: *Primitive Mythology* (New York: Penguin USA, 1991), p. 372.

75 Фридрих Шиллер (Friedrich Schiller) (1759-1805) — поэт, критик и драматург. Наиболее известен благодаря своим драмам «Дон Карлос» и «Мария Стюарт», а также «Одой к Радости», которую Людвиг ван Бетховен прославил, переложив на музыку в своей Девятой Симфонии.

Далее представлены главные книги, созданные Кэмпбеллом и опубликованные в его редакции. Каждый пункт предоставляет библиографические данные относительно первого издания. За более полной информацией просьба обращаться в медиатеку Фонда Джозефа Кэмпбелла *(The Joseph Campbell Foundation,* сайт *www.jcf.org).*

Книги Кэмпбелла

Where the Two Came to Their Father: A Navaho War Ceremonial Given by Jeff King. Bollingen Series I. With Maud Oakes and Jeff King. Richmond, Va.: Old Dominion Foundation, 1943.

A Skeleton Key to Finnegans Wake. With Henry Morton Robinson. New York: Harcourt, Brace & Co., 1944.

The Hero with a Thousand Faces. Bollingen Series XVII. New York: Pantheon Books, 1949.

The Masks of God, vol. 4. New York: Viking Press, 1959-1968, vol. 1.

Primitive Mythology, 1959, vol. 2. *Oriental Mythology,* 1962, vol. 3.

Occidental Mythology, 1964, vol. 4. *Creative Mythology,* 1968.

The Flight of the Wild Gander: Explorations in the Mythological Dimension. New York: Viking Press, 1969.

The Mythic Image. Bollingen Series c. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974.

The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion. New York: Alfred van der Marck Editions, 1986.

The Historical Atlas of World Mythology: vol. 1, *The Way of the Animal Powers.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1983. Переиздано в 2 частях, Часть 1, *Mythologies of the Primitive.*

Hunters and Gatherers. New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Часть 2, *Mythologies of the Great Hunt.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Т. 2, *The Way of the Seeded Earth,* 3 части, Часть 1, *The Sacrifice.* New York: Alfred van der Marck Editions, 1988. Часть 2, *Mythologies of the Primitive*

Primitive Planters: The Northern Americas. New York: Harper & Row Perennial Library, 1989. Part 3, *Mythologies of the Primitive.*

Planters: The Middle and Southern Americas. New York: Harper *&* Row Perennial Library, 1989.

The Power of Myth with Bill Moyers. With Bill Moyers. Ed. Betty Sue Flowers. New York: Doubleday, 1988.

Transformations of Myth through Time. New York: Harper & Row, 1990.

The Hero's Journey: Joseph Campbell on His Life and Work. Ed. Phil Cousineau. New York: Harper & Row, 1990.

Reflections on the Art of Living: A Joseph Campbell Companion. Ed. Diane K. Osbon. New York: Harper Collins, 1991.

Mythic Worlds, Modem Words: On the Art of James Joyce. Ed. Edmund L. Epstein. New York: Harper Collins, 1993.

Baksheesh & Brahman: Asian Journals — India. Изд. Robin and Stephen Larsen and Antony Van Couvering. New York: Harper Collins, 1995.

The Mythic Dimension: Selected Essays 1959-1987. Ed. Antony Van Couvering. New York: Harper Collins, 1997.

Thou Art That: Transforming Religious Metaphor. Ed. Eugene Kennedy. Novato, Calif.: New World Library, 2001.

Sake & Satori: Asian Journals—Japan. Ed. David Kudler. Novato, Calif.: New World Library, 2002.

Myths of Light: Eastern Metaphors of the Eternal. Ed. David Kudler. Novato, Calif.: New World Library, 2003.

Книги, выпущенные под редакцией Кэмпбелла

Книги, изданные и отредактированные, из посмертного наследия Генриха Циммера:

Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. Bollingen Series VI. New York: Pantheon, 1946.

The King and the Corpse. Bollingen Series XI. New York: Pantheon, 1948.

Philosophies of India. Bollingen Series XXVI. New York: Pantheon, 1951.

The Art of Indian Asia. Bollingen Series XXXIX, 2 vol. New York: Pantheon, 1955.

The Portable Arabian Nights. New York: Viking Press, 1951.

Рукописи из Ежегодников Еранос. Bollingen Series XXX, 6 томов. Издано совместно с R. F. C. Hull и Olga Froebe-Kapteyn, перевод Ralph Manheim. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1954-1969.

Myth, Dreams and Religion: Eleven Visions of Connection. New York: E. P. Dutton, 1970.

The Portable Jung. By C. G. Jung. Translated by R. F. C. Hull. New York: Viking Press, 1971.

My Life and Lives. By Rato Khyongla Nawang Losang. New York: E. P. Dutton, 1977.

Об авторе

Джозеф Кэмпбелл (1904-1987) — американский мифолог, писатель и лектор, наиболее известный за свою работу в области сравнительной мифологии и сравнительной религии. Список его работ огромен и охватывает многие аспекты человеческого опыта. Его философия часто отождествляется с фразой, которую он сказал: « Следуйте своему счастью».

Джозеф Кэмпбелл родился и вырос в Уайт-Плейнс, штат Нью-Йорк. В 1921 году он окончил Школу Кантербери, затем поступил в Колледж Дартмунда, где изучал биологию и математику, а позднее в Колумбийский Университет, где он в 1925 году получил степень бакалавра по английской литературе, а в 1927 году - степень магистра наук по средневековой литературе.

Среди его выдающихся книг такие, как «Мифы, в которых нам жить», «Тысячеликий герой», «Маски Бога», «Мифический образ», «Исторический атлас мировой мифологии».

В его работах доказывается, что все мифы и былины связаны в психике человека, они являются культурным проявлением универсальной потребности объяснять социальные, космологические и духовные реалии жизни. Кэмпбелл объездил значительную часть мира в поисках мифологических сюжетов.

Его работы награждены многочисленными премиями и наградами Национального института искусств (США).

Джозеф Кэмпбелл умер от рака в возрасте 83 лет дома на Гавайях вскоре после завершения съемок фильма «Сила мифа» с Биллом Мойерсом.